

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Ш О В Ъ С Т И
И
Р А З С К А З Ы

П Е Т Р А С У М А Р О К О В А .

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я .

М О С К В А .

В Ъ Т И П О Г Р А Ф И И Л А З А Р Е В Ы Х Ъ
И Н С Т И Т У Т А В О С Т О Ч Н Ы Х Ъ Я З Ы К О В Ъ .

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечатаніи предста-
влены были въ Цензурный Комитетъ при
экземпляра. Москва, Апрѣля 10 дня 1833
года.

Цензоръ Л. Цытасвъ.

КОЛЬЦО И ЗАПИСКА.

КОЛЬЦО И ЗАПИСКА.

...грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечпанья
Исплели быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.

А. Пушкинъ.

— Не хочу вѣришь, чтобы Москва
была взята! — сказалъ старый, изра-
неннѣй Полковникъ Леонскій, сидя въ
Вольперовскихъ креслахъ и раскури-
вая трубку свою. — Это пустыя

слухи , распускаемые вралями , копорыхъ я бы перевѣшалъ. Купузовъ Суворовскій ученикъ и въ душѣ Русскій. Я знаю его : онъ скорѣе умреть , нежели опдастъ сполицу непріятелямъ.

«Но если въ самомъ дѣлѣ, папенька, Французы въ Москвѣ — спросила съ безпокойствомъ дочь Полковника , шеснадцатилѣтняя дѣвушка , хорошенькая какъ Амуръ, копорая сидѣла за работою возлѣ опца своего, — тогда что будешь съ нами?...»

— Тогда легко можешь спашься , что они пожалують и къ намъ въ гости. Впрочемъ, я спарый солдатъ: знаю чѣмъ пахнутъ порохи, и не боюсь ихъ. Только швое положеніе , Софья , безпокоить меня — прибавилъ спарикъ задумавшись, и взглянулъ въ окно, спараясь скрыть слезу, копорая скапчила съ его рѣсницы.

«Скоро-ли могутъ они придти сюда изъ Москвы?» продолжала дѣвушка, еще больше въспревоженная горестью отца своего.

— Наполеонъ слѣдуетъ Суворовской мѣждою, и попому перейдти споверстъ съ небольшимъ ему очень не долго. Только я думаю, здѣсь на каждомъ шагу онъ будетъ встрѣчать препятствія, и особенно переправа черезъ Оку должна затруднить его. Хорошій опытный полководецъ, какъ какъ Кутузовъ, навѣрное воспользуется этой преградой и укрѣпитъ берега Оки. А между тѣмъ свѣжія войска подходящъ, ополченія формируются, и мы скоро будемъ въ состояннн опразитъ хищника, который въ расплохъ налешълъ на добычу. Ты знаешь, Софья, что воронъ, хопѣвшій поднятъ барана, самъ запушался въ шерспн его и погнбъ. Какъ-бы съ Наполеономъ не случилось того-же: Россія слнщ-

комъ велика , и не по силамъ ему... Впрочемъ , повпоряю тебѣ , что не надобно вѣришь слухамъ: народъ , обыкновенно , любитъ увеличивать опасности.

Между тѣмъ какъ Полковникъ говорилъ такимъ образомъ , по увлекаясь чувствомъ патриотизма и мужествомъ , не совсѣмъ еще остывшимъ въ крови его , по соболѣзнуя о бѣдствіяхъ опечесыва и невольно беспокоясь , при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ , о судьбѣ милой , единственной дочери — дверь открылась и въ комнату вошелъ высокій , стройный молодой человекъ , на прекрасномъ лицѣ котораго изображалось сильное внутреннее волненіе , замѣнное съ перваго взгляда. Онъ былъ одѣтъ въ дорожное плаще , покрытое пылью. При входѣ его , чистая невинная радость блеснула въ большихъ , голубыхъ глазахъ Полковниковой дочери. Она поклонилась ему

съ привѣпливою улыбкой, а шарикъ дружелюбно пожалъ его руку. — Эпопы Ипполипъ! — сказалъ онъ. — Когда ты пріѣхалъ?

«Сію минушу. И такъ неперѣливо хопѣлъ васъ видѣшь, чпо даже не успѣлъ переодѣшья.»

— Спасибо шебѣ. Скажи-же намъ, чпо новенькаго въ Туль?

«Новоспи очень дурныя! опвѣчалъ молодой человекъ, котораго успалосшь заспавила бросишья въ кресла; Москва заняпа непріателями!»

— И такъ эпо правда! — сказалъ Полковникъ, вздохнувь и сложивъ руки; — а я до сихъ поръ считалъ эпо слухи вздорными, и надѣялся на Кушужева. . . . Но чпо-же онъ дѣлаешъ? гдѣ войски наши? . . .

«Говоряшъ, чпо наши войски сдали

Москву безъ выспрѣла и опспунили на Калужскую дорогу : больше ничего не извѣспно.»

— Боже мой ! — воскликнулъ опяпъ Полковникъ съ гореспію, не поспигая плановъ Главномандующаго , въ по время никому еще неизвѣспныхъ , и вспоминая побѣды, въ копорыхъ уча спвовалъ самъ подъ начальспвомъ Суворова. — Такъ-ли должны сражашься Русскіе!.. Гдѣ-же слава нашего оружія, гремѣющая сполько лѣпшъ на берегахъ Дуная и Рымника !.. Но неужпо всѣ сердца охладѣли? неужпо каждый изъ насъ, кпо сполько въ силахъ владѣпъ ружьемъ, или пикой, не полешипшъ на спасеніе опечеспва?... Нѣпшъ, клянусь Георгіевскимъ креспомъ моимъ , чпо если-бы не эши прокляпшыя раны, копорыя дѣлаюпшъ меня ни на чпо неспособнымъ, я бы первый, не спопря на спароспш свою, подспавилъ грудь подъ пулю непріапшельскую!...

«Я угадалъ ваши мысли, почтенный благодѣтель мой!— сказалъ молодой человекъ, видя энтузіазмъ Полковника и желая воспользоваться эпою минупой, чшобы вымолвить слово, повидимому, пьягопившее его душу. — Чувства подобныя вашимъ увлекли меня: я вступилъ въ Тульскій казачій полкъ, копорый формируетъ Князь Щербатовъ.»

При этихъ словахъ, Софія поблѣднѣла и руки ея невольно оспавили рабшпу, а на лицѣ спарика показалось изумленіе, смѣшанное съ какимъ-шо нѣжнымъ чувствомъ.

— Ты такъ скоро рѣшился на эпо, Ипполитъ — сказалъ онъ по минушному молчанію— чшо я, право не знаю: хвалишь-ли шебя, или охуждаешь поспупокъ швой. Я всегда желалъ, чшобы ты, такъ-же какъ и другіе, понесъ жизнь свою въ жертву опечеслву; но мнѣ-бы хотѣлось опредѣлить шебя въ

войска регулярныя. Тамъ служба виднѣе: съ опышными солдатами и поварыщами скорѣй можно опличиться. Для чего-же не подождать пы опвѣща опъ пріятеля моего, командира гусарской дивизіи, къ которому я писалъ о тебѣ? Онъ вѣрно-бы не опказалъ въ моей просьбѣ и прінялъ тебя.

«Въ эпомѣ я не сомнѣваюсь — опвѣчалъ Ипполитъ, заботливо посмощривая на Софію, которая гопова была плакать; — но теперь въ арміи шаковой безпорядокъ, что письмо легко могло заперяться; да и Генералу, можеть быть, совсѣмъ не до того. Между темъ время проходишь, а совѣшь и такъ упрекаешь меня, что я слишкомъ долго оспавался въ бездѣйствій.»

— Ты судишь благородно, другъ мой, и я не могу тебя оспоривать. Молодой человекъ, въ свои дѣла, ко-

шорый , при шеперешнихъ обспоя-
 шельспвахъ , не услышишь свиспу
 пуль и не прокопшился въ порохо-
 вомъ дыму , долженъ казаться всякому
 хуже мокрой курицы . Богъ съ побою !
 Я не пропивлюсь пвоему желанію .
 Сердце храброе и возвышенныя чув-
 спва не пошеряюшь цѣны своей опъ
 шого , чшо будущъ завернушы въ каф-
 шанъ казака , а не въ гусарскій доло-
 манъ . Спупай , куда шебя призываюшь
 чеспъ и долгъ . Я дарю шебъ моего
Тургенка ; пы можешь надѣяшься , чшо
 эщопъ конь вынесешъ изъ огня .

«Вы шакъ много сдѣлали для меня
 въ жизни — сказалъ съ чувспвомъ
 Ипполишь — чшо я не умѣю нако-
 нецъ и благодарилъ васъ . Но принимая ,
 съ шакою заботливоспію , учаспіе въ
 моей безопасоспи , неужели вы не
 возьмете никакихъ мѣръ для вашей
 собспвенной ? Многія семейспва выѣз-
 жаюшь изъ Тулы , боясь , чшобы не-

пріятели не пришли сюда : можетъ бытъ спрахъ ихъ основашелень , и , мнѣ каженся , въ самомъ дѣлѣ опасно оспаванься шакъ близко къ театру войны...»

— Если бы ты менѣ любилъ меня , то вѣрно бы не посоветовалъ , что бы я уѣхалъ отсюда . Развѣ забылъ ты , что каждый изъ насъ долженъ заботиться о благѣ общемъ и дѣлать то , что по силамъ ему ? Я не въ состояніи сидѣть на лошади и командовать полкомъ , но могу , по крайней мѣрѣ , поддерживать порядокъ въ деревнѣ моей ; а теперь это нужнѣе нежели когда нибудь . Крестьяне въ спрахъ , въ унынїи : и какой-же примѣръ подамъ я имъ , убѣжавъ въ то время , когда , мнѣ каженся , и старый и малый должны продавать дорогой цѣной каждый шагъ родной земли ? Да и куда могу я ѣхать съ слабымъ здоровьемъ моимъ ? . . Впрочемъ , если

ужь опасность будетъ близкая и очевидная , шо я удалю опсюда Софью.

«Нѣтъ , я не оставлю васъ! возразила дѣвушка, опирая крупныя слезы съ длинныхъ рѣсницъ своихъ. Я пакъ же умѣю умереть , какъ и другіе , и не захочу пережитьъ всего для меня драгоценнаго.»

— Ты еще пакъ молода и неопытна , моя милая , что не можешь имѣшь понятія о всѣхъ бѣдспвіяхъ , какимъ подвергаюпся слабыя существа швоего пола въ военное время. Я спарь , болѣнь , и давно ужь спою одной ногой въ гробъ; какая же разница въ шомъ , что ты поперяешь меня годомъ прежде , или послѣ? . . Правда — прибавиль Полковникъ вздохнувъ — я надѣялся оставишь тебѣ и соспоянїе и подпору , а шеперь не знаю , чѣмъ все это кончипся... Но Богъ великъ . и милоспивъ : Онъ въ силахъ сдѣлашь для

лебя гораздо больше, нежели дряхлый опецъ.

«Онъ-же можетъ опвраиить онъ насъ и всѣ несчастія, копорыхъ боимся мы прежде времени! подхватила Софья, замѣшившая ояпть грусть опца своего и одушевленная какимъ-то возвышеннымъ чувствомъ. Вы сами-же всегда говорите: что одни шолько прусы начинаютъ бояться заранѣ.»

Послѣднія слова были произнесены съ такою живоспїю, что Полковникъ невольно улыбнулся. — Не спыдно-ли мнѣ, спарому солдапу, и тебѣ, молодому рекрупу — сказалъ онъ, обращаясь къ Ипполипу, копорый въ задумчивоспи ходилъ по комнапѣ — что шеспинадцашилѣтняя дѣвочка ободряетъ насъ?

«Нѣпѣ! опвѣчалъ Ипполипъ. Бояпсья за другихъ проспишельно.»

— Съ энимъ я согласенъ. Но скажи-же мнѣ: когда ты долженъ явишься въ полкъ?

«Завтра.»

— Боже мой, такъ скоро! — сказала Софья. Это восклицаніе вырвалось у нея какъ-бы невольно, и лицо ея, оживленное на минушу, оцять помрачилось.

«Полкъ долженъ сформироваться въ двѣ недѣли, и мнѣ надобно поспѣшить, чпобы узнать поскорѣй порядокъ службы, продолжалъ Ипполитъ. Князь принялъ меня очень благосклонно; долго со мной разговаривалъ и общалъ при первомъ-же случаѣ произвесь меня въ офицеры.»

— А когда выступите вы въ походъ, и куда пойдете? — спросилъ Полковникъ.

«Этого я не знаю ; но навѣрное мы будемъ соображаться съ движеніями главной арміи.»

— Спранное движеніе! — повпоришь спарикъ, копорому все хопълось добрашья: для чего Главнокомандующій опспупилъ на Калужскую дорогу. — Неужшо Купузовъ думаешъ, чшо Наполеонъ пойдешъ назадъ, а не впередъ? И какъ оспавишь Оку безъ защиты!... Я доказаль-бы ему, чшо на пакой переправъ, съ горспнію войскъ можно удержашъ спопысячную армію... Конечно Бонапарше искуснѣе въ военной наукѣ какого нибудь прехбунчужнаго Паши, или Визиря; но за шо мы сражаемся въ своей землѣ, гдѣ, не говоря ужъ о жишеляхъ, каждый куспъ, каждый ручей помогаюшь своимъ сопечеспвенникамъ.

Тупъ Полковникъ вспупилъ въ длинное разсужденіе о шомъ, какъ должно

укрѣплять берега рѣкъ и пользоваться извѣстностію мѣсположенія , ссылаясь безпреспанно на любимаго Генерала своего , Суворова , а попомъ началъ дѣлать нужныя военныя наспавленія молодому своему другу , копорый съ воспламененной душой слушалъ рассказы спараго воина , и съ чувспвомъ благодарности принималъ совѣпы его.

Легко можно понять , что сцена , копорую описалъ я , происходила въ началъ Сентября 1812 года , въ то самое время , когда Москва — могила славы гордаго своего завоевателя — только что пала къ спопамъ его ; когда это ошомъ понеслось во все концы Россіи , а вслѣдъ за нимъ попянулись и цѣлые караваны разоренныхъ семействъ , искашь себя крова и приспанища . Но все эти событія еще слишкомъ памятны , и попому , не распроспраняясь о нихъ , я хочу поль-

ко познакомишь чипапелей съ дѣйствующими лицами моей повѣсти.

Полковникъ Леонскій давно ужъ оставилъ службу, за ранами, и поселился въ небольшой, наслѣдственной деревенькѣ своей, гдѣ тихо проходили послѣдніе дни его жизни, большою частію проведенной въ походахъ и сраженіяхъ. Наскучивъ шумомъ свѣта, изнуренный лѣтами и болѣзнями, онъ полюбилъ покой и уединеніе, и предметомъ заботъ его были только два существа, ему милья: дочь, и воспитанникъ, Иполитъ Борскій.

Отецъ Борскаго, ближайшій сосѣдъ Полковника по деревнѣ, а припомъ сослуживецъ его и другъ, умеръ, оставивъ сына своего въ такихъ еще лѣтахъ, когда помощь и надзоръ челоука опытнаго и благоразумнаго были ему необходимы. У постели умирающаго друга Полковникъ поклялся

быть оицемъ его малюпкѣ , и сдержалъ свою клятву шѣмъ охопнѣе , что молодой человекъ въ полной мѣрѣ умѣлъ чувствовашь признапельность и во всѣхъ отношеніяхъ былъ достоинъ его привязанности.

Не знаю , могъ-ли Ипполилъ уважать роднаго оица болѣе того , сколько уважалъ онъ Полковника ; не знаю такъ-же , могъ ли онъ родную сестру свою любить нѣжнѣе Полковниковой дочери. вмѣстѣ съ нею игралъ онъ въ дѣтствѣ своемъ , вмѣстѣ съ нею училъ первые уроки , и ему давно ужь казалось , что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ дѣвушки прелеснѣе и добрѣе Софьи , которая называла его брапомъ своимъ , горевала съ нимъ вмѣстѣ , когда бывало грустно ему , и привыкла счипашь его удовольствія своими собственными.

Эта дѣтская привязанность , съ лѣ-

шамн; казалось, еще больше усиливалась, и первымъ спрашнымъ горемъ для обоихъ было то время, когда Ипполитъ отправился въ Университетъ. Разсѣвшись съ подругой дѣшскихъ лѣтъ своихъ, молодой человекъ безпрестанно думалъ о ней, и дорогой, и прѣхавъ въ Москву; даже случалось иногда, что сидя въ классѣ и слушая лекцію, черпиль онъ перочиннымъ ножичкомъ на скамейкѣ имя Софіи. Но все это не мешало однакожь ему хорошо учиться, потому что онъ имѣлъ способности, и сверхъ того желалъ оправдать надежды Полковника, который, назначая его въ военную службу, хотѣлъ прежде дать ему хорошее образованіе, зная какъ нужно оно для каждаго и особливо для воина.

Между тѣмъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала всякой разъ Софія Іюля мѣсяца, и съ какою радостію встрѣ-

чала она Ипполиша , когда онъ , во время каникулъ , прїѣзжалъ домой! Годъ разлуки исчезалъ для нихъ, и имъ казалось иногда , что они какъ будто совсѣмъ не разсѣивались. Правда, что молодой человекъ , годъ отъ году, дѣлался почтительнѣе въ обращеніи своемъ съ дѣвушкой , а Софья становилась скромнѣе и застенчивѣе въ разговорахъ съ нимъ; правда и то, что иногда, сидя вмѣстѣ, они о чемъ-то вздыхали и начинали задумываться; но все это , казалось , привлекало ихъ другъ къ другу еще больше прежней дѣтской откровенности. Каждый день, когда только Ипполишъ жилъ въ деревнѣ, проводилъ онъ у Полковника; а если ужъ чтонибудь задерживало его дома на нѣсколько часовъ, то или ему , или Софьѣ, непременно встрѣчалась надобность послать , одному къ другому , книгу , рисунокъ , или чтонибудь тому подобное. Въ книги часомъ вкладывались и записоч-

ки; и хопя онъ не заключали въ себѣ ничего, кромѣ вопросовъ о здоровьѣ и указаній на какое нибудь примѣчательное мѣсто посылаемаго авшора, но со всѣмъ шѣмъ ихъ чипали, съ обѣихъ споронъ, съ большимъ любопытствомъ, и хранили, будшо какія нибудь важныя жалованныя грамошы.

Полковникъ не говорилъ никому, какіе виды имѣешъ онъ на счепъ своей дочери и воспитанника, но зналъ эпо все, и повидимому дружба ихъ приносила ему удовольствіе. Всякой разъ, когда спарець видѣлъ передъ собою прекрасную парочку, въ глазахъ его было замѣпно умиленіе; взоръ его обращался къ небесамъ и, казалось, онъ произносилъ тогда какую-шо тихую молишву.

Такъ шло время до шой самой эпохи, съ кошорой начинаешся мое повѣспивованіе. Мѣсяца за два до впорже-

нія въ Москву непріятельскихъ войскъ, Ипполитъ оспавиль Университетъ съ пѣмъ, чшобы поспѣшишь подъ опечеспвенныя знамена. Полковникъ ободрялъ его благородное намѣреніе и попчасть-же написалъ о немъ къ одному знакомому Генералу; но погдашнія смущныя обспояпельспва арміи запрянули эпо дѣло, а между пѣмъ сердце юноши рвалось опъ неперпѣнія и каждая минута бездѣйспвіа казалось ему минушой поперяной. Скучая своею праздноспью, желая узнатьъ подробнѣе о дѣйспвіяхъ арміи и взглянушь на формирующееся ополченіе, онъ опсправился въ Тулу, опспоящую на день ѣзды опъ Полковниковой деревни. Въ по время вспомогапельныя войска опвсюду подходили къ Москвѣ. Борскій съ какою-по зависпію глядѣлъ на каждый бапальонъ пѣхопы, на каждый опрядъ Казаковъ, на каждую полпу Тапаръ и Башкирцевъ, копорые попадались ему

на большой дорогѣ; съ печальнымъ видомъ провожалъ онъ ихъ и самъ готовъ былъ лѣпшъ вслѣдъ за ними. А когда, по прїездѣ въ Тулу, увидѣлъ онъ, съ какою готовностью каждый спѣшилъ принятъ участіе въ общемъ дѣлѣ; когда увидѣлъ составляющееся ополченіе, груды оружія, раздаваемого ратникамъ, словомъ, всѣ эти приготовления къ ужасной, народной войнѣ, тогда пылкая душа его уже не могла болѣе сопротивляться чувству, которое такъ сильно увлекало ее. Молодой человекъ явился къ Кн. Щербатову и, какъ мы уже видѣли, былъ принятъ имъ въ полкъ.

Борскій зналъ, что Полковникъ не будетъ сердиться на него за такую рѣшительность, но предвидѣлъ, какъ это огорчитъ Софію. Не раскаяваясь въ поступкѣ своемъ, онъ начиналъ однакожь спрашиваться и самъ такой скорой, продолжительной, можетъ

бышь даже вѣчной разлуки съ ней, и при этой мысли грусть налегала камнемъ на его сердце.

Съ такими-то противоположными чувствами вошелъ Ипполитъ къ Полковнику, и эти чувства волновали его во все продолженіе разговора съ нимъ.

Софья въ самомъ дѣлѣ не могла укрыть поски, которая ее мучила, и при самомъ еще началѣ длинной рѣчи отца своего оставила комнату. Борскому надобно было идти домой и сбираться въ дорогу: но онъ все медлилъ, все посмащивалъ на дверь, какъ-бы дожидаясь, чтобы она отворилась. Наконецъ, на дворѣ почти совсѣмъ смерклося; молодой человекъ еще разъ посмащивалъ на дверь, вздохнулъ, и проспавшись съ Полковникомъ, до завтрашняго утра, печально, тихими шагами пошелъ черезъ садъ. Не знаю,

въ задумчивости-ли, или, можетъ бытъ, по какому нибудь особенному предчувствію, вмѣсто того, чѣобы идти прямо къ калинкѣ сада, копорая вела въ поле, Ипполитъ сперва поворопилъ на лѣво, потомъ на право и наконецъ очутился подъ высокимъ дубомъ, гдѣ собственными руками его было сдѣлано дерновое канапе.

Вдругъ послышался ему сладкій, пріятный голосъ, копорый кликнулъ его. Сердце Борскаго запрепепало; онъ обернулся: это была Софья. Она сидѣла на дерновой скамьѣ, слезы капилась изъ глазъ ея. — Чѣ вы сдѣлали, Ипполитъ! — сказала дѣвушка прерывающимся голосомъ. — Зачѣмъ хопише оставишь насъ въ такое грозное, ужасное время?

«Неужели вы не одобряете моего поступка?» спросилъ съ чувствомъ молодой человекъ, пронувый этимъ

нѣжнымъ , невольнымъ упрекомъ. Неужели хопите, чшобы въ то время , когда каждый долженъ спѣшить на защиту опечеспва, собспвенности , семейспва, я одинъ оспавался празднымъ и, какъ робкая женщина, убѣгалъ опъ опасности? Нѣтъ, Софья , я былъ-бы тогда слишкомъ жалокъ и достоинъ вашего презрѣнiя. Мнѣ тяжело оспавилъ васъ ; но вообразите себѣ шу минушу , когда каждый воинъ , каждый солдапъ, возвращившись на родину и обнявъ супругу, мать , сеспру , скажетъ имъ: я сражался за васъ. . . У меня нѣтъ родныхъ , но есть люди, копорыхъ люблю я болѣе жизни моей ; не лишайте-же меня сладкаго удовольспвiя пролить кровь мою за васъ , или возвращившись вмѣспѣ съ другими, сказатъ: я сражался за шебя, моя Софья!» Говоря эти слова, Ипполитъ споялъ на колънахъ передъ плачущей дѣвушкой. Онъ хотѣлъ ободришь ее , хотѣлъ переломить поску

свою, но было замѣтно, что каждая слеза Софьи падала на его сердце.

— Вы правы, совершенно правы! — сказала опять Софья, по минушномъ молчаніи, спараясь обратиться съ духомъ. — Но мнѣ пакъ грустно, какъ будто-бы сердце хочеть вырваться изъ моей груди. Не смотрите на мои слезы: это слабость непротпительная.... мнѣ хотѣлось-бы скрыть ихъ, и между тѣмъ я чувствую какую-то опраду отъ того, что вы ихъ видите. Спупайте съ Богомъ, я не хочу и не могу васъ удерживать. Возьмите отъ меня въ знакъ памяти этошь образъ, который драгоцѣннѣе для меня всего на свѣтѣ: это благословеніе моей матери; пусть онъ хранитъ васъ и милуетъ.

— Барышня! Папенька васъ на что-то спрашиваетъ — закричалъ поненькій голосокъ изъ ближней аллеи.

— Сей часъ иду , Маша. Прощайте до завтра Ипполитъ ! — прибавила Софья, надѣвъ на него маленькій образокъ, который она сняла съ шеи.

— Теперь до завтра — подумалъ Борскій, уныло посмопрѣвъ вслѣдъ за ней — а памъ, можеть бытъ, до будущей жизни...

Но не смолря на эту мрачную мысль, промелькнувшую въ головѣ Ипполипа, сердце его было такъ полно, что онъ возврапился домой болѣе весель, нежели печалень. И слова , и слезы , и священный подарокъ Софи, все сладоспно волновало его душу , все наполняло ее какимъ-по неизьяснимымъ блаженствомъ.

На другой день, рано по утру, въ домъ Полковника опслужили молебенъ. Священникъ окропилъ свяшой водой молодого , опѣвжающаго въ пущь

воина; Софія поцѣловала его, Полковникъ обнялъ, и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на крыльцо, возлѣ копората споялъ осѣдланнѣй вороной конь.

— Вошь и *Турченко* гошовъ — сказалъ Полковникъ. — Посмотри, съ какимъ неперпѣніемъ онъ себя дожидается. Вся порода эшихъ лошадей опличная— продолжалъ спарѣй кавалериспѣ, попрепавъ рукою коня, копорѣй грызъ удила и билъ копыпомъ о землю. — Машъ его служила мнѣ цѣлую кампанію и нѣсколькo разъ спасала меня опъ смерпи. *Турченко* пакъ-же полѣзепъ въ огонь и въ воду, лишь бы всадникъ его не задерживалъ. Однако онъ заспоялся : шы давно не ѣздилъ на немъ, и шеперь, я думаю, не скоро сладишь съ нимъ.

«Походомъ онъ усмирипся и привыкнепъ ко мнѣ! сказалъ Ипполипъ.

Да и нынче, до самой Тулы я поѣду верхомъ.

— Дѣло, дѣло! кавалеристъ не долженъ имѣть другаго экипажа, кромѣ верховой лошади.

Молодой человекъ проворно вскочилъ на коня и пихимъ шагомъ выѣхалъ изъ деревни. Часпо оглядывался онъ назадъ и долго видѣлъ бѣлый плашокъ, копорымъ махали ему съ вала Полковникова сада.

По улицѣ небольшого городка, лежащаго верспахъ въ 20 отъ деревни Полковника Леонскаго, въ самую полночь, шелъ уѣздный Казначей съ своимъ сыномъ. Оба они были на вечеринкѣ у Городничаго, гдѣ собравшіеся городскіе чиновники съ жаромъ пракшovali о военныхъ дѣйствіяхъ, и сокрушаясь о тогдашнихъ смупныхъ обспояшель-

спвахъ Россіи, не забывали однакоже утѣшать себя пуншемъ и водкою. Казначей, повидимому, такъ-же прибѣгалъ къ этимъ утѣшительнымъ средствамъ, попому чпо походка его была неправильна, и онъ часпо вынужденъ былъ придерживавшся за руку своего сына, мальчика лѣтъ осмнадцати.

— А чпо, Ванюша — сказалъ Казначей пошашываясь — вѣдь Городничій нашъ говоритъ правду: тебѣ почно надобно послужить въ военной службѣ. Теперь это сдѣлать легко и удобно: всякаго принимаютъ съ радостію. Вспуни-ка въ бапальонъ, которій оспановился у насъ въ городѣ.

«Охопа вамъ слушаютъ всякаго! опвѣчалъ Ванюша съ неудовольствіемъ. Изъ чего спану я подспавлялъ лобъ подъ пушку: развѣ жизнь мнѣ надобла, или жить чпо-ли мнѣ нечѣмъ?»

— Эхъ, брашець! эпо все не по, — продолжалъ Казначей. — Конечно я, съ помощію Божіею, накопилъ шебъ порядочный доспашокъ, да эшого не довольно. Въ Губернскомъ Правленіи пы посѣдѣшь Типулярнымъ Совѣпникомъ; а шупшь можешь выдпи въ чины, особливо въ нынѣшнее время, заслужишь почеспи и соспавишь себѣ выгодную парпцію. Куда-бы мнѣ, спаррику, было весело, ка-бы пы женился на какой нибудь Генеральской дочери.. а?.. Съ Богомъ, другъ мой, за вѣру православную и за Машь Пресвяшую Богородицу! Вопшь шебъ мое родипельское благословеніе!

«Полноше, бапюшка, полковапшь о пуспомъ! возразиль опяпшь Казначеевъ сынъ, копорый, казалось, поспигалъ, опъ чего чесполоубивья мысли шакъ разыгрались въ головѣ его опца. Завпра же вы будеше говоришь другое. Ну можно-ли повѣришь, чпобы

вы согласились оппустить меня въ армію , когда прежде не позволяли даже спрѣлять на озерѣ дичь , боясь, чпобвы не разорвало ружья и меня не убило? Съ Французами управляться не шакъ легко , какъ съ куликами , или ушками: шупъ и въ самомъ дѣлѣ какъ разъ самага подспрѣлять. Но эпо чпо шакое? вскричалъ онъ оспановившись и сплеснувъ руками. Пожарь!..

— Да, почно чпо-шо горить — сказалъ Казначей, шакъ-же оспановившись и увидѣвъ на концѣ города пламя, которое прорывалось сквозь густой дымъ, и яркой полосой начинало опсвѣчиваться на шемномъ небѣ. — Пойдемъ-же поскорѣй и посмошримъ , чпо эпо значить.

«Господи , Боже мой , куда иди! воскликнулъ съ робоспію молодой человекъ , не прогаясь съ мѣста и спа-

раясь удержашь опца своего, Ужь не Французы-ли эпо?..»

— Ты прусь! — закричалъ съ сердцемъ спарикъ, копорому въ эпо время было море по колѣно. — Какіе Французы? гдѣ они! давай ихъ сюда!.. У насъ ешь башальонъ храбрыхъ Русскихъ солдапъ : всѣхъ положимъ на мѣспѣ, уничшожимъ!.. Не робѣй, впередъ! за мной!...

Между тѣмъ какъ Казначей, начипавшійся вечеромъ реляціей и вообразившій въ эпу минушу, чпо онъ самъ командуешъ какимъ нибудь опрядомъ, оставилъ руку своего сына и медленно подавался впередъ , выписывая ногами на песокъ извѣспную Русскую липшеру , а пошъ все еще споялъ на одномъ мѣспѣ , имъ вспрѣшился человекъ въ разодранной рубашкѣ , съ окровавленнымъ лицомъ : онъ бѣжалъ чпо ешь силы, безпреспанно повпо-

ряя слова : Карауль ! грабятъ ! рѣ-
жушь!..

— Чшо такое ? чшо сдѣлалось ? —
спросилъ Казначей. — Непрiятели ,
чшо-ли ?

«Какіе непрiятели ! опвѣчалъ бѣгу-
щій , едва переводя духъ. Нынче свои
спали хуже непрiятелей...»

— Эшо ты , Герасимъ ? — сказалъ
казначейскій сынъ , узнавъ въ немъ цѣ-
ловальника , у копорого брали они
вино и водку , и копорый часпо при-
ходилъ къ нимъ въ домъ счипашься. —
Куда ты бѣжишь , и кшо тебѣ гра-
бишь ?

«Въ полицію , сударь : солдашы раз-
били кабакъ мой , избили меня до по-
лусмерти и пьютъ шеперь вино мое ,
какъ воду.»

— А гдѣ пожаръ !

«На фабрикъ.»

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ цѣловальникомъ на всѣмъ бѣгу, ноги у Казначей подкосились еще больше; но хмѣль, казалось, соскочилъ съ него. — Господи, сохрани насъ! — вскричалъ онъ опчаяннымъ голосомъ. Вѣдь ежели не опспояшь кабака, то и нашъ домъ не уцѣлѣетъ. Скорѣе, Ванюша, скорѣе! помоги иди мнѣ. Охъ! — продолжалъ Казначей тяжело вздохнувъ и спараясь прибавить шагу: — шеперь, и на фабрикъ горятъ мои-же денежки!

«Какъ-же это?» спросилъ сынъ съ удивленіемъ.

— Вѣдь ты знаешь, что Полковникъ Леонскій долженъ мнѣ большую сумму, которую онъ занялъ для того, чтобы пустился въ обороты вмѣстѣ съ нашимъ фабрикантомъ. То-то и есть:

хопѣль вдругъ разбогашѣшь, да видно еще какъ Богъ даспѣ. Конечно, я не поперяю своего, попому чшо имѣю вѣрныя залогы и обязапельства; но все, если дѣла его придупѣ въ разспройку, тогда эпо будепѣ сопряжено съ большими хлопотами и непріятностями... Э, посмошри-ка, посмошри, какимъ сполбомъ вдругъ взвилось пламя: вѣрно, чшо нибудь обрушилось.

Разговаривая такимъ образомъ, они пришли къ мѣспу пожара. Большое деревянное зданіе, въ которомъ находилась суконная фабрика, было все охвачено огнемъ. Сухой сосновый лѣсъ съ прескомъ горѣлъ и валился, и небольшая пожарная команда, съ плохими инспруменшами, не могла подашь почпи никакого пособія. Жипели ближайшихъ домовъ спарались полько о сохраненіи своей собспвенности, а изъ дальнихъ концевъ городка шакъ-же никшо не спѣшилъ на помощь. Многіе

думали, что въ городъ въ самомъ дѣлѣ ворвались непріятели: крики, вопли и плачь раздавались на улицахъ ; всѣ суешились, всѣ бѣжали, и между шѣмъ никшо не зналъ , куда бѣжать и что дѣлать.

Эшо всеобщее смяненіе еще болѣе увеличивалось буйной толпой солдашъ, изъ проходящаго черезъ городокъ батальона , копорый былъ составленъ часпію изъ рекрупъ, часпію изъ всякой сволочи, не привыкшей къ дисциплинѣ и по видимому находившейся подъ командою не слишкомъ благоразумнаго начальника. Человѣкъ пятьдесятъ такихъ сорванцовъ, прибѣжавъ на пожаръ, и видя общее смяненіе и ужаеъ жишелей , вмѣсто того чшобы помогать имъ , выкашили нѣсколько бочекъ съ виномъ изъ близъ споявшаго кабака , и не заботясь о помъ , что происходитьъ вокругъ нихъ , шумно пировали при свѣшъ зарева.

— Боже мой, какой беспорядокъ! — вскричалъ съ ужасомъ Казначей. — Никпо не хочешъ помогашъ, никпо ничего не дѣлаешъ! Если эпо продолжипся, по домъ мой сторишъ непременно... Ребяша!—прибавилъ онъ обращаясь къ солдашамъ: — помогите, опспойте домъ мой, домъ Уѣзнаго Казначея; вопъ вамъ по полпинѣ на брата. . .

Толпа пирующихъ опвѣчала на эпи слова громкимъ смѣхомъ. »Экъ расшибся!» говорили одни. « Прибавипъ, когда придешъ плохо!» подхвашили другіе. « Я чай онъ въ жизнь свою много успѣлъ накраспъ денегъ у Государя...»

— Разбойники! мерзавцы!—вскричалъ оскорбленный спарикъ, задыхаясь опъ гнѣва и выходя изъ себя опъ спраха поперяпъ свое имущеспво. Развѣ шакъ должны посшупашъ Русскіе воины? Вмѣсто шого, чшобы помогашъ намъ,

вы насъ грабите и показываеете храброспъ свою не пропивъ непріятеля, а пропивъ...—Тупъ слова орашора были прерваны гренадеромъ вершковъ 12-пи, копорый схватилъ его за воротъ. «Прочъ, приказная спрока, съ своимъ вздоромъ!» загремѣлъ онъ — «покамѣспъ я не вопкнулъ шебя головой въ бочку!» Въ бочку! въ бочку его!—подхватили со всѣхъ споронъ—какъ онъ смѣешъ ругашъ насъ!—Вмигъ шолчки и кулачные удары градомъ посыпались на бѣднаго Казначея. Крики его безпреспанно спановились слабе и пише; наконецъ онъ безъ памяти упалъ на землю. —

Это однако - жь не оспановило - бы ожеспочившихся и разгоряченныхъ виномъ буйныхъ поклонниковъ Бахуса, если-бы не пріѣхалъ башальонный командиръ, а съ нимъ вмѣспъ и Городничій. Полумертвый Казначей былъ освобожденъ изъ рукъ пьяныхъ солдатъ;

но они все еще плохо повиновались своему начальнику и медлили оспавить пирушку. Городничій началъ упрекать бапальоннаго командира за разбойническій поступокъ солдапъ его, горячился и говорилъ, что онъ-бы всю эту шайку разспрѣлялъ шупъ-же, на мѣспѣ; но попъ оспвѣчалъ, пожимая плечами, что, къ крайнему сожалѣнію своему, сдѣлапъ этого никакъ не можетъ. «Теперь военные люди дороже спашскихъ» прибавилъ онъ, поглядывая на избипаго Казначея съ какою-то язвительною улыбкой, кошорая не дѣлала, по видимому, большой чеспи его добропѣ и чувспвительности. Но въ это время огонь, свирѣпспвовавшій съ ужасною силою, пребопалъ всей дѣяпельности Городничаго, и ему нѣкогда было спорить. Между пѣмъ нѣсколько опрядовъ солдапъ, прибѣжавшихъ вмѣспѣ съ своими офицерами, заспавили усмирить бунповщиковъ. Жипели городка, убѣжденные на-

конецъ, что непріятелей нѣтъ, такъ же сбѣгались со всѣхъ споронъ, и порядокъ мало по малу воспановился. Каждый принялся за дѣло; всѣ окружающія спроенія уцѣлѣли; только фабрику спаси уже было не возможно, и къ упру на мѣстѣ пожараща дымились одни обгорѣлые сполбы и головешки.

Происшествіе, о которомъ разсказалъ я, напугало всѣхъ жителей городка и даже уѣзда. Причины пожара опкрышь не могли, но по многимъ догадкамъ, подозрѣвали, что фабрику зажгли солдашы, именно съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобы, пользуясь общимъ смяшеніемъ, чѣмъ нибудь поживишься. Сверхъ того, бѣглые рекрушы и мародеры врывались иногда по ночамъ въ деревни, и шакже уносили и уводили съ собою все что могли, и что имъ попадалось. Даже въ одномъ селе-

ни офицеръ, съ небольшимъ опрядомъ шакихъ удалцевъ, разграбилъ господскій домъ, и его не прежде могли опшуда выгнать, какъ пославъ цѣлую команду инвалидовъ, пропивъ копорой онъ долго и упорно защищался.

Все это дѣлалось въ окрестности деревни Полковника Леонскаго. Небогатые помѣщики, оспавшіеся шамъ— а богатыхъ никого и не оспавалось—имѣя при себѣ очень недоспапочное число людей, до смерти боялись мародеровъ, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились на это ужасное время собраться вмѣстѣ; во первыхъ для того, что на людяхъ какъ-то веселѣе, а во вторыхъ, что бы, въ случаѣ надобности, составить изъ немногихъ челядинцевъ своихъ союзную армію, и защищаться общими силами. Полковникъ, такъ какъ самый почтенный, и сверхъ того самый храбрый человекъ изъ всѣхъ оспавшихся сосѣдей своихъ, вздумалъ при-

гласить спрусившихъ бѣдняковъ къ себѣ, и, черезъ нѣсколько дней послѣ опѣзда Ипполита , къ нему переселились при или чепыре помѣщика съ своими женами , дочерьми и даже со всѣми пожипками.

Спарикъ былъ добръ , и слѣдспвенно радъ гостямъ. Онъ думалъ такъ же , что милой , груспной его Софѣ будеть веселѣе вмѣспѣ съ подругами , а сверхъ того находилъ и собспвенную выгоду въ общеспвѣ сосѣдей своихъ— выгоду рассказывать имъ всякой день о прежнихъ сраженіяхъ и Турецкихъ походахъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ удовольспвіемъ спарики просиживали цѣлые осеніе вечера , слушая военные анекдоты Полковника, копорые спановились для нихъ еще иншпереснѣе при шогдашнихъ обспояшельспвахъ. Часпо разговоръ переходилъ опѣ прежнихъ бипсѣ къ насспящей кампаніи, и шогда Полковникъ дѣлался насспящимъ

оракуломъ своихъ собесѣдниковъ , которые разинувъ рты , дивились его познаніямъ въ Тактикѣ и Стратегіи. Припомъ же онъ такъ хорошо и живо умѣлъ описывать всѣ подробности и ужасы войны, что часто и дѣвушки, заслушиваясь его , забывали свою работу, пререпали отъ страха , и дальше оподвигались отъ темныхъ оконъ комнаты, боясь увидѣть за ними Казака , или мародера , которые безпрестанно представлялись ихъ воображенію, особливо въ попьмахъ.

Разказы Полковника пугали такъ же и Софію; но она боялась не за себя. Слушая описаніе всѣхъ прудовъ и опасностей , которыми подвергается войны , она погружалась въ задумчивость; слезы навершывались на глазахъ ея , и невольно вздохъ вырывался изъ сердца ; эпошь вздохъ лепшлъ всегда въ одну сторону , всегда за поварнцемъ дѣпскихъ лѣпъ ея.

Между шѣмъ не проходило почти ни одной ночи безъ того, чпобы въ окружности не сгорѣло какое нибудь селеніе, по милости бродягъ и негодаевъ, вездѣ разсѣявшихся. Извѣстія, приходившія изъ арміи, были самыя невѣрныя и разногласныя. Въ деревняхъ ихъ получали только отъ спранниковъ, бѣжавшихъ изъ Москвы и ея окрестностей, и разсыпавшихся по всѣмъ дорогамъ. Иные изъ нихъ говорили, что Наполеонъ пошелъ по шрапшу Троицкому; другіе, что по Владимірскому; прешьи ввали шакую гиль, что и слушашъ было нечего. Не смотря на то, какъ были рады во всякомъ селеніи каждому изъ шакихъ госпей! Какъ всѣ окружали его, съ какимъ любопытствомъ спрашивали! Но совсѣмъ шѣмъ, никакъ не могли узнать ни намѣреній Наполеона, ни распоряженій Главнокомандующаго, и каждый ошпавался въ мучительной неизвѣстности о жизни

своей, о собственности, и даже о времени, въ которое наступитъ грозный часъ нашествія иноплеменниковъ.

Такая неизвѣстность, близость неприятеля, котораго можно было ожидать всякую минуту, и наконецъ непрерывные пожары, заставили начальство принять мѣры предосторожности: въ каждомъ селеніи вѣчно было содержанъ строгій караулъ, какъ днемъ, такъ и ночью, поставивъ у въѣздовъ и выѣздовъ балаганы для часовыхъ и шесты для маяковъ, на случай опасности, а сверхъ того посылавъ всякій вечеръ нѣсколько человекъ верховыхъ дозоромъ, для открытія людей подозрительныхъ, шапающихся около деревни.

Всѣ эти распоряженія очень понравились спарому Полковнику. Ему даже хотѣлось-бы превратить деревню свою въ наспоющій лагерь и око-

папьяся шанцами; но за неимѣніемъ саперовъ и піонеровъ, онъ ограничился пѣмъ, что сдѣлалъ со всѣхъ чепырехъ споронъ ея по одному шалашу, копорые однакожь назвалъ передовыми укрѣпленіями, попому что къ нимъ подвинули чугуныя пушки, споявшія прежде въ саду и всегда находившіяся въ большой исправности. Человѣкъ 16 молодыхъ креспьянъ, вооруженныхъ пиками, соспавили гарнизонъ крѣпости и наряжались на часы. Наконецъ оспавалось сформировать конный опрядъ для объѣздовъ. Полковникъ самъ служилъ въ кавалеріи, что заспавило его и теперь обратишь особенное вниманіе на эту часпъ своего войска. Онъ назначилъ начальникомъ опряда спараго и вѣрнаго своего слугу, копорый былъ съ нимъ во всѣхъ походахъ, и вооружилъ его собспвенною саблею и огромными Турецкими писполешами; такое вооруженіе хопя и не очень шло къ изорванному бай-

ковому серпуку начальника , но все придавало ему въ глазахъ подчиненныхъ какую-то особенную важность. Далѣе , за предводителемъ отряда должны были слѣдовать карабинеры , т. е. два лакея съ охопничьими ружьями, изъ копорыхъ, въ мирное время, они спрѣливали ушокъ; а два конюха, съ бородами и съ пиками, замѣняли Казаковъ, и замыкали взводъ , заключавшій въ себѣ всю тяжелую и легкую кавалерію Полковника. Впрочемъ всѣ эти люди были посажены на добрыхъ, хорошихъ лошадей , и войско Полковника, не смотря на всю свою малочисленность, составляло лучшую армію въ цѣломъ околоткѣ , такъ что онъ смѣло могъ бы тогда объявить войну любому изъ своихъ сосѣдей.

И устройство укрѣпленій, и распределение людей, и числка разнаго оружія , съ давнихъ лѣтъ покрышаго ржавчиною, все занимало спараго воин-

на, все живо напоминало ему прошедшее. Впрочемъ, такое преобразование деревни въ военное состояніе доставляло занятіе не одному Полковнику, но и всѣмъ ея жителямъ. Каждый вечеръ приказано было стрѣлять изъ пушки, для того, чтобы пріучить крестьянъ къ гулу орудія, и черезъ то придасть имъ больше смѣлости, — и каждый вечеръ толпа мужиковъ, бабъ и ребятишекъ, собираясь къ заревой пушкѣ, съ какимъ-то пріятнымъ ужасомъ ожидала выстрѣла. Конница, проѣзжая черезъ деревню, такъ-же привлекала къ себѣ множество любопытныхъ; часомъ даже все общество, жившее въ домѣ Полковника, выходило полюбоваться коннымъ опрядомъ, къ копорому присоединялись иногда и волонтеры, т. е. мальчишки и люди пріѣзжихъ помещиковъ, съ оружіемъ разнаго сорта, и на клячахъ различнаго вида и росла, что въ самомъ дѣлѣ доставляло каршину довольно за-

бавную. Но барышнямъ больше всего нравились пропяжные оклики часовыхъ. Всякій вечеръ Софья и подружки ея ходили на пригорокъ, опдѣляющій господскій домъ отъ деревни, и просиживали тамъ до глубокой ночи, прислушиваясь къ эшимъ окликамъ. Имъ казалось тогда, что онѣ въ какомъ нибудь осажденномъ замкѣ; мечты о рыцаряхъ - избавителяхъ невольно закрадывались въ сердца дѣвушекъ и погружали ихъ въ помную, пріятную думу.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда, дожидаясь сумерекъ и любуясь прекраснымъ осеннимъ вечеромъ, сидѣли онѣ на пригоркѣ, имъ пэслышался громъ барабана. Это изумило и вспревожило всю деревню; но спрахъ еще больше увеличился, когда на одной изъ дорогъ, идущихъ къ селенію, показались шпыки, полпомъ спволы ружей, а наконецъ и головы довольно

большой массы людей. Въ то время воображеніе каждаго было пригопвлено къ ужасамъ, и происшествіе самое незначительное пугало всѣхъ, такъ что всякаго мужика, вѣдущаго верхомъ, считали издали мародеромъ, всякую шелегу пушкою, и даже гуси казались иногда деревенскимъ женщинамъ кирасирами. Послѣ эпюго очень не мудро, что громъ барабана и видъ штыковъ перепугали бѣдныхъ жителей деревеньки: часовые хопѣли зажигашь маяки и бросились заряжашь пушки; бабы и ребятишки начали прыпашься въ овины, и крикъ: Французы! Французы! раздавался со всѣхъ сторонъ.

Въ эпюмъ смяпеніи одинъ Полковникъ не поперялъ головы. Онъ пошчасъ приказалъ конному опяду опправившься для рекогносцировки, и, увѣривъ госпей своихъ — копорые такъ-же немножко спрусили — что непріатель не могъ подойти шакъ

внезапно и тихо, пошелъ вмѣстѣ съ ними, опираясь на косякъ свой и взявъ съ собою подзорную трубку, наблюдая за дѣйствіями опряда.

Между тѣмъ люди съ ружьями, надѣлавшіе сколько шума, подошли почти къ самой деревнѣ, и наконецъ можно было различить, что это рота, или двѣ, солдакъ; но оспавалось узнать главное: какихъ именно, своихъ, или непріятельскихъ? Видно было, что этой задачи не могъ еще разрѣшить и самъ предводитель коннаго опряда, отправленный на встрѣчу къ предмету общихъ наблюдений, потому что онъ, доѣхавъ до околицы, не смѣлъ, казалось, идти далѣе, и выбралъ для себя самую выгодную позицію, оспановившись съ войскомъ своимъ подъ прикрытіемъ орудія, наведеннаго прямо на дорогу.

— Что это значитъ? — сказалъ Пол-

ковникъ, глядя въ подзорную трубку.—
Федоръ, мнѣ кажется, прусишь: это-
го съ нимъ прежде не бывало...

«Помилуйте! подхватилъ одинъ
изъ Полковниковыхъ госпей, въ гла-
захъ копораго спрахъ увеличивалъ всѣ
предметы: — развѣ можно пяши че-
ловѣкамъ идши на цѣлый полкъ?»

— Во первыхъ я готовъ биться объ
закладъ — опвѣчалъ Полковникъ очень
хладнокровно — чпо шупъ нѣшъ и
чешвершой доли полка; а вовпорыхъ,
готовъ клясья всѣми свяшыми, чпо
это не непріатели.

«Ну, вонъ скачущъ верховые! закри-
чали барыни. Господи! изрубятъ они
всѣхъ насъ!...»

Въ самомъ дѣлѣ въ эту минушу два
человѣка, верхами, опдѣлились опъ пол-

пы и поскакали впередъ ; но увидѣвъ пушку, наведенную прямо на нихъ , и зажженный фипиль въ рукахъ часоваго, верховые оспановились, помахали плапкомъ ; Федоръ подъѣхалъ къ нимъ и они начали разговаривать съ нимъ очень дружелюбно.

— Видите-ли—сказалъ Полковникъ обращаясь къ дамамъ — что эти господа Французы очень смирны и не хопяптъ никого рубить.

Объяснилось , какъ и прежде предполагалъ Полковникъ , что солдапы были Русскіе, и именно того батальона, который за нѣсколько дней передъ шѣмъ надѣлалъ въ городѣ пакихъ безпорядковъ. Самъ батальонный командиръ, полсый, краснощекій Маіоръ, подъѣхалъ къ Полковнику съ просьбою: позволишь ему переночевать, а если возможно , то даже и передневать въ его деревнѣ.

— Я самъ солдатъ— опвѣчалъ Полковникъ— и потому считаю за грѣхъ опказать въ ночлегъ поварищамъ. Но скажите, сдѣлайте милость, опъ чего не уведомила насъ о вашемъ прибытіи Земская полиція, или по крайней мѣрѣ ваши кварширьеры ?

«Эпо опъ того — опвѣчалъ Маіоръ— чпо я иду шеперь по одному собственному распоряженію. Узнавъ, чпо Столица наша въ рукахъ непріяшеля, я долженъ былъ опавить прежній маршрутъ , и слѣдовать соображаясь съ движеніемъ Главной арміи , копорая , какъ слышно , подвинулась къ Калугѣ. Чпо-же касается до кварширьеровъ моихъ, то они опвели было мнѣ ночлегъ въ маленькой деревенькѣ , верспы за при опсюда. Но я , узнавъ, чпо шакъ не далеко живешъ заслуженный воинъ , рѣшился засвидѣшельсповать ему мое почшеніе , и признаюсь , надѣлся гораздо веселѣе

провести время въ здѣшнемъ обществѣ. . . . въ чемъ , кажется , и не ошибся—прибавилъ онъ , попирая руки и посмащивая на барышень.

— Позвольте-же и намъ , съ своей стороны , надѣяться , что люди ваши не будутъ въ моей деревнѣ такъ буйны и невѣжливы , какъ были они въ городѣ.

«На эпопѣ счесть будьте спокойны — опвѣчалъ Маіоръ нѣсколько смѣшавшись : — мои солдаты буйны только съ грубіянами , и очень вѣжливы съ шѣми , кто хорошо принимаетъ ихъ. Особенно — продолжалъ онъ — гдѣ есть такія Граціи , какъ здѣсь , тамъ они бываютъ смиренны какъ овечки. » Сказавъ дѣвушкамъ эпопѣ комплиментъ , опзывающійся нѣсколько армейскою лихоспью , Маіоръ улыбнулся съ довольнымъ видомъ , и , сдѣлавъ маленькую уклонку , выпста-

вилъ одно плечо впередъ, какъ-бы желая показатъ жирный эполетъ свой.

Тонъ и всѣ ухватки Маіора очень не нравились Полковнику. Въ обращеніи его была замѣтна какая-то самонадѣянность, очень близкая къ наглости. Однакожь, за ужиномъ онъ умѣлъ сдѣлать спарика нѣсколько благосклоннѣе, усѣвшись подлѣ него и разговаривая съ нимъ въ продолженіе цѣлаго спола о службѣ. Между шѣмъ глаза Маіора почти безпреспанно устремлялись на Софью, копорая, казалось, изумила его красопой своей; и каждый разъ, когда онъ глядѣлъ на дѣвушку, какое-то непріятное чувство волновало душу ея, хопя она и сама не понимала, опъ чего это происходипъ.

На другое утро деревня Полковника въ самомъ дѣлѣ предспавляла что-то

похожсе на лагерь или на крѣпосицу: пакъ, по крайней мѣрѣ, казалосъ помѣщикамъ, жившимъ у него, ихъ женамъ и дочерямъ. Вмѣсто креспьянъ вездѣ на часахъ спояли солдашы; офицеры изъ всѣхъ селеній, въ копорыхъ былъ расположенъ башальонъ, прѣзжали къ Маіору съ рапорпомъ, и военные мундиры безпреспанно мелькали въ глазахъ. Сверхъ того, Маіору вздумалосъ еще сдѣлать ученье. Надобно было видѣть, какъ тарцовалъ онъ на куцой своей лошади, какъ горячился, и съ какою важноспію развѣзжалъ передъ фронтпомъ! Онъ кричалъ пакъ, какъ будпо-бы командовалъ цѣлымъ корпусомъ, хошя подъ ружьемъ спояла одна полько роша, находившаяся при главной его кварширѣ.

Эпошъ шумъ, и эпо разнообразіе очень нравились барынямъ, давая имъ новые предметы для разговоровъ. Мужчинамъ понравилосъ ученье, а дѣ-

вушкамъ было весело смотрѣть на офицеровъ, и перешептывающься между собою : который изъ нихъ лучше лицомъ и ловчѣе. Одна только Софья смотрѣла на все равнодушно и холодно, или, лучше сказать, она ни на что смотрѣть не хотѣла. Ее занимала одна мысль, одно чувство, и припомъ чувство грустное ; а въ такомъ случаѣ многлюдство и шумъ бывающъ несносны и еще больше раздирающъ сердце. Софья получила въ этотъ день письмо отъ Ипполита , въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что полкъ ихъ , черезъ два или три дня, выступитъ въ походъ , и что онъ не будетъ даже имѣть времени прѣхать проспиться съ ней. Сколько разъ это письмо , въ продолженіе утра , было свернуто , развернуто, перечитано и положено къ сердцу ! Сколько слезъ, горячихъ, крупныхъ какъ жемчугъ, упало на него !... За споломъ, къ которому, кромѣ Майора, были такъ-же приглашены и прочіе

офицеры, Софья сидѣла какъ въ пыпкѣ, попому чпо должна была скрывать поску свою, и безъ памяпи была рада, когда послѣ обѣда удалось ей уйдпи въ садъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, могла она на свободѣ опять перечипывать письмо и думать... Только чпо могла она выдумать? Ипполиштъ писалъ, чпо ему нѣтъ никакой возможности оплучиться опъ полка, даже и на самое коропкое время; Полковникъ, по нездоровью своему, такъ же не имѣлъ возможности ѣхать провожать его; Софья одна не могла ѣхать и подавно. И такъ всѣ ея размышленія оканчивались опять пойдъ-же гореспной мыслью: я его не увижу!

Но какъ ни скучно было Софѣ въ продолженіе дня, а вечеромъ сдѣлалось еще скучнѣе, даже скучнѣе чѣмъ за обѣдомъ. Маіоръ, копорый по упру занимался ученьемъ, а за споломъ разговоромъ съ спариками о поспрое-

ніяхъ , выправкѣ людей , и пому подобномъ , рѣшился провести вечеръ въ обществѣ болѣе пріятномъ ; и когда барышни пошли гулять , онъ вызвался быть ихъ кавалеромъ . До сихъ поръ не удавалось ему сказать ни одной изъ нихъ почти ни слова ; но шутъ ужъ онъ имѣлъ полную свободу разразиться вдругъ всѣми своими комплименами , заготовленными въ печеніе супокъ . И , увы ! всѣ эти комплименты лепѣли прямо въ Софью . Развѣ только десятый изъ нихъ доставался на долю бѣдныхъ подружекъ ея , которыя , какъ замѣнилъ Маіоръ , были передъ ней не иное что , какъ звѣзды передъ краснымъ солнцемъ . Правда , что и всякой-бы на мѣстѣ Маіора замѣнилъ превосходство Софьи передъ ея подругами ; только , можетъ быть , не всякой-бы выразилъ мысль свою такимъ стариннымъ сравненіемъ , и еще менѣе осмѣлился-бы шептать это на ухо дѣвушкѣ , которую въ первый разъ видишь .

Но Маіоръ любилъ въ такихъ случаяхъ поступать рѣшительно, и желая показать ловкость свою и начипанность — копорая однакожь не проспиралась далѣе нѣсколькихъ романовъ и Дѣпской Миѳологіи — душилъ безъ пощады Софью всѣми лестными уподобленіями, какія только приходили ему въ голову. Онъ сравнивалъ ее и съ Венерой, и съ Амуромъ, и съ преремя Граціями, и наконецъ со всѣми девашью Музами вмѣстѣ. Бѣдняжка не знала, что отвѣчать на такіа нѣжности, не знала, какъ отвѣтъ ихъ отдѣлаться, зѣвала, и легла въ носпель съ ужаснѣйшей головной болью. Но при всемъ шомъ она не могла однакожь иногда и не улыбнуться, глядя на увѣренность Маіора въ умъ своемъ, и на самодовольный видъ, копорый онъ принималъ на себя послѣ каждаго сказаннаго имъ слова.

Такъ прошелъ день, такъ прошелъ

другой , такъ прошелъ и прешій .
 Всякой вечеръ Маіоръ собирався въ по-
 ходъ , всякое упро опять опкклады-
 валь его подъ какимъ нибудь предло-
 гомъ , и всегда находиль случай надоѣ-
 дашь Софѣъ бесѣдой своей и своими
 вѣчными , неумѣспными похвалами .

Надобно знашь , что бапальонъ ,
 копорый велъ Маіоръ , оспававшійся въ
 резервъ и укомплекшованный въ даль-
 нихъ губерніяхъ , соспавляль опдѣль-
 ную команду , какихъ въ 1812 году
 проходило множеспво . Нѣкопорые на-
 чальники шакихъ опрядовъ , не бывъ
 ревностными любиселями опечеспва ,
 совсѣмъ не спѣшили подвигапсь къ
 арміи , и пользуясь погдашнимъ хао-
 сомъ , на минушу распроспранившимъ
 ся въ Государспвъ , шапались изъ
 мѣспа въ мѣспо , опыскивая или вы-
 годъ , или удовольспвія . Къ эспому-то
 сорпу людей принадлежалъ , по види-
 мому , и Маіоръ Звѣницкій , о копо-

ромъ идешь шеперь рѣчь. Опыскавъ въ домъ Полковника хорошій споль и пріятное общество, онъ шакъ-же, казалось , не хопѣлъ скоро распашься съ ними, и промѣняшь ихъ на дымные биваки и шруды военные. Впрочемъ , догадливыя подруги Софьи подозрѣвали еще, чшо кроме всѣхъ, вышеозначенныхъ выгодъ , его удерживаешъ шупь и другая причина.

Софья напрошивъ ничего не подозрѣвала , и очень удивилась , когда въ одинъ вечеръ услышала опъ своей горничной, чшо Маіоръ живешъ у нихъ—именно опъ любви къ ней.

— Кшо шобѣ сказалъ эшо? — спросила Софья , засмѣявшись опъ шакого неожиданнаго извѣспія.

«Деньщикъ Маіоровъ, Сударыня. Онъ говорилъ, чшо ему жалко даже смопрѣшь на своего барина , какъ онъ му-

чися, когда оспаешся одинъ. Маіоръ боишся, что его разспирѣляющъ въ арміи, если онъ еще дольше пробу- дешъ здѣсь: а между шѣмъ все пакн никакъ не можешъ удалиться опъ васъ: почно какъ будпо вы его обво- рожили.»

— Пожалуста, Маша, не вѣрь эпо- му. Я гопова божишся, что Маіоръ не способенъ къ такимъ нѣжнымъ чувсвамъ; и мнѣ кажешся, онъ хо- шѣлъ только узнать, какъ будущъ приняты мной эши глупости, копо- рыхъ сказащъ себѣ въ глаза я ему ни- когда не позволю.

«О, эпо я знаю, Сударыня. Г. Маіоръ совсѣмъ не пакъ ловокъ и хо- рошъ, чпобы годился въ женихи вамъ. Ахъ, барышня! какъ можно сравнить съ нимъ нашего Ипполиша Вла.....»

— Полно, Маша; пора спать — пе- ребила Софья. — Не слушай никогда

впередъ такихъ вздоровъ, и не говори мнѣ о нихъ.

Эшо было на канунъ 17-го Сентября, дня именинъ Софыи. По ушпру Маіоръ поздравилъ именинницу въ самыхъ пышныхъ и опборныхъ выраженіяхъ. «Я и шакъ довольно долго промедлилъ здѣсь, прибавилъ онъ въ заключеніе своего манегирика; но не опъ шого, чшобы боялся нуль непріятельскихъ: нѣшъ, спрѣлы, кошорыя вылепають изъ прекрасныхъ глазъ вашихъ, гораздо опаснѣе, и онъ-шо именно заспавили меня пренебречь своимъ долгомъ и пожерпвовать еще и нынѣшнимъ днемъ дорогой именинницѣ. . . . Желалъ-бы шолько я знашь, продолжалъ Маіоръ, бросивъ пронцапельный взглядъ на Софыю, принесепъ-ли эша жерпва какую шибудъ пользу мнѣ?»

Софыи довольно хорошо успигала

Маіора; она знала такъ-же, что если-бы онъ вздумалъ за нее сватапьяся, то Полковникъ вѣрно бы, въ такомъ случаѣ, посовѣповалъ ему лучше идти бить непріятелей, нежели думать о невѣстахъ, и потому извѣспіе, полученное ею опть горничной, не сдѣлало на нее почти никакого впечатлѣнія; но смѣлая выходка Маіора, повпорившаго ей въ глаза тоже, что она слышала на канунѣ, и эпощь пронцашельный, наглый взоръ, копорымъ онъ, казалось, хощѣлъ вычишашь, какъ приняшы его чувства—заспавили ее смѣшашься. Она сказала нѣсколько несвязныхъ словъ о томъ, что жершповалъ своимъ долгомъ ни въ какомъ случаѣ не годится; взглянула на дамъ и дѣвиць, сидѣвшихъ на другой споронѣ комнашы; замѣпила, съ какой лукавой насмѣшкой посмапривають онъ на нее, и, сама не зная опть чего, смѣшалась еще больше: щеки ся покрылись румянцемъ, большіе,

свѣпые глаза опуспились подь длинныя рѣсницы.

— Прекрасно!—думаль Маіорь, оплошедши опть нея и не вникнувъ въ смысль ея неконченной рѣчи. — Она покраснѣла , попупила взорь : явные признаки любви!—Онъ съ поржеспвующимъ видомъ посмопрѣлъ на собраніе , какъ-бы давая знашь о побѣдѣ своей , и поправивъ передь зеркаломъ свой черныи , высокій галспухъ , полюбавшись новымъ своимъ мундиромъ и эполешами , почти совершенно увѣрился , что ему недоспаепть полько удобнаго случая , чтобы испоргнушь признаніе изъ успъ прелеспной дѣвушки. Маіорь рѣшился какъ можно скорѣе сыскапть эпопть случай.

Полковникъ всякій годъ , въ день именинъ своей дочери , имѣль обыкновение дѣлать праздникъ для креспьянъ своихъ. Послѣ обѣда все общеспво опи-

правилось посмотрѣть на эпопѣй праздникъ , и Маіоръ до смерти обрадовался такой прогулкѣ , надѣясь , что ему по крайней мѣрѣ хоть шуть удастся поговорить съ Софьей , копорая цѣлое утро была занята госпями . Между шѣмъ крестьяне и крестьянки , собравшіеся на лугу , передъ домомъ Полковника , казалось , не думали о весельѣ . Правда , что они , такъ же какъ и въ прежніе годы , выпили за здоровье добраго своего господина , и такъ же сыпно поѣли ; но совсѣмъ шѣмъ громкіе , веселые клики не оживляли ихъ хороводовъ . Мужчины , окруживъ нѣсколько человекъ спарыхъ солдатъ Маіорова батальона , съ любовью и вниманіемъ прислушивались къ ихъ военнымъ разговорамъ , и съ ужасомъ полковали о пожарѣ Москвы , зарево котораго всякій вечеръ разливалось по темному небу , длинной , огненной полосой . Только одна молодежь , на минуту забывъ общее горе , бѣгала и

рѣзвилась; да кое гдѣ раздавались чистые звонкіе голоса молодыхъ крестьянокъ , въ пропѣжныхъ , заунывныхъ пѣсняхъ.

Эти унылые напѣвы невольно заставили Софью задуматься. Она незамѣтно опсала опъ общесва— и вздрогнула увидѣвъ передъ собой Маіора. И одиночество, и задумчивость , и самый испугъ Софьи , все обращалъ Маіоръ въ свою пользу; даже мечтавъ, что она и опсала съ намѣреніемъ , онъ въ восхищеніи подлѣпль къ ней. Но въ самую эту минуту , когда онъ только что улыбнулся , желая пѣтъ придасть болѣе нѣжности своей физиономіи , и хотѣлъ начать говорить , вдругъ послышался шопотъ скачущей лошади. Всѣ обернулись въ эту сторону , и увидѣли всадника въ казачьемъ мундирѣ. «Казаки! мародеры!» закричали нѣсколько голосовъ. Въ минуту пѣсни умолкли; испуганный на-

родъ гошовъ былъ бѣжашъ съ улицы, и самъ Маіоръ невольнo занесъ руку къ лѣвому бедру, какъ-бы желая выпнуть шпагу; но замѣшивъ, что се нѣтъ при немъ, пришелъ еще въ большее замѣшательство. Между шѣмъ всадникъ подѣхалъ ближе. Софья находилъ въ немъ что-то знакомое; даже показалось ей, что она и лошадь его гдѣ-то видала. Изумленная, обрадованная дѣвушка всмаприваеетъ при спальнѣ, вскрикиваетъ и бѣжитъ прямо къ балкону, гдѣ Полковникъ ужъ обнималъ молодаго своего друга.

Послѣ первой радости, послѣ первыхъ объясній, узнали, что Ипполитъ захалъ съ похода, и что онъ выпросилъ только на одинъ день. А Софья казалось, что она и въ цѣлый вѣкъ не успѣетъ высказать ему всего, что лежало на душѣ у ней. Ипполиту пакъ-же казалось, что въ такое короткое время онъ не успѣетъ и взгля-

нущь хорошенько на милую свою Софью. Однакожь надобно было пользоваться и пѣмъ временемъ, копорое оснавалось, и вошъ, улучивъ свободную минушу, рука съ рукой пошли они по всѣмъ любимымъ мѣспамъ своимъ. Ни скамья, на копорой прощались въ послѣдній разъ, ни ручей, изъ копорато вмѣспѣ поливали цвѣшпы, ни дубъ, подъ копорымъ такъ часто играли и швердили уроки — ничшо не было ими забышо. Но за шо и скучное общество, собравшееся въ домъ Полковника и мѣшавшее говорить имъ свободно, и несносный Маіоръ, съ вѣчными своими комплименпами, совершенно вылетѣли на шу пору изъ памяти Софьи, шочно какъ будшо-бы ихъ не было и на свѣшпѣ. Да и время-ли было думать ей о Маіорѣ? Время-ли было разказами о его глупоспяхъ возмущать счастье Ипполипа?

Между пѣмъ Маіоръ безпреспанно

думалъ о Софьѣ , и слѣдилъ глазами каждый шагъ ея. Каково было видѣшь ему, что въ самую ту минушу , когда онъ надѣялся торжественно побѣду свою , вдругъ явился человекъ , Богъ знаетъ откуда , и какъ будто какой нибудь невидимой , таинственной силой увлекъ за собой предметъ его исканій? Каково было видѣшь ему это дружеское обращеніе Софьи съ Борскимъ , эту чисную радость , которая сіяла въ глазахъ дѣвушки при взглядѣ не на него , а на другаго? Маіоръ начиналъ ужъ раскаяваться , что такъ явно предпочиталъ Софью всѣмъ подругамъ ея , и боялся , что попалъ въ дураки. Даже передъ вечеромъ , когда Борскій и Софья возвратились съ прогулки , ему казалось , что онъ читаешь ужасный приговоръ эпощъ въ насмѣшливыхъ взорахъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ , которыя тушь были. Какъ-бы хотѣлось раздраженному Маіору распѣчь , въ ту минушу , этого

смѣлаго, ловкаго урядника по-солдапски, выпянутъ его во фронтъ, и отправишь на гауптвахту: но къ сожалѣнію, ни одинъ изъ эпихъ подвиговъ не могъ совершиться безъ нарушенія всѣхъ приличій, и пошому онъ долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что сидѣлъ нахохлившись, какъ индѣйскій пѣпухъ, со всею своею шпабь-офицерскою важностью, и оставилъ общество въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

Богъ знаетъ какіе виды имѣлъ Маіоръ на Софью. Думаешь надобно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безхарактерныхъ людей, которые считаютъ женщинъ игрушками, и при видѣ каждаго хорошенькаго личика пускаются въ волокитство, совсѣмъ не размышляя о послѣдствіяхъ. Можетъ быть впрочемъ, что ему понравилась и красивая усадьба Полковника, и что онъ, заводя инприжку съ единствен-

ной и законной наследницей эпохой усадебки, надъялся обезпечить себя шѣмъ на будущее время. Но какъ-бы по ни было, шолько всего върояшнѣе, по крайней мѣрѣ, что Маіоръ былъ совсѣмъ неспособенъ къ шой глубокой, испинной спраспи, копорая проникаетъ въ души возвышенныя; и пошому-по чувспво, мучившее его въ продолженіе вечера, скорѣе можно было назвашъ зависпью, минушной досадою оскорбленнаго самолюбія, нежели ревностпю. Но вопъ спранность: когда Маіоръ оспался одинъ, и началъ разсуждашъ хладнокровнѣе, шогда все шо, что за часъ бѣсило его, спало предспавляшся ему совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено-ли было, что Софья шакъ обрадовалась человѣку, съ копорымъ вмѣспѣ воспитывалась? Мудрено-ли было, что она шакъ дружески обращалась съ нимъ? Маіоръ началъ думашъ, что она лисбила Борскаго какъ брата, по одной

только привычекъ, и что слѣдственно такой соперникъ совсѣмъ не опасенъ.... Всѣ эти размышленія вселили опять въ душу Маіора сладкую надежду на благосклонность дѣвушки, въ копорой онъ находилъ сполько прелестей; обыкновенная самонадѣянность его возвратилась, и черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ какъ-то нечаянно взглянулъ въ зеркало, ему ужъ рѣшительно казалось, что всѣ урядники въ мірѣ — въ глазахъ женщины, копорая хотя мало мальски видитъ — передъ нимъ ровно ничего не значатъ.

Съ этой упѣшительной мыслью заснулъ Маіоръ, и пробудился съ твердымъ намѣреніемъ узнать, какъ можно скорѣе, наспоющія чувства Софьи.

Наспуило прекрасное осеннее утро. Борскій рано уѣхалъ, и коропкое, не-

чаянное свиданіе съ нимъ казалось Софьѣ сладкимъ , минувнымъ сновидѣніемъ. Еще упоенная эпімъ свиданіемъ , съ полными слезъ глазами, Софья, проводивъ его , тихо шла по аллеѣ сада , пошупивъ взоръ и задумавшись.

— Однѣ, такъ рано, и такъ задумчивы! — раздался голосъ въ двухъ шагахъ отъ нея. Софья подняла глаза : это былъ Маіоръ. Онъ еще издали увидѣлъ ее; случай для объясненія показался ему прекраснымъ, и онъ, видяно придерживаясь военной меподы — нападавъ въ расплохъ — подкрался къ ней такъ , что она его не замѣтила. — Позволили-ли мнѣ быть поварищемъ въ вашей прогулкѣ? — продолжалъ Маіоръ, между тѣмъ какъ изумленная дѣвушка не знала еще, что отвѣчать ему.

«Благодарю васъ за честь , сказала она наконецъ; но прогулка моя будетъ

очень не продолжительна : я сей часъ иду въ комнапы.»

— О, нѣтъ! — возразилъ Маіоръ; — при столькихъ прелесняхъ невозможно имѣть жестокое сердце! Вы вѣрно не рѣшились оставить меня такъ скоро.

»Почему-же? Мнѣ кажется въ эпомѣ не будетъ для васъ большаго несчастья.»

— Нѣтъ, вы судите обо мнѣ слишкомъ несправедливо, слишкомъ равнодушно. Невозможно, чпобы вамъ были неизвѣсны причины, копорыя меня здѣсь удерживающъ, и копорыя я почти объяснилъ вамъ. Скажите-же, неужели царица красопы въ самомъ дѣлѣ съ презрѣніемъ опвергнетъ своего плѣнника?

«Право я не всегда понимаю васъ,»

опвѣчала Софья, спараясь прекрашнть эпощь разговоръ , и между шѣмъ продолжая безпреспанно идши впередъ , чшобы поскорѣе освободнться опъ скучнаго своего поварища.

— И шакъ я буду говорншь яснѣе — сказалъ Маіоръ, оспановнвшнсь и почпн заслоннвъ ей дорогу. — Узнайте-же, прекрасная Софья — продолжалъ онъ , спавъ на колѣнн — узнайте-же , чшо я обожаю васъ ! . . Скажнше мнѣ роковое слово, рѣшнше учаспъ мою , или я умру у ногъ вашнхъ ! — Маіоръ споялъ на одномъ колѣнѣ , сложнвъ руки, и проговорнлъ монологъ эпощь, вѣрояпно взятый нмъ нзъ какого ннбудь романа , шономъ настоящаго шеапральнаго любовннка. Все эпощь вмѣстѣ было шакъ ему несвойспвенно, дѣлало его шакъ забавнымъ , чшо Софья, не смопрн на грусть свою н негодованнє , въ первую мннупу не могла удержатъся опъ смѣха. Одна-

кожъ чувство приличія скоро взяло верхъ надъ живоспію ея характера.

«Оспавыше эту комедію, сказала она; что за мысль пришла вамъ играть ее?»

— Клянусь, что это совсѣмъ не шулка, совсѣмъ не комедія! Я люблю васъ шакъ, какъ Малекъ-Адель никогда не любилъ Машильды, какъ Грандисонъ....

«Боже мой! это ужъ несносно! Оспавыше меня, Г. Маіоръ, оспавыше эти глупости, которыя меня оскорбляютъ....»

— Глупости! гм! — повпорилъ Маіоръ, приподнимаясь на ноги и спараясь удержатъ Софью, которая хотѣла опъ него удалиться. — Нѣтъ, богиня моя! — продолжалъ онъ перешедъ изъ спрашнаго тона въ насмѣш-

ливый — я еще не такъ глупъ, какъ вы думаете! Чшожь за бѣда, если я хопѣлъ испыпашь, будепе-ли вы такъ-же благосклонны ко мнѣ, какъ были вчера къ этому господину уряднику, съ копорымъ такъ дружески прогуливались и такъ ласково разговаривали.

«Чшо это значить? спросила Софья съ благородною гордосшью. Кшо даль вамъ право говоришь со мной шакимъ тономъ? и чшо вамъ угодно опѣ меня?..»

— О, я-бы желалъ многого! Но если ужь вы такъ непреклонны, моя красавица, шо я буду доволенъ однимъ поцѣлуемъ прекрасныхъ, аленькихъ вашихъ губокъ....

Говоря эти слова, Маіоръ схватилъ руку Софьи; но испуганный крикомъ ея и опчаяннымъ усиліемъ вырваться,

долженъ былъ оставить добычу свою, и съ громкимъ, адскимъ смѣхомъ смотрѣлъ въ слѣдъ испуганной дѣвушки, которая въ слезахъ, въ какомъ-то полубезпамятствѣ, прибѣжала въ свою комнату.

Софья долго не могла успокоиться, долго не знала, что ей дѣлать. Наконецъ, собравшись съ мыслями, рѣшилась она идти къ Полковнику, и рассказать ему все; но въ самую эту минуту, когда огорченная дѣвушка хотѣла исполнить свое намѣреніе, къ ней вошла одна изъ подругъ ея.

— Что съ тобою сдѣлалось, моя милая? — спросила она, взглянувъ на Софью. — Ты такъ блѣдна, такъ встревожена... Да, я и забыла, что тебѣ нынче должно быть въ самомъ дѣлѣ очень грустно...

«Нѣтъ, Серафина, ты совсѣмъ не по думаешь! опвѣчала Софья, щеки которой вспыхнули, какъ роза. Я оскорблена, унижена. Научи меня, что дѣлать.» Тупъ она рассказала о встрѣчѣ своей съ Маіоромъ и о его наглости.

Подруга, вошедшая къ Софьѣ, была дѣвушка ужь не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, живая, умная но чрезвычайно веселаго, даже нѣсколько въпренаго, характера, къ которому примѣшивалась еще и маленькая спрасъ къ кокетству. «Такъ полько-шо!» сказала она засмѣявшись, когда Софья кончила рассказъ свой. «Ну, есль о чемъ и крушишься. Боже мой, какъ жаль, что это случилось не со мной! Я-бы поспаралась сыграть съ Господиномъ Маіоромъ неподобную комедію.»

— А я хочу просно идти къ папенькѣ и рассказать ему все.

«Какъ себѣ не стыдно! Подумали вы, какая испорція можетъ выйти изъ шакихъ пусыковъ? Я знаю характеръ моего папѣ: онъ приметъ это слишкомъ горячо и — у него доспанетъ еще силъ выспрѣлится изъ писюлепа. . . . Совѣшную разсудить хорошенъко: чѣмъ тогда кончипся пьеса.»

— Чшо-же мнѣ дѣлать? — спросила Софья, содрогнувшись опъ мысли, копорая прежде не пришла ей въ голову.

Серафина на минушу задумалась. «Послушай, сказала она наконецъ, Маюру надобно опмешить непременно за наглосить его, но опмешить совсѣмъ другимъ образомъ. Напиши къ нему письмо, копорое я себѣ продикшую, и въ копоромъ вы назначишь господину волокитѣ rendez-vous нынче въ 10-ть часовъ вечера.»

— Неуживо и ты хочешь смѣяться надо мной — сказала удивленная Софья съ горькой улыбкой.

«Правда, что я хочу смѣяться, и даже теперь смѣюсь опть превосходной, вдохновенной мысли моей — но только не надъ побой, а надъ Маіоромъ. Садись, пиши, и оспальное все предоспавь мнѣ. Ты будешь опмщена какъ нельзя лучше.»

— Но какъ писать, назначать свиданіе! это невозможно.

«Какія ребяческія мысли! Мы не имѣемъ никакого оружія для защиты, кромѣ хипросипи, и слѣдовашельно въ пеперешнемъ случаѣ все проспипельно. Такихъ наглцовъ, какъ Маіоръ, надобно учить шупками; другаго наказанія они не споятъ. Пиши-же, милая; я приглашу на спектакль нашъ всѣхъ дѣвиць, живущихъ въ до-

мѣ , расскажу имъ все, и честь пвоя
опъ эпого ни сколько не поспра-
даешъ.»

Софья сначала никакъ не хопѣла
согласишья съ подругой своей ; но
краснорѣчіе послѣдней было сильно и
убѣдительно, можешъ бышь опъ того
болѣе, что кромѣ желанія посмѣяшья
надъ Маіоромъ , у ней было еще и
другое: опмспишь ему шакже и съ
своей спороны за равнодушіе къ соб-
спвеннымъ прелестямъ. Какъ-бы по
ни было , только она шакъ хорошо и
забавно умѣла рассказашь планъ своей
выдумки, шакъ искусно доказала Софѣ
необходимосшь эпого поступка , что
ша наконецъ рѣшилась взяшья за перо,
и съ словъ Серафины написала слѣ-
дующее :

М. Г.!

«Печаянная встрѣча съ вами и при-
наніе ваше шакъ смѣшали меня , что

я не могла порядочно отвѣчать вамъ. Если вы хопите знать наспоаяція чувспва мои къ вамъ, по приходите ужò, въ 10-ть часовъ послѣ ужина, на по самое мѣсто, гдѣ мы давича вспрѣпились.»

Письмо было написано, сложено, оставалось запечатать: шупъ только Софья замѣпила, что у нея не было на рукѣ кольца, которе она обыкновенно носила. Ей пришло въ голову, что оно должно бытъ поперяно въ то время, когда она спаралась освободиться опъ Маіора. Побѣжали въ садъ; ходили, искали: кольцо не нашлось.— Боже мой!— воскликнула Софья съ огорченіемъ; — вѣрно оно оставлось въ рукахъ у эшого несноснаго челоуѣка. . . . Нѣтъ, шеперь я ужь непременно должна сказать обо всемъ папенькѣ.

«Прекрасно вздумано! подхвапила

Серафина. Подвергаешь жизнь отца опасности за дрянное кольцо, копорого можешь быть еще и нѣтъ у Маіора!... Помилуй, Софья, образумься. Ну да если оно и у него, такъ что-жь за бѣда? Свиданіе, копорое ты назначаешь ему, опущишь его впередъ опъ такихъ похищеній. Сверхъ того, если всѣ наши замыслы удадутся, то онъ вѣрно не захочетъ долго оспаваться здѣсь, а уходя опсюда, ужь конечно не рѣшится взять съ собой вещь, ему не принадлежащую, и возврапитъ тебѣ кольцо. Я даже думаю, что онъ тогда и записку швою изорветъ съ досады на тысячу ключковъ....»

Что было дѣлать бѣдной, неопытной дѣвушкѣ? она знала горячій нравъ и военныя правила отца своего; знала, что даже самая непріятность этой испоріи, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, можешь распроишь и

шакъ уже слабое здоровье его. Между шѣмъ не хотѣлось-же ей оставить безъ наказанія и наглости Маіора. Подумавъ съ минушу , она разочла оняшь , что Серафина судить справедливо — и предоставила ей полную волю дѣйствовать.

Между шѣмъ Маіоръ , обмануемый въ своемъ ожиданіи и жестоко всбѣщенный неудачею , разсуждалъ о томъ , какъ прудно понравилъ дѣвушкѣ , которая влюблена въ другаго , и успѣшалъ себя мыслию , что по крайней мѣрѣ онъ поступилъ въ этомъ случаѣ смѣло и лихо. Боясь однако-же , чтобы эта лихость не кончилась какою нибудь непріятностію , онъ не смѣлъ показаться на глаза спарому Полковнику , и хотѣлъ уже отдавать нужныя приказанія къ походу , какъ вдругъ Маша , горничная Софыи , потихоньку отворила дверь его комнаты , бросила на полъ записочку , сдѣ-

лала знакъ , чшобы онъ молчалъ , и удалилась.

Маіоръ осполбенѣлъ опъ удивленія; поднялъ письмо, прочишалъ — и осполбенѣлъ еще больше. Онъ видалъ руку Софьи, когда она подписывала письма опца своего; сомнѣнія никакого не было. «Прощу послѣ этого вѣришь женщинамъ!» вскричалъ онъ. «Давича не хопѣла слушашъ меня — шеперь сама назначаешъ свиданіе. Чшо за дьявольщина! Опъ чего-бы эпо? . . .» Маіоръ шопчасъ расчелъ , чшо всему была причиной заспѣнчивоспъ Софьи; чшо онъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ крупно напалъ на нее, и чшо въ лакихъ случаяхъ , напурально , можно гораздо свободнѣе изьяснишься черезъ письмо, нежели на словахъ. А свиданіе , кошорое Софья сама назначала? «Ну , шогда будешъ вечеръ — шемно. . . .» Тупъ лицо мнимаго счастливица прояснилось , самодовольный видъ его

возвратился; плеча Маіора поднялись на $\frac{1}{2}$ вершка выше обыкновеннаго, грудь выдалась впередъ, какъ у праваго фланговаго гренадера.

Въ эпопѣй день онъ былъ еще не-сноснѣе, нежели когда нибудь. За споломъ Полковникъ не сказалъ ему ни слова объ упреннемъ происшествіи, даже не показалъ непріятнаго вида: ясное доказательство, что все скрыто. Это еще болѣе увеличило радость Маіора. Онъ говорилъ громче обыкновеннаго, хохоталъ во все горло и безпрестанно посматривалъ на часы, съ поржеспивующимъ видомъ. Дѣвушки знали причину его веселости, и съ прудомъ могли удерживаться отъ смѣха. Но Софья не могла видѣть его, не выходила изъ комнаты и сказала больною. Въ самомъ дѣлѣ какое то непріятное чувство помило ее. «Я одинъ знаю причину ея болѣзни,» думалъ Маіоръ улыбаясь; «бѣдняжка

бѣишься измѣнишь себя, бѣишься оп-
крышь пайну своего сердца!...» Время
шло для него слишкомъ медленно; день
казался ему цѣлымъ годомъ. Нако-
нецъ минуша, копорой ждалъ онъ
съ такимъ неперпѣніемъ, наступ-
пила.

Ночь была довольно темна. Ни
одной звѣздочки не свѣшилось на небѣ.
Не смотря однакожь на эту темно-
шу, Маіоръ занялся своимъ шуале-
помъ, вылилъ на себя цѣлую скля-
ночку духовъ, и съ самыми восхищи-
тельными мыслями отправился въ
садъ. На цыпочкахъ, не слыша ногъ
подъ собою, озираясь во всѣ спороны
прокрался онъ къ назначенному мѣсту.
Тамъ, казалось, никого еще не было;
но черезъ минушу кто-то въ бѣломъ
плащѣ мелькнулъ изъ за кустовъ.
«Спупайте за мной, сказалъ тихій
голосъ: здѣсь насъ могутъ замѣ-
шипъ.» Говоря эти слова, бѣлое

плашнице , съ легкостію Сильфиды , полетѣло вдоль по аллеѣ , и восхищенный , очарованный Маіоръ пуспился вслѣдъ за нимъ . Боясь поперяшь изъ вида дѣвушку , копорая шла очень скоро и , безпреспанно поворачивая , по скрѣивалась за кустами , по снова показывалась въ нѣсколькихъ шагахъ впереди , онъ бѣжалъ почпи рысью , бился лбомъ о деревья и царапалъ лицо сучьями . Но что значили всѣ эти маленькія непріялноспи , въ сравненіи съ пѣмъ блаженствомъ , копорое ожидало его!.. Пробѣжавъ однакожь такимъ образомъ нѣсколько аллей , сдѣлавъ множесто поворотовъ , Маіоръ до того упомился , что по неволѣ долженъ былъ оспановиться и перевести духъ . Тупъ оспановилась и проводница его . « Ради Бога , спупайте скорѣе ! » сказала она пѣмъ-же пихимъ голосомъ . « Время дорого , а вы шакъ не проворны ! » Тронутый такимъ упрекомъ , досадуя самъ на свою медлен-

носпѣ , запыхавшійся Маіоръ собралъ послѣднія силы, и пуспился бѣжашъ еще скорѣе прежняго за своей пупеводипельницей, копорой бѣлое плашье, какъ маякъ, мелькало передъ нимъ въ шемноспѣ. И вопшь, кажешся, близокъ конецъ желаній его: дѣвушка оспановилась въ пяпи шагахъ передъ нимъ, и нейдешъ далѣе. Она зовешъ его. . . Воспламененный Маіоръ ничего не видипъ, кромѣ Софьи: онъ проспираетъ руки, хочешъ однимъ махомъ перескочипъ проспранспво, копорое опдѣляетъ его опъ дѣвушки; еще одна секунда и Софья въ его обьяшпяхъ; но, увы! въ самую эпу роковую секунду ноги его скользашъ, онъ обрываешся, лепипъ и — спремглавъ падаетъ въ глубокую яму. . . .

Изумленный шакою нечаянноспью, оглушенный паденіемъ, Маіоръ сначала не понималъ, что шакое съ нимъ сдѣлалось, не зналъ гдѣ онъ, и думалъ,

чпо попалъ въ преисподнюю; но звонкій смѣхъ нѣсколькихъ поненькихъ голосковъ , раздавшійся вскорѣ за шѣмъ со всѣхъ споронъ , далъ ему наконецъ почувспвовать весь ужасъ его положенія : бѣднякъ почно лучше-бы согласился въ эту минуспу провалишь-ся сквозъ землю, нежели видѣшь, чпо онъ сдѣлался жершвою шакой злой шупки , и слышашъ эшопъ смѣхъ , кошорый раздиралъ его душу. Бѣшенство овладѣло имъ; но спыдясь показашъ себя еще больше смѣшнымъ, онъ не смѣлъ ни кричашъ, ни пребовашъ помощи, и, припаивъ дыханіе, смиренно сидѣлъ въ углу ямы. Насмѣшницы, казалось, нарочно хопѣли шопишь его и прохаживались около западни, въ кошорую онъ попался. Долго слышались ему шаги и голоса ихъ:— Какая прекрасная ночь! — говорили однѣ; — прелесшь! — говорили другія; — какъ долженъ бышь счаспливъ шопъ, кому въ эшопъ часъ наз-

начено тайное свиданіе!.. Маіоръ слышалъ это, проклиналъ себя и приходилъ въ опчаяніе. Онъ думалъ, что злодѣйки спанушъ караулишъ его до самаго свѣша, и что тогда онъ долженъ будешъ по необходимости явишъся передъ ними во всей славѣ своей. Однакожь спрахъ его былъ напрасный; черезъ часъ все ушихло. Онъ прислушивался, приподнимался, и наконецъ рѣшипельно заключилъ, что надъ нимъ сжалились и предоспавили ему полную свободу выбирашъся изъ скучнаго его убѣжища.

Яма, въ копорую попалъ Маіоръ, или, лучше сказашь, въ копорую завели его, была не иное что, какъ старый, оспавленный садовой погребъ, куда прежде складывали яблоки. Этошъ погребъ былъ не глубже чешырехъ аршинъ: стѣны его, мѣспами осыпавшіяся, сдѣлались довольно оплоги, но были чрезвычайно сыры и

скользки опть шедшаго наканунѣ дожда , опть чего шакъ-же и на днѣ погребѣ спояла грязь , въ которую бѣднѣй плѣнникъ былъ погруженъ по колѣни , и которая впрочемъ спасла его опть ушиба . Сидя шамъ , онъ имѣлъ довольно времени замѣшпшь всѣ эпш прекрасныя подробности ; но все еще не зналъ , можно-ли ему по крайней мѣрѣ выйдпш изъ этой проклятой ямы безъ помощи другаго , и , между спрахомъ и надеждой , пошелъ бродпшь оцупью вокругъ спѣнъ ея . Къ счаспю , въ одной спѣнѣ оспалось еще нѣсколько большпхъ , выдавшпхся камней . Цѣпляясь за нпхъ , падая нѣсколько разъ и выпачкавшпсь еще больше , Маіоръ выкарабкался наконецъ съ большпмъ шрудомъ на свѣптъ Божій , и предавая прокляпю всѣхъ женщинъ въ мірѣ , возврашплся въ свою комнату .

Серафпна не ошпблась въ разсчепѣ :

спыдясъ показаться дѣвушкамъ , которыя такъ его одурачили , спыдясъ самаго себя , и боясь , чптобы эпо происшествіе не дошло до его поварихей , онъ въ шу-же ночь оставилъ деревню Полковника . Но кольца своего Софья однакожь не получила . Она все еще не знала , гдѣ оно , и эпо превозжило нѣсколько дней робкую , чувствительную дѣвушку . Впрочемъ чувство собственной невинности , и мысль , что она избавилась наконецъ отъ несноснаго для нея челоуѣка , скоро ее успокоили . Скоро Маіоръ былъ забытъ совершенно , и одна только всегдашняя , привычная дума объ опсуществующемъ другѣ , заняла опять все мысли Софьи .

Между тѣмъ , долгое пребываніе Наполеона въ Москвѣ начинало ободрять жителей Полковниковой деревеньки . Всякій день приходили слухи о небольшихъ , удачныхъ сшибкахъ съ

Французами, и голодъ, копорый терпѣли они въ Русской Сполицѣ. Спарый воинъ, забывая собспвенныя гореспи и забошы, съ жаромъ полковаль обо всемъ эпомъ и выводилъ изъ того худыя послѣдспвія для враговъ Россіи.

Наконецъ получили вѣспь, что неприяшель оспавилъ Москву и пошелъ по Калужской дорогѣ, на встрѣчу нашей арміи.

Вечеромъ, наканунѣ Тарупинской бишвы, Борскій былъ посланъ за приказаніемъ въ главную кварширу. Поздно возвращался онъ опшуда, въ сопровожденіи одного Казака. Темноша осенней ночи безпреспанно увеличивалась и наконецъ всадники не могли даже видѣшь дороги, по копорой ѣхали. Боясь, какъ-бы не сбилься съ на-

спящаго пупи и не попасъ въ цѣпь непріятельскую, Борскій оспановилъ на минушу лошадь свою. «Тупь-ли мы ѣдемъ?» сказалъ онъ, всмаприваясь въ огни, пылавшіе вдали на бивакахъ, и прислушиваясь къ глухому спуку колесъ артиллеріи, шихо пробиравшейся къ назначенному мѣсту.

— Кажется шумъ — отвѣчалъ Казакъ.

«Впереди кто-то разговариваетъ, продолжалъ Борскій. Надобно узнать, что это за народъ.» Онъ пронуль рысью своего Турченка, и, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, въ самомъ дѣлѣ услышалъ голоса разговаривающихъ.

— Таки занесъ себя чортъ въ канаву! — сказалъ одинъ; экой дуракъ!....

— Эхъ, господинъ служивый! — оп-

въчалъ другой — развѣ я радъ этому. Вишь какая темнеть: хопъ глазъ выколи; ужъ я-ли не знаю здѣсь дороги, да никакъ не попрафишь....

«Что за люди?» спросилъ Борскій.

— Денщикъ, Ваше Благородіе — опвъчалъ попъ, копорый бранилъ другаго, не видя въ темнотѣ муидира Борскаго и полагая, что съ нимъ говоришь офицеръ.

«А что ты шушь дѣлаешь?»

— Вощъ свалилась шелега, да никакъ не подымешь. Ну, помогай-же, спарикъ: вѣшь не ночевалъ-же намъ здѣсь!

Борскій сжалился надъ бѣдняками и приказалъ Казаку своему пособишь имъ. А между шѣмъ, опъ нечего дѣлашь, продолжалъ разговаривашъ съ

денщикомъ. «Ты кому-же служишь , любезный!»

— Маіору Звъницкому, Ваше Благо-родіе.

При этихъ словахъ сердце Ипполи-ша забилося опъ радости. «Боже мой! это долженъ бытъ попъ самый , ко-шораго видѣлъ я въ деревнѣ Полковни-ка!» подумалъ онъ; спросилъ еще ден-щика , въ какомъ полку служишь господинъ его, и увѣрился въ своей до-гадкѣ.

«Ради Бога, скажи мнѣ, другъ мой , продолжалъ Борскій съ неперпѣніемъ , давно-ли прибылъ къ арміи батальонъ вашъ , и гдѣ могу я оныскаать Маіо-ра? Мнѣ-бы очень хотѣлось съ нимъ повидаться.

— Батальонъ пришелъ вчерашній день— опвѣчалъ денщикъ — а я оспа-

вался сзади и теперь его догоняю. Мнѣ сказали, что онъ спойлтъ не далеко отсюда, въ деревнѣ... какъ бишь ее?.. все позабываю. . . Да вонъ подводчикъ знаетъ.

— Коли въ шой — подхвашилъ подводчикъ — что давеча называли, такъ она вонъ шумъ и ешь, близехонько; вонъ эшо въ ней свѣпился огонекъ и лаюшь собаки.

Борскому не было почти никакого крюка заѣхать въ деревню, про копорую говорили. Не теряя болѣе времени въ распросахъ, онъ далъ шпоры Турченку и помчался спрѣлой, прямо на огонь, надѣясь узнать отъ Маіора что нибудь о Софѣ, а можетъ бышь и получить письмо отъ нея.

Въ полуразрушенной креспьянской избѣ, съ выбитыми окнами, сидѣлъ Маіоръ Звѣницкій, окруженный офи-

церами своего полка и нѣкопрыхъ другихъ командъ , расположенныхъ въ томъ-же селеніи. Передъ ними спояла чаща съ пуншемъ; густыя облака табачнаго дыму наполняли избу, и шумная радость царствовала въ полупьяной ихъ бесѣдѣ. Отголоски громкаго смѣха и веселыхъ разговоровъ далеко разносились.

— Да— говорилъ Маіоръ, разкраснѣвшійся отъ горячаго напитка еще болѣе обыкновеннаго , и по видимому отъ той-же причины расположенный къ дружеской откровенности — сдача Москвы точно задержала меня на походѣ. Если-бы вы видѣли , господа , какой безпорядокъ сдѣлался въ то время во всѣхъ губерніяхъ, даже и не занятыхъ непріятелемъ!.. Я проспо не зналъ , куда мнѣ идти и что дѣлать. Но всего забавнѣе — прибавилъ онъ засмѣявшись — было видѣть нашихъ Русскихъ барынь : онѣ боялись

Французовъ , какъ чершей. И между шѣмъ замѣшьте , что женщины все таки женщины: не смотря на эшошь спрахъ , мѣсмами встрѣчались мнѣ такія миленькія , такія забавныя инприжки , что , ей Богу , грѣхъ было бы ими не воспользоваться. Эшо такъ же , надобно признашся , нѣсколько меня оспанавливало ; но я зналъ , что заключено перемиріе и все еще , кажешся , поспѣлъ во время...

«Разумѣешся! подхватила толпа. — За здоровье красавиць , копорыя успилаюшь цвѣтами шрудный пупъ жизни военной!..» — И глупъ шопъ , что не рвешъ эшихъ цвѣповъ ! — прибавили другіе. — За здоровье благосклонныхъ красавиць!...

Между шѣмъ какъ пили эши шоспы , дверь сбишая съ крючьевъ и кое-какъ приспавленная къ приполкѣ , опъ неосторожнаго шолчка полешѣла на полъ ,

и Борскій явился среди пирующихъ. — Ура! — закричали они — кто вошелъ съ такимъ громомъ?..

Сначала Маіоръ, въ густомъ дыму, казалось, не узналъ Борскаго; но вдругъ непріятное чувство потрясло его, дрожь пробѣжала по немъ. Однакожь онъ скрылъ свое смущеніе, или лучше сказать, проглотилъ его вмѣстѣ съ остатками своего пунша.

— Что тебѣ надобно, другъ мой? — спросилъ онъ, такъ хладнокровно, какъ полько могъ, обращаясь къ молодому человѣку.

«Я имѣлъ честь видѣть васъ, господинъ Маіоръ, въ домѣ моего благодѣшеля, Полковника Леонскаго, отвѣчалъ Ипполитъ. Вы оставили его послѣ меня, и я-бы очень желалъ узнать, здоровъ-ли онъ?»

— Такъ эпо вы , любезный урядникъ ? — вскричалъ Маіоръ ; — извинише , я совсѣмъ не узналъ васъ . Очень радъ , очень радъ ; вы прѣехали кспаши . Прошу садиться и принятъ участіе въ нашей дружеской пирушкѣ .»

«Благодарю васъ за честь , сказалъ Борскій . Къ сожалѣнію , я не имѣю времени ею воспользоваться , и попому попросилъ-бы васъ сдѣлать одолженіе удовлетворить поскорѣ моему любопытству .»

— Да , вы хопише узнать о родныхъ вашихъ или... Богъ знаетъ что они вамъ шакое... они всѣ здоровы ; я очень недавно оставилъ ихъ... Но скажише , получали-ли вы опъ нихъ какое нибудь извѣстіе , съ шѣхъ поръ , какъ мы съ вами видѣлись ?

«Рѣшипельно никакого .»

При эгихъ словахъ радость блеснула въ глазахъ Маіора. — Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ онъ едва скрывая свое восхищеніе. — Такъ сдѣлайте-же милость, садитесь и выпейте спаканъ этого пунша, который право очень хорошъ; а я между тѣмъ расскажу вамъ кое-что о вашихъ знакомыхъ.

Борскому очень не хотѣлось оспаваться въ такомъ обществѣ, но желаніе поговорить о людяхъ, столько ему любезныхъ, преодолѣло это опвращеніе, и онъ помѣспился въ концѣ спюла.

— Надобно вамъ знать, господа, — продолжалъ Маіоръ, подумавъ съ минуспу и какъ бы собравшись съ мыслями — что молодой человекъ, которого вы видите, инпересуется больше всего узнать объ одной миленькой, хорошенькой дѣвушкѣ, и это любопытство очень проспипельно. Признаюсь,

я самъ чуть, чуть не сошелъ съ ума ошъ нея, пошому чшо красавица сначала была слишкомъ горда и непреклонна; но подъ конецъ. . . гм! . . . мнѣ удалось преодолѣть все прудности...

«О комъ вы говорите?» спросилъ съ удивленіемъ Борскій.

— Разумѣется о дочери Полковника, у котораго мы съ вами видѣлись — ошвѣчалъ Маіоръ съ язвительной усмѣшкой.

«Но по крайней мѣрѣ помните-ли вы то, чшо говорите?»

— Какъ нельзя лучше. Да и чшо-же мудренаго получишь благосклонность дѣвушки?

«Только не пой, господинъ Маіоръ, о которой идешь теперь рѣчь, ска-

заль Борскій, вскочивъ съ мѣша. Чесць эпой дѣвушки дороже для меня собспвенной жизни! прибавилъ онъ, взявшись за саблю. Признайпесь-же сей часъ, что вы хваспунъ и лжець самый безспыдный, или я раскрою вашу голову!..»

Сабля сверкнула изъ ноженъ. Удивленные такой сценой офицеры вспали, желая предупредить драку; а Маіоръ подвинулся въ уголь, боясь, чпобы раздраженный молодой человекъ въ самомъ дѣлѣ не задѣлъ его саблею.

— Вы напрасно такъ горячишесь — сказалъ онъ, загораживаясь споломъ. — Вѣрю, что чесць Полковниковой дочери дорога вамъ; но что, если я покажу письмо, копорымъ она приглашала меня на свиданіе?..

«Письмо!.. Вошь это забавно! Нѣтъ,

господинъ клеветникъ, вы не опдѣластесь выдумками; я васъ выпашу изъ вашей засады и заспаблю со мною расплапиться...»

— Поспойте, поспойте! — кричалъ оробѣвшій Маіоръ, видя, что Борскій хочеть схватить его за воротникъ. — Письмо, сй Богу, у меня — продолжалъ онъ, опустивъ руку въ карманъ; — я сей часъ покажу вамъ его... Вошь оно чипайте....

Борскій взглянулъ, пробѣжалъ глазами роковую бумагу — и сабля выпала изъ рукъ его. Онъ не вѣрилъ себѣ; но эпошь почеркъ такъ знакомъ ему, что не лзя ошибиться... Изумленіе, ужась, смершная иоска спѣснили сердце бѣднаго молодого чловѣка.

— Ну, что теперь скажете? — спросилъ Маіоръ съ поржеспвующимъ ви-

домъ , замѣшивъ , что хитроспъ его удалась совершенно.

«И такъ это правда ! прошелпалъ Ипполипъ въ опчаяніи. Боже мой ! чѣмъ-же все это кончилось?»

— А вопъ чѣмъ— опвѣчалъ Маіоръ , взявъ его за руку и опвода въ дальній уголь избы. — Вы сей часъ увидите...

Онъ опперъ маленькую шкапулку и выдвинулъ ящичекъ , въ которомъ было цѣлое собраніе перспеньковъ , сердечекъ , супировъ , сувенировъ — золопыхъ , серебряныхъ и даже мѣдныхъ. Маіоръ хранилъ ихъ , какъ залогъ побѣдъ своихъ — впрочемъ Богъ знаетъ какъ и опъ кого пріобрѣпленныхъ — и въ это-то несчастное собраніе попало кольцо Софы !.. Борскій взглянулъ на него , содрогнулся , и долго споялъ , какъ безумный: кольцо

было такъ-же знакомо ему , какъ и почеркъ... Ни одного слова, ни одного вздоха не вырвалось изъ груди его ; шапаясь , вышелъ онъ , бросился на коня и съ какими-то бурными , безопчепными чувствами помчался вонъ изъ деревни.

— Барышни , барышни ! — сказала Маша , вбѣгая въ комнашу Софьи — извольте-ка послушать , какъ спрѣляютъ изъ пушекъ : вонъ шамъ , за деревней , у рѣки все какъ пролило. Мать Пресвятая Богородица , какой ужась!...

Любопытныя дѣвушки накинули на себя салоны и побѣжали за Машей. — Слышите-ли? — сказала она , вышедши изъ деревни и оспановившись. — Приложите-ка ухо къ землѣ : такъ и спонепъ.

Въ самомъ дѣлѣ грома Тарушинска-

го сраженія , разносясь далеко и раскапываясь по Окѣ , опадали въ ея окрестностяхъ какимъ-то глухимъ , подземнымъ гуломъ. Полковникъ шакъ-же вышелъ послушать этой пошѣхи.

— Ну, славно-же капаютъ ! — сказалъ онъ , вслушавшись въ нѣсколько ударовъ.— Отсюда до мѣста дѣйствія , по прямой линіи , я думаю верстъ сто , и канонада должна быть ужаснѣйшая... Чортъ меня возьми , если этакой пальбой не перебьютъ ста тысячъ въ одинъ часъ!.. Тупъ , право , дѣйствуютъ артиллерія цѣлаго свѣта !

Сердце Софьи облилось кровью. При каждомъ новомъ ударѣ она содрогалась , при каждомъ новомъ ударѣ думала: не въ него-ли это!..

Пальба была слышна нѣсколько дней,

и наконецъ смолкла. Театръ войны быспро началъ оподвигаться дальше и дальше ; а вмѣстѣ съ тѣмъ удалялась и опасность , грозившая Россіи. Скоро домъ Полковника опустѣлъ по прежнему : всѣ сосѣди , жившіе у него , разѣхались по домамъ , и Софья оспалась одна съ дряхлымъ опцемъ своимъ.

Эта пищина , наступившая послѣ шакого шума и хаоса , и даже самое удаленіе арміи , еще больше увеличивали задумчивость грустной дѣвушки. Да и какое скучное время года наступило тогда : Октябрь мѣсяць иприходилъ ужь къ концу ; деревья были обнажены , поля пусты. Ни одна пшичка , во время уединенныхъ прогулокъ Софьи , не всселила ея пѣсней своей ; только изрѣдка запоздалыя спаницы журавлей пянулись съ сѣверо-запада , по шуманному поднебесью. Софья печальнымъ взоромъ вспрѣчала ихъ ,

смотримъла въ ту спорону, опкуда лешъли они, ждала вѣспи: но вѣспи не было.

Вдругъ, однажды вечеромъ, прѣхаль въ деревню Полковника какой-по *раззоренный* — изъ Боровска, или изъ Малаго Ярославца. Онъ спрашиваль барышню и говориль, чпо еспь къ ней письмо.

«Опъ кого письмо?» спросила, выбѣжавъ къ нему, обрадованная Софья.

— Изъ арміи — опвѣчалъ раззоренный. — Мнѣ даль его какой-по Казачій офицеръ, и располковаль, гдѣ опыскашь васъ. Господи, какъ просиль онъ меня, чшобы не заперяиль письма! Пожаловаль мнѣ денегъ на дорогу, и обѣщаль, чпо вами я еше больше буду доволенъ. А мнѣ надобно же гдѣ нибудь искашь прописанія. Не

оставыше , сударыня : все начиспо , погорѣло !

Сказавъ эти слова , бѣднякъ , съ низкимъ поклономъ , подалъ пакешь .

«Что это значить?» подумала Софья , увидѣвъ , что пакешь былъ надписанъ незнакомой рукой . Съ неперипнѣемъ сорвала она печашь ; тамъ были два письма : одно къ ней — опъ Ипполиша , другое — но Софья ничего больше ужъ не видала , кромѣ письма Ипполипова . Въ восхищеніе приобѣжала она въ свою комнату , разорвала бумагу , копорая заключала въ себѣ то , что хопѣлось ей узнать пакъ неперипливо , пробѣжала глазами нѣсколько спрокъ , вскрикнула и — упала безъ чувспвъ...

Маша , привлеченная крикомъ Софьи , закричала еще громче , увидѣвъ барыш-

ню свою въ такомъ положеніи, и бросилась помогать ей; но бѣдная дѣвушка лежала, какъ мертвая. Вслѣдъ за Машей пришелъ и Полковникъ. Испуганный спарикъ долго не могъ понять, что такое случилось. Наконецъ увидѣлъ онъ роковую бумагу, копорая выпала изъ рукъ Софьи, поднялъ и прочиталъ слѣдующее:

«Я знаю все. Предатель, копорому опдали вы себя такъ скоро, такъ неоспорожно, самъ обличилъ васъ... Я читалъ вашу записку, видѣлъ ваше кольцо — залогъ любви спранной, непоспижимой для меня!.. Что-жь еще оспавалось узнать мнѣ?.. Софья! могъ-ли я ожидать, что доживу до такой ужасной минушы!.. Мнѣ кажется, что это спрашный, спяжелый сонъ, опъ копорого я не могу пробу-дисься... Какъ могли вы... нѣтъ, не хочу упрекать васъ: это и поздно и бесполезно...

«Завтра сраженіе. Я радъ этому; я спану искашь смерти, и наверное найду ее. Только одна эша мысль ушѣшаетъ меня, и дѣлаешъ сносными тѣ мученія, копорья терплю я... Боже, Боже мой! Что если-бы цѣлую жизнь былъ осужденъ я влачить въ эшой смерпшой поскѣ, въ эпомъ спрашномѣ опчаяніи? . . . Что если-бы долженъ былъ видѣть безпрестанно передъ собой эшу ужасную, пустынную будущность?..

«Софья! эшо послѣдній разговоръ нашъ. Мнѣ хотѣлось-бы говорить съ вами больше, хотѣлось-бы вамъ посоветоваться... но голова моя такъ слаба, мысли такъ спущаны, сердце такъ сжато. . я все еще люблю васъ...

»Для чего я пишу къ вамъ?.. Когда я брался за перо, бѣшенство кипѣло въ груди моей, но оно полчасъ-же утихло. . . Я хотѣлъ написать вамъ

холоднымъ презрѣніемъ , кошѣль на-
смѣшками расправишь сердце ваше ,
шакъ-же какъ вы мое расправили— но
желчь моя превратилась въ слезы. . .
Пусть-же , по крайней мѣрѣ , это
письмо напомнитъ вамъ обо мнѣ послѣ
моей смерти... Прощайте ! когда вы
получите его , меня ужь не будетъ...»

— Чортъ меня возьми — сказалъ Пол-
ковникъ , бросивъ бумагу — если я изъ
всей этой галимашьи понялъ хоть
слово ! — Исполнить просно сошелъ съ
ума и порешъ горячку... Но это что
еще ? — прибавилъ онъ , взглянувъ на
другое письмо , лежавшее на столѣ.
Оно было адресовано на его имя. Пол-
ковникъ оцпашъ началъ чипашъ... го-
лова его опустилась , слезы покапи-
лись изъ глазъ спарика.

Въ этомъ письмѣ извѣщали Полков-
ника , что Борскій былъ убитъ , что
онъ самъ выпросился въ охотники ,

бросился на бапарею, и что послѣ не нашли ни его самага, ни его лошади. Все это писалъ пріятель и сослуживецъ несчастнаго. Онъ прибавлялъ еще, что бѣдный юноша наканунѣ былъ въ спрашномъ опчаяніи, предчувствовалъ смерть свою, и возложилъ на него печальную обязанность уведомить о томъ его благодушеля.

— И такъ онъ въ самомъ дѣлѣ искалъ смерти и нашелъ ее! — прошепталъ Полковникъ съ гореспью. — Но, Боже мой! опъ чего же было придти ему въ такое опчаяніе?.. О какой запискѣ, о какомъ кольцѣ говоритъ онъ?..

Между тѣмъ какъ пораженный внезапною вѣспью, убитый горемъ, спарецъ въ недоумѣніи посмапривалъ по на письма, лежавшія передъ нимъ, то на бѣдную дочь свою, Софья пришла въ чувство. Она открыла глаза, но, казалось, все еще не могла хорошенько

припомнишь, что такое случилось съ ней. Взоръ ея былъ мраченъ и дикъ... Вдругъ ужасная мысль на минушу проблеснула въ головѣ ея: слезы выступили на глазахъ несчастной дѣвушки, грудь ея спѣснилась рыданіями: — Я убила его!.. Я во всемъ виновата! — сказала она въ отчаяніи, и опять впала въ безпамятство.

Полковникъ не могъ ничего узнать ошъ нея. Онъ видѣлъ только, что всѣ надежды его разрушились. — Боже милосердый! — говорилъ несчастный спарикъ: — не дай мнѣ совершенно осиротѣть на спарости!..

И въ самомъ дѣлѣ Полковникъ долженъ былъ спрашиться этого. Софья цѣлыя двѣ недѣли спрадала въ жестокой горячкѣ. Ужасныя мечпы не давали ей ни на минушу покоя. Однакожь переломъ болѣзни кончился счастливо: мысли ея прояснились, силы

начали возвращаться. Наконецъ она могла говорить съ опцемъ своимъ, и объяснить ему то, что казалось для него непонятнымъ въ письмѣ Ипполипа.

— Безумцы, безумцы! — повпорялъ Полковникъ, слушая съ удивленіемъ рассказъ ея. — Могъ-ли я этого ожидать опъ васъ!... Для чего послушалась ты эпой въпреницы, Серафины, копорая вѣчно вмѣшиваея не въ свои дѣла и всегда что нибудь напроказничаея? Для чего не сказала мнѣ обо всемъ? Да, тысяча бомбъ! Я-бы показалъ подлецу, каково снимаешь кольца съ рукъ благородныхъ дѣвушекъ и оскорбляешь дочь мою!.. Спарикъ грызъ съ досады сѣдые усы свои и клялся всеми клятвами, что онъ опыщеть Маіора и заспрѣлитъ его, какъ куропатку. — Но — прибавилъ онъ, когда гнѣвъ его нѣсколько поушихъ — не спыдно-ли Ипполипу, что онъ шакъ

мало зналъ шсебя ! .. Безумцы , безумцы ! ..

Софья медленно оправлялась; но мало по малу буря , свирѣпспвовавшая въ душѣ ея , ушпхала , опчаяніе превращалось въ шпхую скорбь. Ей казалось , что за гробомъ шѣнь Ипиолина должна примирпться съ ней , что памъ передъ нимъ опкроется испина. Цѣлую жизнь хопѣла она оплакивать своего друга , цѣлую жизнь , клялась не принадлежать никому другому , и эша мысль доспавляла опраду ей.

Но бѣдная мечпашельница не знала , что судьба гоповипся оппяшь у нея и эшу послѣднюю опраду , гоповипся нанеспи ей новый ударъ.

Холодная , бурная зима 1812 года миновалась. Вьюги и мешели ушпхли: и

поля, и цвѣты, и деревья гоповились къ новой жизни, и перелетныя, больныя госпыи полей начали возвращашься. Вопь одѣлся и лѣсъ, вопь запѣлъ и соловей свою пѣсню. Вмѣстѣ съ природой, казалось, оживала и дѣятельность въ Россіи: громы войны перенеслись за предѣлы ея, и люди, недавно думавшіе о спасеніи одной жизни или послѣднихъ крохъ собственности, закипѣли вновь надеждами, желаніями, алчностью къ богатству. Только тѣ, копорые оплакали все, что дорого сердцу, не возвратили оныя ни надеждъ, ни желаній!...

Софья не любовалась весной: печальная, одинокая, какъ поблекшій цвѣтокъ, убитый безвременнымъ холодомъ, уныло смотрѣла она на жизнь, и на радость всего ея окружающаго; уныло прислушивалась къ пѣснѣ соловья, копорая наводила сполько думъ и воспоминаній на больную, осиротѣвшую ея душу.

Старый Полковникъ такъ-же былъ задумчивъ и пасмурень. Грусть милой дочери шерзала сердце его; но къ этому присоединялись еще и другія заботы: состояніе Полковника было очень невелико. Желая успроиншь счастье двухъ существъ, сполько милыхъ ему, онъ рѣшился пусшиться въ обороты, и пошелъ въ долю къ купцу, который въ ближайшемъ городкѣ завелъ суконную фабрику. У Полковника не было наличныхъ денегъ, и онъ заложилъ все свое имѣніе въ паршикулярныя руки, для того, чшобы получить большую сумму. Предпріятіе его обѣщало вѣрный успѣхъ; но несчастный случай, который мы уже видѣли, разспроилъ всѣ замыслы спарика: фабрика сгорѣла, и алчное пламя не пощадило ни капишала его, ни добраго намѣренія. Сверхъ того, въ тогдашнее смутное время, онъ потерпѣлъ еще и другія потери, что все вмѣстѣ доводило его до совершеннаго

раззоренія. Между шѣмъ срокъ закладной приближался; надобно было платить проценты. Полковникъ думалъ, не находилъ никакихъ средствъ поправить дѣла свои, и день ото дня шановился печальнѣе.

Однажды, когда онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ своихъ, и въ задумчивости держалъ въ зубахъ шпиробку, которая давно ужъ была выкурена, а Софья занималась подлѣ него работою, послышался шумъ подъѣхавшаго къ крыльцу экипажа. Вошелъ госпъ — и эпонъ госпъ былъ попъ самый Уѣздный Казначей, съ кошорымъ, въ ночь пожара, поступили шакъ невѣжливо солдашы Маіора Звѣницкаго. Сердце Полковника забилося не на добро: онъ понялъ, что это значитъ.

«Ну, любезнѣйшій сосѣдъ, сказалъ Казначей, взявъ дружески руку Пол-

ковника, здоровы-ли?... Какъ поживаете? . . .»

— Худо! — отвѣчалъ со вздохомъ старикъ — какъ нельзя хуже....

«И не мудрено. Послѣ шакого спраха и передраги не скоро можно опомнишься. Однакожь, слышали-ли вы, какъ славно идушь дѣла въ арміи?... Наши ужь за Эльбой!» Тушь, поговоривъ немного о полипикѣ и военныхъ дѣйствіяхъ, рассказавъ о помѣ и другомъ нѣскольکو анекдотовъ, часпію справедливыхъ, а часпію и ложныхъ, какъ обыкновенно водится, Казначей, безъ дальнѣйшаго предисловія, поспѣшилъ перейти къ предмету, копорый, казалось, занималъ его сполько-же, какъ Наполеона погдашняя кампанія. «Пора поправиться, сказалъ онъ, пора, какъ нибудь успроивать и собспвенныя дѣлишки. И къ вамъ, Полковникъ, пріѣхалъ я шеперь попомковать о дѣлѣ :

вы, я думаю, знаете, что срокъ закладной вашей прошелъ....»

— Очень знаю и помню — опивъ-чалъ Полковникъ, взглянувъ на Софью, копорая хотя также знала, что дѣла опца ея разспроены, но все еще не думала, что рѣшипельная минуша пакъ близка, и содрогнулась опть словъ Казначей; — да я ужь и писалъ къ вамъ — продолжалъ спарикъ — что у меня нѣшь шеперь денегъ, и просилъ васъ объ оперочкѣ. Вѣдь вамъ извѣсно обспояпельспво, копорое меня разспроило....

«О, какъ-же: эша прокляпая ночь слишкомъ для меня памяшна! Но я вхожу въ ваше положеніе, любезнѣйшій сосѣдъ, какъ испинный пріятель, и хочу предложить полюбовную сдѣлку, копорая будетъ гораздо для васъ выгоднѣ всякой оперочки....» Тупъ Казначей улыбнулся, какъ-бы надѣясь,

что слова его сколько удивили, сколько-же и обрадуют Полковника.

—Какой благодарный человек!— подумала Софья. Она оставила работу, и сложив руки, пропаяв голову, с нетерпением ожидала, что скажет этот благодарный человек.

«Вот видите-ли, продолжал Казначей с пою-же улыбкою, я природный дворянин; у меня есть имение, которое сходится почти рублем к рублю с вашим....»

—Так что-же — перебил Полковник — вы хотите купить мою деревню?...

«Совсем не то. Это было-бы для вас не так-то выгодно, потому что деревня ваша не стоит больше пяти денег, которых уж вы должны мне.

Совсѣмъ не то : имѣйте-же терпѣніе
меня выслушавъ: почему-же бы, на-
примѣръ, намъ не сдѣлались родствени-
никами?»

— Чпо вы хошите сказать?— спро-
силъ Полковникъ съ удивленіемъ.

«То, чпо у меня еспь сынъ, въ ша-
кихъ ужъ лѣпахъ, въ которыхъ
имѣютъ обыкновеніе женишься; у васъ
еспь невѣста.... Чего-же намъ лучше:
по рукамъ, да и дѣло съ концемъ. А
въ шакомъ случаѣ, вмѣсто свадебнаго
подарка, закладная ваша поленить въ
печку.»

Пораженная такимъ нечаяннымъ
предложеніемъ, Софья не могла долѣ
осматриваться въ комнащъ, и въ какомъ-
то оцѣпенѣніи вышла вонъ, а Полков-
никъ съ удивленіемъ глядѣлъ въ глаза
своему госпоу.

«Что-же вы на меня смотрите?» спросилъ Казначей.

— Такъ. Мнѣ что-то это никогда не приходило въ голову.

«Да что-же шутъ спрааннаго: развѣ сынъ мой не пара вашей дочери?»

— Нѣтъ, этого я никакъ не думаю; но онъ такъ еще молодъ, такъ неопытенъ; да и припомъ-же нигдѣ не служилъ....

«Какъ, помилуйте! Кроме того, что онъ числился въ Губернскомъ Правленіи, въ прошломъ году Дворянство выбирало его въ Коммисары: вы знаете, что онъ возилъ сухари въ Калугу.

— И шѣ ушопилъ въ Окъ — проворчалъ Полковникъ, поглядывая въ окно и кусая себѣ ногти.

«Ну, да это могло случиться и со всякимъ! сказалъ Казначей, обиженный нѣскольکو пакимъ замѣчаніемъ. Впрочемъ, Полковникъ, скажу вамъ короче: на пакихъ условіяхъ, какія я предлагаю, и при шеперешнихъ обспояшельспвахъ, всякій женихъ долженъ казаться для вашей дочери выгодной парціей, а мой сынъ и подавно. Ванюша не глупъ, не дурень собой. Правда, чпо онъ молодъ, но шѣмъ лучше; я даю вамъ полное право располагашь имъ: вы можете приспроишь его къ хорошему мѣспу, и вѣрьте мнѣ, любезный сосѣдъ, чпо съ вашей пропекціей и съ моими деньгами намъ не трудно будетъ вывеспи его въ люди.»

— Все это пакъ — отвѣчалъ Полковникъ задумавшись; — но Софья не согласишя.

«Вопъ хорошо! Развѣ вы не можете уговоришь ея?»

— Нѣтъ.

«Ну, шакъ принудишь; эшого, мнѣ ка-
жешся, пребуешь собственная поль-
за ея.»

— Нѣтъ, чоршь возьми! Пущь
завшра-же распрѣляюшь меня, если
я рѣшусь на шакой посшупокъ. Бла-
годарю васъ за чеснь; я не могу вос-
пользовашься вашимъ предложеніемъ.

«И шакъ ужь вы меня извинише,
сказаль Казначей, оскорбленный ша-
кимъ рѣшипельнымъ опказомъ. Я
долженъ буду предшавишь закладную
ко взысканію.»

— Какъ вамъ угодно — опвѣчалъ
равнодушно Полковникъ: — я даже не
хочу больше просишь васъ и объ оп-
срочкѣ. Рано-ли, поздно-ли, все бу-
дешь одинъ конецъ; а чѣмъ скорѣе,
шѣмъ лучше.

Казначей уѣхалъ. — Нѣтъ — повсю-
рилъ спарикъ, глядя вслѣдъ за нимъ —
если-бы ты предлагалъ мнѣ цѣлую
Турецкую Имперію, такъ и шу-бы
не захотѣлъ купишь я за одну новую
слезу моей бѣдняжки.

Такъ думалъ Полковникъ; но Софья
думала совсѣмъ иначе. Предложеніе
Казначея опияло у нея послѣднее спо-
койствіе и расперзало еще больше ея
сердце. Она знала, что добрый отецъ
никогда не рѣшился принудить ее къ
ненавистному замужеству, но между
тѣмъ не могла помыслить безъ содро-
ганія о томъ, что эпошъ дряхлый,
немоцный спарецъ скоро будетъ из-
гнанъ изъ собственнаго своего дома,
будетъ повергнутъ во всѣ бѣдствія ни-
щеты, при послѣднихъ дняхъ своей жиз-
ни. А Софья спойло сказать одно толь-
ко слово и — онъ былъ-бы спокоенъ. Но
какъ произнесши эпо роковое слово?
Какъ опидать себя на всегда человѣку,

къ кошорому она не могла чувствовашь никакой привязанности, какъ заспавилъ сердце любить по неволѣ?.... Бѣдная дѣвушка видѣла, что она сполнѣ между двумя безднами, равно страшными, равно неизбежными, и не знала, въ кошорую изъ нихъ бросишься. Иногда глупова была она пожертвовашь собой для спокойствія опца своего, но черезъ минушу совѣсть начинала мучить ее, какъ преступницу. ей казалось, что прахъ Ипполипа содрогнется, когда она опдасъ себя другому.— Нѣтъ, никогда, никогда не рѣшусь на это!— говорила Софья, и опять оспавалась въ мучительной борьбѣ сама съ собою.

Между тѣмъ время проходило. Казначей не щадилъ ни хлопотъ, ни издержекъ, и скоро приказные, какъ хищныя птицы, налетѣли къ Полковнику. Спарикъ былъ швердъ, какъ камень. Но когда спали описывашь

имѣніе, когда крестьяне, собранные на господскій дворъ, узнали, что они должны будущъ распашься съ добрымъ своимъ помѣщикомъ, и печально опустили головы, тогда твердость Полковника на минушку исчезла, и горячая слеза покапилась на сѣдые усы его. Софья замѣшила эту слезу и... могла-ли она долѣе колебашься! — Безумная! Для чего я такъ долго медлила! — прошептала дѣвушка. — Неужели я хотѣла бытъ и убійцей отца своего!... Холодный препенъ пробѣжалъ по ней; высокая, чистая мысль самоопроверженія загорѣлась въ душѣ ея, и разсѣяла слабую нерѣшимельность.

Казначей самъ былъ при описи. Софья прибѣжала къ нему. Блѣдныя щеки ея вспыхнули румянцемъ, въ глазахъ выражалось что-то неземное: — Я согласна на все — сказала она твердымъ голосомъ — согласна исполнить ваше желаніе, о которомъ вы

говорили бапюшкѣ. Только ради Бога, пощадите его! Распустите людей, оставьте все по прежнему....

Казначей сморгнул на нее, разинувъ ротъ.

«Какъ? спросилъ онъ. Вы въ самомъ дѣлѣ соглашаетесь выйдти за моего сына Ванюшу?»

— Да.

«Прекрасно! прекрасно! повсорялъ обрадованный Казначей. Ваша рѣшительность очень благоразумна, и очень мнѣ нравится. Впрочемъ почему-же-бы и не такъ? — прибавилъ онъ. — Я самъ природный дворянинъ... Но зачѣмъ было доводить меня до пустыхъ хлопотъ и убытковъ?..»

Однакожь желаніе Казначея, вспу-

пишь въ родство съ хорошей фамиліей и дашь черезъ по ходъ своему сыну , превозмогало и самую любовь его къ деньгамъ. Въ минушу опись была оспановлена; Члены Суда были одарены, и оппущены, и въ домъ Полковника водворилось опянь прежнее спокойствіе. Только спарикъ былъ все еще не совсѣмъ спокоенъ.

«Софья! сказалъ онъ , когда они оспались одни. Обдумала ли ты хорошенько по, чпо сдѣлала? Не спанешь-ли послѣ раскаяваться въ поступкѣ своемъ?»

— Никогда? — отвѣчала дѣвушка , рѣшишельность копорой въ самомъ дѣлѣ казалась непоколебима.

Спарикъ молчалъ , и погрузился въ задумчивость.

Полковникъ ни за чпо-бы не согла-

сился принести въ жертву собственному спокойствію дочь свою, и заболелъ только о ней одной. Онъ зналъ, что ему не долго оспаеися жить, и предвидѣлъ, какія опасности могли встрѣпиться Софѣ, оставшейся безъ поддержки, безъ соспоянія. Она была такъ молода, а путь жизни такъ скользокъ. . . И кто могъ поручиться, что горестъ ея будетъ вѣчная, что въ эпомъ сердецъ, умерщвленномъ на время поскои, не вспыхнутъ опятъ новыя чувства, новыя желанія? . . . Сверхъ того женихъ, котораго, казалось, сама судьба, вопреки всѣхъ предположеній Полковника, такъ упрямо назначала ей, имѣлъ въ самомъ дѣлѣ привлекательную наружность, и, повидимому, доброе сердце; только былъ немножко испорченъ воспитаніемъ. Но его еще можно было преобразовать; можно было надѣяться, что со временемъ онъ сдѣлаеися dospoинымъ Софи. Такъ ду-

малъ Полковникъ, и всѣ эти размышленія заставляли его въ тайнѣ одобрять намѣреніе своей дочери.

«Дѣлай что хочешь, сказалъ онъ наконецъ: я не принуждаю тебя, не снимаю съ тебя воли.»

Софья желала одного: не спѣшить свадьбою. Ей хотѣлось продлить свободу свою, хотѣлось поспешенно приучить себя къ такому жестокому, неожиданному перевороту. Казначей согласился и на это, но съ условіемъ: чтобы, не смотря на опсрочку свадьбы, поспѣшь-же начали готовить приданое.

«Это будетъ надежнѣе, говорилъ онъ; да и жениху веселѣе.»

Невѣста смотрѣла на всѣ эти приготовления съ какимъ-то мертвымъ равнодушіемъ; но всякой разъ очень

ласково принимала жениха своего , и даже весело съ нимъ разговаривала. Только все просила она не спѣшишь окончаніемъ дѣла ; и никакъ не могъ сообразить двухъ такихъ противоположностей вмѣстѣ. Многіе думали , что Софья почно начала забывать потерю свою. Самому Полковнику казалось , что она ожидаетъ только того , чтобы прошелъ годъ послѣ смерти Ипполита. Но тѣ , которые хорошо умѣютъ читать на темномъ днѣ человеческого сердца , могли-бы замѣтить , что при всемъ видимомъ спокойствіи Софьи , въ душѣ ея свирѣпствовала ужасная буря , и тѣмъ болѣе гибельная , что она не обнаруживалась ни одной слезой , ни однимъ вздохомъ несчастной. Тайное спраданіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея ; щеки дѣвушки съ каждымъ днемъ становились блѣднѣе ; огонь прекрасныхъ глазъ ея померкалъ , какъ опблескъ лампы , угасающей тихо и поспепен-

но. Все это говорю я, могло-бы заспавишь подозрѣватьъ, какая мрачная надежда закралась въ душу Софьи, могло-бы заспавишь догадываться, для чего опклавывала она свою свашьбу.

Такъ прошло почти цѣлое лѣто. Наконецъ эти безпреспанные, вѣчныя оперочки наскучили Казначео; онъ началъ пребовать, чшобы по крайней мѣрѣ сдѣлали помолвку — и Софья не могла больше опговариваться. Упромъ, въ день церемоніи, она была печальнѣе обыкновеннаго, и съ прудомъ скрывала слезы, копорыя безпреспанно наверхъ пывались на глазахъ ея. Ей принесли одѣваться. Софья уныло взглянула на богатый уборъ, приготоовленный для нее, и сказала съ горькой улыбкой: къ чему всѣ эти наряды!... Скоро мнѣ ничего не будешь нужно, кромѣ одного проспаго, бѣлаго плашья.... Черезъ минушу однакожь она опять казалась совершенно спокойной; но это было

последній переломъ , кошорый Бѣдная дѣвушка могла себѣ сдѣлать. Во время обряда , когда подали обручальныя кольца , ей сдѣлалось дурно. Казначей и нѣкошорыя изъ дамъ , бывшихъ шущь , думали , что эпо ничего не значить , что эпо часно случается съ дѣвушками , въ подобныхъ обспояшельспвахъ , и очень скоро проходитъ. Однакожь они ошибались : слабоснь Софьи безпреспанно увеличивалась ; ее должны были вывесчь изъ комнашы и положить въ постель.

Тущь ужь замѣпилъ и Казначей , что невѣспа въ самомъ дѣлѣ *не очень здорова*. Спарый Полковникъ былъ въ опчаянны , и послалъ за Докшоромъ. Докшоръ прѣѣхаль на другой день. Долго глядѣль онъ на больную , долго разговариваль попихоньку съ Полковникомъ , желая узнать причину болѣзни ея , и наконецъ заключиль шѣмъ , что ей должно дать совершенное спо-

койспвіе и рѣшипельно не напоми-
нашь ни о чемъ, чпо хопя нѣсколько
могло-бы попрыспи вновъ слабыя ея
нервы. «При всѣхъ эспихъ предоспо-
рожноспяхъ, прибавиль Докпоръ, при
всѣхъ укрьпипельныхъ, горькихъ лѣ-
карспвахъ, копорья я буду ей про-
писывашь, она едва-ли возврапиптъ
когда нибудъ прежнее здорovie свое.»

Такое заключеніе очень не понравив-
лось Казначею. Онъ говорилъ, чпо
Докпоръ дуракъ, чпо онъ желаетъ
продлишь болѣзнь для собспвеннаго
своего инспереса, и чпо можно сыскаптъ
другаго, копорый въ при дни поспав-
виптъ Софью на ноги. Но ему еще
больше не понравилось, когда Полков-
никъ, поспигнувшій наконецъ, опъ
чего такъ спрадала бѣдная дочь его,
попросиль проспо, безъ околичноспей,
и нареченнаго зяпья и нареченнаго сва-
пушку, не посѣщашь больной впредъ
до выздорovenія.

«Эпо ужъ ни съ чѣмъ не сообразно! вскричалъ Казначей; да и почему-же...» Онъ хопъль говоришь еще что-то, но шуптъ Полковникъ взглянулъ на нареченнаго свашушку пакими глазами, что у того языкъ приспалъ къ небу. Казначей видѣлъ, что спорить было не время. Однакожь онъ все еще думалъ, что дѣло опять можеть поправиться, и уѣхалъ, не теряя надежды.

Черезъ нѣсколько времени послѣ эпого происшествія, однажды ночью, въ маленькой деревенькѣ, опостоящей часа на два ѣзды, опъ усадьбы Полковника, оспановилась ямская шелега. Лошади, копорья везли эпоу шелегу, были измучены и не могли бѣжать дальше.

«Мнѣ нельзя ночевать въ эпой деревнѣ! сказалъ человекъ, сидѣвшій въ

шелегъ , ямщику своему. Сыщутъ-ли я здѣсь свѣжихъ лошадей?»

— Какъ не сыскашь, Ваше Благородіе — опшвѣчалъ попъ; — за свои деньги чего не найдешь. Да вопль — прибавилъ ямщикъ , указывая на избу , прошивъ копорой они оспановились— у здѣшняго хозяина есть пройки двѣ: онъ не откажется отъ работы.

Ямщикъ соскочилъ, поспучался; въ окнѣ мелькнулъ огонекъ , воропа опворились , и провзжій , копоратаго ямщикъ величалъ: Ваше Благородіе, вошелъ въ избу.

Эпо былъ молодой офицеръ, высокій, стройный , съ прекраснымъ лицомъ , только нѣсколько блѣдный, и повидимому изнуренный дальнимъ пушемъ. Глаза его были красны отъ продолжительной бессонницы, а лѣвая рука, подвя-

занная чернымъ плашкомъ, доказывала, что онъ вѣдѣтъ изъ арміи.

«Далеко-ли отсюда до деревни Полковника Леонскаго?» спросилъ онъ у хозяина.

— Не больно далеко: верстъ 15.

«Такъ довези-же меня шуда, другъ мой.»

— Пожалуй — отвѣчалъ хозяинъ, почесывая голову. — Да лучше-бы, баринъ, ночевали: шупъ такія-то горы, что и Господи....

«Нѣтъ, нѣтъ, не возможно! сказалъ офицеръ; я и шакъ слишкомъ долго пробылъ въ дорогъ. Мнѣ сей часъ-же надобно вѣхашъ.»

— Ужь вы, бапионка, не на свашьбу-ли шакъ спѣшише? — подхватила хозяйка.

Офицеръ посмопрѣлъ на нее съ удивленіемъ. — На какую свапъбу? — спросилъ онъ.

— Какъ-же? Вѣдь Полковникъ-похопъль выдапъ за мужъ дочку свою.

При эспихъ словахъ сильное внутреннее движеніе изобразилось на лицѣ молодого человека. Онъ сѣлъ и продолжалъ спрашивашъ хозяйку. «За кого-же Полковникъ опдаешъ дочь, и когда будешъ эша свапъба?»

— За сынака какого-то барина, какъ бишь его прозваніе?... Вопъ еще онъ служишъ въ городѣ и всегда принимаешъ подушныя — опвѣчала словоохотная женщина. — И свапъбу хошъли играшъ скоро, полько барышнѣ вдругъ чшо-то подѣялось: на самый стговоръ ей сдѣлалось пошно, а съ шѣхъ поръ все хуже, да хуже. Иные полкуюшъ, чшо лихіе люди ее испорпи-

ли; другіе говорятъ будно она все думала о прежнемъ женихѣ, котораго убили въ арміи, и занемогла съ поски. Теперь сохнешь, да чахнешь, шакъ чпо жалко глядѣшь....

То скорбь, шо надежда, казалось, попеременно волновали душу незнакомца во время эпюго разсказа.

«Нѣтъ, прощепшалъ онъ наконецъ въ задумчивосши, я былъ разъ обманушь, и теперь, если-бы весь свѣтъ обвинялъ ее въ глазахъ моихъ, я не долженъ ни-чему вѣришь..... Ради Бога, поскорѣ лошадей!» прибавилъ молодой чело-вѣкъ, вснавъ съ своего мѣсца и бросивъ на споль горсть серебряныхъ денегъ.

Между шѣмъ какъ хозяинъ, побужденный къ дѣяшельносши шакой щедрой плашой, побѣжалъ запряташь лошадей, Офицеръ съ неперпѣніемъ и безпокойствомъ прохаживался взадъ и

впередъ. А когда лошади были готовы, то онъ такъ заспѣшилъ ѣхать, что навѣрное забылъ-бы и шинель свою, и даже фуражку, если-бы ему о томъ не напомнили.

Рано ушромъ Полковникъ и Докторъ, которій лѣчилъ Софью, и съ нѣкоторыхъ поръ не оставлялъ ни на минушу своей больной, сошлись вмѣстѣ въ залъ, гдѣ обыкновенно пили они чай. Спарикъ былъ насмурень, Докторъ погружень въ размышленія. Оба они говорили мало, о вещахъ ничего незначащихъ, постороннихъ и, казалось, боялись коснуться предмета, которій занималъ ихъ больше всего. Эпизодъ разговоръ, сухой и опривисный, скоро прекратился, и между тѣмъ какъ Докторъ принялся за какую-то книгу, желая почерпнуть изъ нея новыя свѣденія, касающіяся до его науки, Полковникъ опворилъ

окно въ садъ. Свѣжій упреннй въздухъ, видъ яснаго, безоблачнаго неба, влили на минушу какое-по тихое спокойствіе въ его душу. Но передъ самыми окнами былъ цвѣтникъ Софьи. Время розъ и нарцисовъ давно ужъ прошло; они поблекли и облещли. Только одни осенніе цвѣты, шапки и аспіры, кое-гдѣ цвѣли и песпрѣлись.— Скоро придетъ и ваша пора! — подумалъ старикъ, поглядѣвъ на нихъ — скоро завянете и вы, и можете быть вмѣстѣ съ шой, копорая васъ лелѣяла и любила!.. Тупъ ему оняпъ спало грустно, и онъ опять устремилъ взоръ вдаль, на синее небо.

Вдругъ показалось Полковнику, что по одной изъ аллей сада кто-по идетъ къ его дому. Онъ сморрипъ... сморрипъ пристальнѣе, и не вѣрипъ глазамъ своимъ. На лицѣ его изобразилась радость, смешанная съ какимъ-по ужасомъ, съ недовѣрчивостью къ

самому себѣ. Онъ не можетъ произнести ни одного слова, ждетъ чего-то чрезвычайнаго и не сводитъ глазъ съ дверей комнаты. Наконецъ они отворяются и Полковникъ видитъ, что ему показалась не мечта и не призракъ: передъ нимъ воспитанникъ его, Ипполитъ Борскій!

— Господи! — сказалъ спарикъ, всплеснувъ руками — неужели мертвые могутъ вставать изъ гробовъ, и возвращаться съ того свѣта!...

Но между тѣмъ какъ Полковникъ произносилъ эти слова, а Докпоръ, выпаравивъ глаза, смотрѣлъ на него, крѣпкія обѣщанія и горячія слезы юности доказали его благодушелю, что онъ прижился къ сердцу не духовное существо, не холоднаго мертвеца, но человека, полнаго чувствъ и жизни.

— И такъ ты живъ, Ипполитъ? —

восклицалъ Полковникъ, не помня себя опъ радости — ты въ самомъ дѣлѣ живъ! . . . Но что это : рука у тебя подвязана; ты раненъ... Расскажи-же мнѣ , какъ это случилось , какими судьбами воропился ты?..

«Все узнаете! опвѣчалъ распроганный юноша. Я былъ глупъ , легковѣренъ , виноватъ передъ вами ! . . . Но прежде скажите , что Софья?..»

— Другъ мой! безъ тебя многое перемѣнилось у насъ , много случилось шакого , чего ты вѣрно не ожидалъ никакъ...

«Знаю. Я заѣзжалъ домой; шамъ для меня объяснилось все... но я не успѣлъ предупредить васъ о пріѣздѣ своемъ : я безъ памяти спѣшилъ видѣть Софью. Такъ-ли слаба она, какъ сказали мнѣ?»

Полковникъ вздохнулъ: Докпоръ пожалъ плечами.

«Ради Бога! вскричалъ Ипполишь въ отчаяніи: дайше-же мнѣ видѣшь се хоть одну минушу; дайше сказашь ей то, что пакъ шягошишь мою душу...»

— Какое дѣйствіе произведеть на больную сильная, внезапная радость? — спросилъ Полковникъ у Докшора.

«Прежде — отвѣчалъ Докшоръ — можно-бы ручаться за успѣхъ такого средства; но теперь я не знаю... Впрочемъ — прибавилъ онъ, подумавъ съ минушу — въ такихъ случаяхъ надобно говорить откровенно: положеніе больной не можетъ быть хуже того, въ какомъ она теперь находится; зачѣмъ же лишать ея послѣдней радости...»

Если-бы Ипполишу прочитали приговоръ Военнаго Суда, поставили его на колѣни и прицѣлили-бы изъ 12 ружей въ его голову, то и тогда вѣрно-бы онъ не почувствовалъ тако-

го ужаса , какой произвели въ немъ слова Докпора. Онъ споялъ какъ окаменѣлый; точно, какъ будто всё способности ума его были уничтожены , всё чувства сердца убины.

Докпоръ взялся приготоуишь Софью къ свиданію съ нимъ. Оспорожно и поспепенно объявилъ онъ ей , что вѣсть о смерти Ипполипа была ложная и что онъ живъ. Сначала больная слушала его равнодушно: ей казалось, что ее обманываютъ и пуспой надеждой хотяшь подкрѣпить силы ея. Но когда Докпоръ прибавилъ , что Ипполипъ самъ уведомляетъ о скоромъ своемъ возвращеніи , когда показалъ письмо, нарочно написанное Борскимъ, тогда ужъ она не могла болѣе сомнѣваться , и радость , давно забытая бѣдной дѣвушкой , блеснула въ глазахъ ея. «Теперь я умру спокойно!» сказала Софья, прочитавъ это письмо. Онъ знаетъ мою невинность , и со-

вѣспь не мучишь меня. . . Но мнѣ грустно, что я его не увижу.» Мысль, что она не доживетъ до возвращенія Ипполита , сильно ее пронула. Она заплакала , и Докшоръ, который зналъ, какъ вредны для нее слезы , рѣшился наконецъ открытъ все. Онъ боялся , что больная при этомъ открытіи можетъ впастъ въ глубокой, продолжительный обморокъ ; однакожь обморока не было. Софья сдѣлалась опять весела и спокойна, и неперпѣливо желала видѣть Ипполита.

Съ какимъ препеномъ спрахъ и надежды вошелъ Борскій къ ней въ комнату. Съ какими различными, смѣшанными чувспвами, споя на колъняхъ у постели блѣдной, изнеможенной дѣвушки , осыпалъ онъ руку ея пламенными поцѣлуями. Казалось, онъ хотѣлъ вдохнуть въ нее всю жизнь , всѣ силы бытія своего. И въ самомъ дѣлѣ, лицо больной оживилось

легкимъ румянцемъ, когда она увидѣла того, который спойлъ ей столько слезъ и спраданій; взоръ ея за свѣпился какимъ-то небеснымъ удовольствіемъ, и она приподнялась на постель. Но оставшаяся искра жизни для того только вспыхнула ярче, чтобы скорѣе угаснуть: черезъ минуту голова Софьи склонилась опять на подушку, недосказанное слово замерло на устахъ ея, и одно слабое безмолвное пожатіе руки было послѣднимъ привѣпомъ умирающей опчаянному ея другу.

Я познакомился съ Борскимъ въ 1813 году, за границей. Подъ Тарупинымъ онъ былъ тяжело раненъ, и въ полку его сочли убитымъ. Однакожь судьба, прошивъ воли, спасла его отъ смерти; только оставшись сзади, въ резервномъ госпиталѣ, онъ долго и опчаянно былъ боленъ, и прибылъ къ

арміи уже весною. Благородная, пріятная наружность Борскаго понравилась мнѣ съ перваго взгляда, а его дерзкое мужество, его тихій характеръ и какой-то оппечашокъ глубокой горести, копорая выражалась во всѣхъ черпахъ лица его, привлекли меня къ нему еще больше. Мы часпо видались, часпо вмѣспѣ бывали въ дѣль. Видя непоколебимое равнодушіе, съ какимъ онъ бросался въ огонь, видя совершенное охлажденіе его къ жизни, я понялъ, что онъ несчастливъ; жалѣлъ о немъ, но не смѣлъ проникать въ шайну, копорую онъ не опкрывалъ никому и, казалось, хранилъ въ душѣ своей, какъ свящынню.

Не смотря на то, что Борскій презиралъ всѣ опасности и по видимому самъ искалъ смерти, непріятельскія пули и ядра долго щадили его. Наконецъ, подѣ Дрезденомъ, раздробили ему руку.

Послѣ сраженія мнѣ удалось опыскашь его въ больницѣ, опведенной для раненныхъ. Рана Борскаго была неопасна. Онъ даже очень терпѣливо переносилъ боль, копорую она ему причиняла, но жалѣлъ о томъ, что поврежденная рука навсегда лишила его возможности продолжашъ службу, лишила, какъ онъ самъ говорилъ, послѣдней опрады: умереть со славой.

Я побылъ у него съ часъ. Между тѣмъ какъ мы разговаривали, привели еще одного тяжело раненаго офицера съ обезображеннымъ лицомъ, съ разрубленной головой, укрученной перевязками. Взглянувъ на него, Борскій содрогнулся и опворопилъ голову. Я подумалъ, что это опъ соспрананія, однакожь скоро замѣшилъ, что на лицѣ его изобразилось какое-то другое, непріянное чувство: точно какъ будто въ эту мину опоживилось въ немъ воспоминаніе чего-то ужаснаго. Ранен-

наго помѣспили, очень близко къ намъ. Сначала лежалъ онъ неподвижно, не обращая на насъ никакого вниманія; но черезъ нѣсколько минушь, вслушавшись въ голосъ Борскаго, приподнялъ голову, приспально посмопрѣлъ на него и, заспонавъ, съ какимъ-по судорожнымъ движеніемъ упаль оляшь на шинель, лежавшую въ головахъ у него. Казалось, онъ силился что-по сказашь, но разбиная его челюспь не позволяла ему произнеспи ничего, кромѣ однихъ невняпныхъ, глухихъ споновъ. Вообразивъ, что несчастный умираетъ, я бросился къ нему на помощь; но онъ снова приподнялся, сыскалъ поршефель свой, и, слабой дрожащей рукой начерпивъ нѣсколько словъ карандашемъ, сдѣлаль знакъ, чпобы я показалъ ихъ Борскому. Вопъ чпо было написано на лиспочкѣ, копорый онъ подаль мнѣ. «Самъ Богъ копѣль, чпобы я здѣсь встрѣпился съ вами. Тяжело умираетъ, не очиспивъ

своей совѣсти ! . . . Софія невиѣнна : я оклеветала ея . . . »

Легко можно предсавить , съ какимъ удивленіемъ смопрѣлъ я на эту спранныю и безмолвную сцену . Я понималъ , что Борскій и офицеръ съ разрубленной головой вспрѣпились не въ первый разъ въ жизни , и хорошо знали другъ друга ; видѣлъ , что слова , написанныя незнакомцемъ , сильно поразили Борскаго ; что на глазахъ его навернулись слезы и , какъ мнѣ казалось , слезы радости ; но больше ничего узнать не могъ . Ни время , ни мѣсто не позволяли мнѣ разспрашивать моего пріятеля о подробностяхъ этого происшествія . Я проспился съ нимъ , надѣясь оцпять навѣспить его на другой день , но въ эту же ночь корпусъ нашъ перемѣнилъ позицію , и мы больше не видались .

Года черезъ два послѣ того , когда

я возвращаюсь изъ Франціи, мнѣ пришлось , по дѣламъ моимъ , сдѣлать путешесвіе въ южную часть Россіи. Это было льпомъ. На одной станціи у меня сломалась коляска. Между тѣмъ какъ ее починивали, я, отъ скуки , началъ спрашивать смотрителя о помѣщикахъ , живущихъ въ окрестности, и случайно узналъ , что отъ этой станціи очень не далеко деревня Борскаго. Обрадованный такимъ открытіемъ , я рѣшился заѣхать къ нему. Спараго Полковника давно уже не было. Молодой человекъ продалъ всю свою собственность для того , чтобы выкупить его имѣніе, и поселился въ помѣ мѣстѣ , которое доставляло ему сколько сладкихъ воспоминаній: и цвѣтникъ Софы , и дерновая скамья , на которой такъ часто сидели они, сохранили прежній видъ свой. Даже ни одна вещь въ ея комнатѣ не была протрута съ мѣста.

Мы увидѣлись съ Иннолинномъ, какъ старые друзья, и я прожилъ у него нѣсколько дней. Замѣтивъ, что мнѣ очень хотѣлось знать исторію его жизни и развязку спранный сцены, копорой я былъ свидѣтелемъ, онъ рѣшился удовлетворить моему любопытству. Въ одинъ вечеръ, прогуливаясь вмѣстѣ, мы зашли далѣе обыкновеннаго, и нечувствительно очутились подлѣ церкви, стоящей на холмѣ, въ вершѣ оцъ деревни. Тамъ, на могилѣ Софьи, у подножія гробоваго камня, скрывшаго всѣ радости несчастнаго моего друга, слышалъ я оцъ него повѣсть, копорую разсказалъ теперь.

В Е Ч Е Р Ъ
ПЕРЕДЪ СВИДАНЬЕМЪ.

В Е Ч Е Р Ъ ПЕРЕДЪ СВИДАНЬЕМЪ.

Вся наша жизнь ничто иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое!

СВИДАНІЯ.

Какъ живо помню я васъ, золотые дни моей юности! какъ живо помню эту весну, когда сердце мое забилося для первой любви!... И прежде и послѣ видалъ я зеленый лѣсъ въ обновленной одеждѣ, видалъ синія небеса во всемъ ихъ величїи; и прежде и послѣ слышалъ пѣсню соловья, дышалъ свѣжимъ

весеннимъ воздухомъ , — но никогда природа не казалась такъ прекрасна въ глазахъ моихъ, никогда воздухъ не былъ для меня такъ упоительнъ, какъ въ то время , о которомъ говорю я теперь. Опъ чего же это? опъ того, что тогда на душѣ у меня было свѣтло какъ въ раю, — и это свѣтъ озарялъ всѣ предметы, меня окружающіе ; опъ того , что тогда всѣ чувства мои сливались въ одно чувство: въ любовь , осчастливленную взаимностью , — и эта любовь наполняла блаженствомъ все существо мое, разливала вокругъ меня наслажденіе , заставляла дышать его вмѣстѣ съ воздухомъ.... Нѣтъ, друзья! дважды такой весны не бываетъ!..

Не удивишься , что я говорю съ такимъ воспоргомъ о любви моей ; это было ужь давно : въ то время еще, когда всѣ читали Элоизу и Вертера. Въ нынѣшній , холодный вѣкъ такія

чувства смѣшины; но какъ бышь: кто изъ насъ не увлекался воспомина-ніемъ?

Въ эту-то весну ѣхалъ я, однажды вечеромъ, одинъ на конѣ верхомъ, черезъ луга и кустарники, прямо какъ глаза глядяшъ, — для того только, чпобы, проскакавъ десять или двѣнадцать верстъ, соскочить съ коня у калички одного сада, и тамъ, припаясь въ тѣнѣ, ждашь, когда голосъ, тихій какъ перелетный въперокъ, назоветъ мое имя, когда ручка, мягкая какъ пухъ, прикоснется къ моей рукѣ, когда поцѣлуй, пламенный какъ лучъ лѣтняго солнца, зажжетъ уста мои, и потомъ — возвратишься опять назадъ той же дорогой, съ той же любовью, съ той же ненасытной жаждой свиданія, съ какими я лѣзлъ туда.

Я сказалъ: для того только, — но

развѣ всего этого было недоспапочно, чпобы заспавить проскакапть, въ кажды́й вечеръ, двадцать верспть, взадъ и впередъ, двадцати лѣшняго человѣка, влюбленнаго до безумія въ прелеспное, милое созданіе? — Елена сама любила меня не по въпреной прихоти сердца молоденькой дѣвушки, не по одному желанію любить: спрасъ ея была глубока и сильна. Люди и вѣчные ихъ предразсудки разлучали насъ, за чшо и какъ, — знаспть вамъ не надобно; довольно, чшо мы должны были видаспться во мракъ ночномъ, какъ преспупники. Но она презирала всѣмъ изъ любви ко мнѣ: гнѣвомъ родныхъ своихъ, даже своимъ добрымъ именемъ, если бы пайна свиданій нашихъ опкрылась. И не смопря на шо, любовь ея была высока и чиспа, какъ пламень звѣзды, горящей на небѣ; эспи свиданія, въ уединенномъ саду, подъ шемнымъ покровомъ ночи, были, можетъ спашься, гораздо безуспречнѣе спѣхъ, копорья

совершающагося въ роскошныхъ гостиницахъ, при свѣтѣ дня, и бывающаго обспавлены всѣми приличіями, всѣми ложными призраками цѣломудрія, какіе только хитрослѣ и лицемѣріе могутъ выдумать. Но это вещь поспоронная.

Въ шопъ вечеръ, о которомъ хочу я вамъ рассказывать, непрерывное, свойственное всѣмъ намъ — а влюбленнымъ еще болѣе — заспавило меня выѣхавъ раньше обыкновеннаго. Я проѣхалъ ужъ половину пужи, а ночь, какъ будто смѣясь надо мной, все еще медлила спускалась на землю, или говоря безъ фигуръ, на дворъ было еще шакъ свѣпло, что я не могъ приблизиться къ извѣстному саду, не бывъ замѣченнымъ. Опблескъ солнца, только что зашавшаго за небосклонъ, ярко горѣлъ на Западѣ и пробивался сквозь легкое золотистое облачко двумя огромными лучами; окрестность едва начинала

шуманишься свѣшлыми лѣпными сумерками , и въ ближнихъ селахъ раздавались звонкіе голоса креспянь , смѣшанные съ мычаньемъ коровъ и бляньемъ овецъ , пригнанныхъ съ поля. Эпопъ досадный шумъ , копорый слышился шакъ ясно и далеко на зарѣ шихаго вечера , и эпопъ еще больше досадный свѣшъ — принудили меня укоротишь бѣгъ моей лошади. Опусшивъ повода , я далъ волю иди ей съ ноги на ногу , и въ досадъ готовъ былъ думать , что солнце остановилось въ другой разъ опъ сошворенія міра.

Ни красота вечера , ни прелестъ окружающихъ видовъ не развлекали меня. Всѣ мысли мои сливались тогда въ одну любимую , привычную мысль , копорая поглощала другія , какъ океанъ рѣки. И нужно-ли сказывать о комъ и о чемъ была эта мысль? нужно ли сказывать куда спремилась она?.. Про-

должая спихимъ шагомъ пупъ мой, я думаль о Еленѣ: взоры мои, бродившіе нѣсколько минушь по окреспности, полешѣли прямо впередъ и, упоая въ дали, оспановились на синевѣ лѣса, за копорымъ жила она. Но душа еще быспрѣе взора перенесла меня къ ней. Мнѣ живо предспавлялись эспи задумчивыя, помныя очи, копорыя шакъ ласково будущъ смосрѣшь на меня; эспи алыя, какъ рози, успа, копорыя будущъ шепшашъ мнѣ любовь; эспи шелковыя, душиспыя кудри, копорыя въперокъ спанешъ навѣвашъ на лице мое... Я заранѣ чувспвоваль все блаженспво, меня ожидающее — и душа моя содрогалась опъ восхищенія, и сердце высоко поднимало грудь... Не смоспря однакожь на всю прелеспь мечпаній, въ копорыя былъ погружень я шогда, злая шоска по временамъ овладѣвала мной. Надежда соединишья съ Еленой узами неразрывными начинала мнѣ казашъя сомнишельной; буду-

щее спрашило меня. Я видѣлъ въ немъ всѣ преиспствія, всѣ горести, которыя могли вспрыпиться намъ, и предчувствіе шемное, ужасное, какъ призракъ ночной, леденло кипящую кровь мою, набрасывало мрачный покровъ на веселыя карпины, нарисованныя моимъ воображеніемъ. Какой-то злобщій голосъ говорилъ мнѣ, что я можешъ бышь въ эпошъ самый вечеръ не увижу Елену, буду ошпоргнушь ошъ нее на цѣлую жизнь....

Справедливы ли были мои предчувствія, сбылись они или нѣтъ — эпомы увидимъ въ послѣдствіи. Теперь скажу шолько, что самъ я могъ сдѣлаться главной причиной моихъ несчастій, или по крайней мѣрѣ могъ ускорить ихъ. Эпо-по больше перзало меня и мучило.

П Р І Я Т Е Л Ъ .

У меня былъ пріятель, жившій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня. Не назову его имени; но вамъ вѣрно случилось видѣть людей умныхъ съ правилами слишкомъ вольными, съ обращеніемъ пріятнымъ, даже вкрадчивымъ, и съ душой — не совсѣмъ чистой? Многіе изъ такихъ людей имѣютъ какой-то особенный даръ пріобрѣтать довѣренность, и для нихъ очень непрудно вкрасься въ душу пылкую, неопытную и припомъ волнуемую сильной спраспью. Пріятель мой былъ почто шаковъ, обладалъ всѣми этими качесвами. Я поспигалъ нѣкопорымъ образомъ его холодный характеръ и шапкія правила, но не смопря на то любилъ его, или лучше сказать находилъ удовольспвіе быть съ нимъ. Десять лишнихъ лѣтъ,

и опытность, которую приобрѣлъ онъ въ лучшемъ кругу большаго свѣта, невольно заставляли меня отдаватьъ ему преимущество. Его живой, и больше игривый, чѣмъ глубокой умъ, прельщаль меня; его льстивый разговоръ насильно выривалъ откровенность. Словомъ: бывая съ нимъ, я всякую минуту готовъ былъ открытъ ему всѣ тайны мои, и только послѣ, когда оставался одинъ, когда проходилъ эпоху чадъ, которыми онъ такъ искусно омрачалъ разумъ мой, я начиналъ видѣть весь эгоизмъ его, начиналъ увѣрять себя, что такой человекъ никогда не можетъ быть истиннымъ другомъ.

Въ шопъ день мы провели вмѣстѣ цѣлое утро. Беседа наша одушевлялась непринужденной веселостью; разговоръ былъ согрѣтъ чувствомъ, больше чѣмъ когда нибудь. Рѣчь зашла о женщинахъ. Въ первый разъ еще пріятель мой рассказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ сер-

дечныхъ связяхъ своихъ, копорья имѣлъ онъ въ свѣпѣ , — и мнѣ казалось , что въ эпихъ разсказахъ изливаешя вся душа его, что для меня у него нѣтъ ничего скрытаго. Такая мысль была пріятна мнѣ: я слушалъ его съ участіемъ и съ какимъ-то самодовольствіемъ

«Да, сказалъ онъ наконецъ , въ заключеніе одной изъ такихъ испорій, — что не испыталъ любви, пошъ не можеть сказать, что онъ жилъ. И по моему люди, не умѣющіе цѣнить эпощъ даръ небесъ, эпощу поэзію сердца, похожи на живошныхъ, копорья попирають ногами бисерь , передъ ними разсыпанный.»

Я понялъ его, и засмѣялся.

— Ты вѣрно включаешь и меня въ число эпихъ людей? спросилъ я.

«Да , — если шолько ты не разсер-

дишься за мою опкровенность. Но шебъ-
шо я и дивлюсь больше чѣмъ кому
нибудь : съ швоими чувсшвами , съ
швоимъ мечшашельнымъ характеромъ
не возможно въ двадцать лѣтъ не но-
силь въ душѣ образа какой нибудь
красавицы , а между шѣмъ до меня
не дошло еще ничего шакого , чшо-бы
могло подтвердитъ мое мнѣніе.»

— Какъ бышь , сказалъ я нѣсколько
смупившись , не всякому одинакое
счасье ! —

«Нѣтъ эшо не опъ шого. Я гошовъ
держанъ закладъ , какой хочешь , чшо
шы: или — какъ древніе рыцари —
создалъ себѣ какой нибудь идеаль , ко-
порый обожаешь воображеніемъ , или—
какъ большая часть нынѣшнихъ чопор-
ныхъ рыцарей— прешо скромничаешь ;
а на счасье шебѣ грѣхъ пожаловашься.
Хочешь ли , я сей часъ назову дѣвуш-
ку , и пришомъ очень миленькую , ко-

порая любить себя такъ сильно , какъ только можешь любить женщина...»

Я вздрогнулъ, краска вышупила на лицѣ моемъ: я боялся , что онъ назоветъ Елену, и между тѣмъ — *такъ себя нестырны ливы!* — въ пайнѣ самъ едва-ли не желалъ этого. Самолюбіе мое, эпошъ вѣчный врагъ нашъ , хопѣло, вопреки разсудку, насладишься поржесивомъ своимъ, хопѣло, чтобы онъ разгадалъ наспоящее мое счастье. На эпошъ разъ однакожь оно обманулось.

«Я хочу напомнить тебѣ Лизаньку Клинскую» — продолжалъ другъ, успремивъ на меня приспальный взоръ.

При этихъ словахъ горькая , презрительная улыбка невольно мелькнула на губахъ моихъ.

«Что же, спросилъ пріятель, развѣ Лиза не споишь тебя?»

Такой вопросъ , сдѣланный пономѣ нѣскольکو насмѣшливымъ , кольнулъ меня.

— О, нѣтъ , опвѣчалъ я съ улыбкой , кто же спорить о ея достоинствѣхъ ; но по крайней мѣрѣ она не для меня создана. Ея взоры слишкомъ огненны, воображеніе слишкомъ пылко, обращеніе слишкомъ вольно; и мнѣ кажется , что истинная , глубокая спрасъ не можешъ зарониться надолго въ сердце эпой дѣвушки, похожее на пламень пожара, который прививается ко всему, что только встрѣчается на пути своемъ, и безпреспанно перебрасывается съ предмета на предметъ ось одного дуновенія вѣтра. Впрочемъ это одно предположеніе , я могу и ошибаться. —

«И ошибаешься въ самомъ дѣлѣ. Знаешь ли ты, что это огненное сердце, которое кажется тебѣ непоколебимымъ, измѣнчивымъ, — привязавшись къ кому нибудь, оспанется вѣрнымъ своей привязанности на цѣлую жизнь. Нѣтъ, такіа пылкіа раздражительныа души не могутъ любить слегка. Напрошивъ если онѣ разъ узнали любовь, то она заставляеть ихъ забыть все: весь міръ, самихъ себя. Какъ-же возможно при такой силѣ чувствуя перемѣнять безпреспанно свои склонности?.. Я больше своего знаю женщинъ и, повѣрь мнѣ, говорю это не по догадкамъ, а по опыту.»

Слова моего пріятеля заставили меня задуматься, но не могли однакожь поколебать моего мнѣнія, и я сомнительно покачалъ головой.

«Почему же ты такъ невыгодно думаешь объ этой несчастной дѣвуш-

къ? » — спросилъ онъ по минушномъ молчаніи.

Для меня было довольно запруднительно ошвѣчать на такую вопросъ : чтобы оправдать себя , я долженъ былъ рассказать ему всѣ подробности моего знакомства съ Елизаветой и съ ошцемъ ея.

ЗАГОВОРЪ.

Прежде я довольно часшо ѣзжалъ въ домъ Клинскаго, который самъ навязывался мнѣ знакомствомъ своимъ и почти насильно меня къ себѣ зашаскивалъ. Спарикъ эпошъ былъ дурной нравственности, а по уму , закоснѣвшему въ невѣжествѣ, по образу жизни и страннымъ пріемамъ своимъ, онъ могъ во всей силѣ слова назваться провинціальнымъ Русскимъ помѣщикомъ, какіе и до сихъ поръ еще шорчаютъ

кое-гдѣ изъ ныли прошедшаго вѣка и безобразно выказывающа въ нынѣшнемъ, какъ анпики на золопѣ новой работы. Послѣ этого непрудно опгадашь, какое образованіе и какіе уроки могла получить дочь его, оставшаяся сиротой послѣ мащери въ самомъ нѣжномъ, младенческомъ возрастѣ. Единственными ея пещунами, съ колыбели, были двѣ спарыя пещушки, дошнейныя сещприцы своего братаца — дѣвы, пощѣдѣвшія на пощрищѣ слепней и злословія. Все что женскій умъ, подщпрекаемый празднощью, зависщью къ счасщью другихъ и злымъ сердцемъ, можетъ изобрѣсти язвительнаго и вмѣщѣ нелѣпаго — опщывалось безпрещпанно въ ухахъ Елизавещы, по милосщии ся словохощныхъ пещушекъ; все что жестокосщъ характера, прикрывающа лицемѣремъ и ложной набощностью, можетъ произвещѣ несообразнаго, смѣшнаго и опвращивельнаго въ пещушкахъ — совершалось ще-

редъ ея глазами съ упра до ночи. Не смотря однакожь на то, что судьба послала Елизавету такихъ спраш-ныхъ наставниковъ, она, казалось, невидимо пеклась о ней и по крайней мѣрѣ не допустила ее заразиться всѣми дурными ихъ качествами. Можетъ быть отъ того, что для 19-ти лѣтней дѣвушки не наступила еще пора ни ханжества ни злословія, этихъ двухъ спутниковъ грустной, одинокой старости, которая въ одномъ изъ нихъ ищетъ себѣ утѣшенія отъ скуки и праздности, другимъ мститъ всему роду человѣческому за несбывшіяся надежды свои. Какъ бы то ни было, только Елизавета до сихъ поръ казалась больше добра, чѣмъ зла. Сверхъ того она была одарена сильными чувствами и умомъ, далеко превышающимъ сферу, въ которой грузло ссмыслво ея; но этотъ умъ былъ необузданъ, какъ дикій конь, преданный собственнѣйшей волѣ своей, эти

чувства были неукротимы, какъ сила пороха, гошова при малѣйшей искрѣ вырваться изъ предѣловъ, ее спѣсняющихъ, и не знающая границъ въ своемъ бурномъ спремленіи.

Такихъ-то свойствъ была эта дѣвушка, воспитанная, какъ дикая дочь природы, подѣ однимъ руководствомъ собственныхъ спраспей и желаній, кошорымъ никшо не позаботился и никшо не умѣлъ дать насшоящаго направленія. Тешки пеклись о ней полько въ опношеніи физическомъ: лакомили ее — когда она была мала, одѣвали и наряжали — когда она спала побольше, и наконецъ неперпѣливо желали выдать за мужъ — когда она сдѣлалась совершенной дѣвушкой. До ума и сердца Елизавспы никому не было дѣла, попому чшо эта спашья превышала силы почпенныхъ ея воспиташельницъ, а дашь ей другихъ насшавниковъ превышало силы спари-

ка Клинского, человека скудного, сварливого и совершенно безпечнаго въ эпозъ отношеніи, но безпреспанно занятаго плясками и разнаго рода кляузами, заспавлявшими его просиживаніемъ иногда цѣлыя ночи за сочиненіемъ жалобъ, прошеній, объявленій и тому подобнаго: когдажь было ему думатьъ о дочери? — И такъ если Елизавета казалась хоть нѣсколько образованной, то эпимъ она была обязана самой себѣ: она любила читать, кое-гдѣ доспавала книжонки и эпо чтение развернуло ея понятія, обогатило хотя нѣсколькими новыми идеями умъ ея, отъ природы тонкой и проицательной; но оно же, съ другой стороны, переносило ея въ міръ идеальный, съ кошорымъ она шѣмъ сильнѣе сдружилась, что не имѣла въ существенности ничего привлекательнаго, — еще больше разпалило ея воображеніе и безъ того слишкомъ живое и пламенное.

При первомъ знакомствѣ моемъ съ Клинскими , оригинальность цѣлаго ихъ семейства бросилась мнѣ въ глаза . Но для человѣка поспоронята эша оригинальность казалась больше смѣшной , чѣмъ опврапипельной . Спарикъ забавлялъ меня вѣчными своими пословицами и прибаутками , пешушки своимъ видомъ , карикашурнымъ до высочайшей степени . Правда бывало и по , — особливо когда мы короче познакомились — что первый заспавлялъ меня по цѣлому часу зѣвашь , рассказывая о тяжбахъ своихъ , а послѣднія приводили въ опчаяніе своими рѣзкими языками , копорые не оспавляли въ покоѣ ни одного человѣка , живущаго въ окружности и хоть сколько нибудь извѣснаго имъ , начиная опъ спарика до ребенка , опъ дѣвушки знатнаго происхожденія до послѣдней креспьянки ; но въ шакомъ случаѣ ко мнѣ всегда спспѣвала на помощь Елизавета : при одномъ ея словѣ , при

одномъ значительномъ взглядѣ грозныя канонады брани опца , копорой онъ въ жару разсказовъ чеспилъ враговъ своихъ,— умолкали, бапальный огонь, сыплющійся съ языковъ пешушекъ , спановился рѣже и рѣже ; наконецъ всѣ они рѣшишельно оставляли поле бипвы , и иногда и самую комнапу , предоспавляя намъ полную свободу вспупать въ разговоръ , въ какой мы заблагоразсудимъ.

Сначала я вовсе не понималъ , опъ чего происходишь такая успупчивость спариковъ къ моей союзницѣ , да и не давалъ себѣ шруда размыслишь о шомъ хорошенько. Разумѣется , чпо мнѣ было гораздо пріятнѣе сидѣшь съ глазу на глазъ съ хорошенькой дѣвушкой , или идиши съ ней гуляшь рука въ руку , чѣмъ слушашь упомишельные разсказы ея опца и нелѣпыя выдумки пешокъ. Я совсѣмъ не былъ влюбленъ въ Елизавешу , но находилъ удоволь-

спвіе въ ея обществѣ, какъ въ обществѣ женщины, копорая довольно мила, довольно опкровенна со мной, и сверхъ того довольно жалка своимъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ сама она часпо высказывала мнѣ со всей простиопой сердца пылкаго и неопышнаго, что одно мое присуствіе доставляетъ ей опраду въ эпой пустынь, гдѣ никпо не могъ понимашъ се. Такая довѣрчивость льстила мнѣ; опсальное наполняло пустышу моего сердца, тогда еще совершенно свободнаго, занимало меня опъ нечего дѣлашъ, и я продолжалъ ѣздитъ къ Клинскому вовсе не думая о послѣдствіяхъ эпого знакомства, и даже не предполагая, чтобы оно могло имѣшъ какія нибудь послѣдствія. Но наконецъ слишкомъ навязчивая дружба спарика, его прищорное ласкашельство и нѣсколько шушливыхъ выходокъ, сорвавшихся, въ веселый часъ, у него съ языка, дали мнѣ ясно поняшъ что, чего прежде не при-

ходило мнѣ въ голову: я увидѣлъ, что онъ раздѣляетъ въ полной мѣрѣ непертлѣливое желаніе сесприць своихъ: — приспособить какъ можно скорѣй Елизавету, — и что въ этомъ случаѣ виды его падають именно на меня.

Сердце мое облилось кровью при одной мысли попасъ въ такое семейство. Но я ужаснулся еще больше, когда, сдѣлавшись внимательнѣе ко всему меня окружающему, замѣпилъ, что и лукавая союзница моя участвовала въ этомъ заговорѣ: опъ того всякой разъ, какъ только бывалъ я у Клинскаго, цѣлый домъ, казалось, дѣйствовалъ по ея распоряженіямъ, опъ того и опецъ и шепки, — гошповые всегда до послѣдней капли крови защищашъ права спаршинства своего и первенства, — оказывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ такую успешивость къ малѣйшей волѣ причудницы и какъ бы предугадывали ея желанія.

Прекращая при одномъ взглядѣ , при одномъ появленіи Елизаветы любимые, хотя и очень скучные, разговоры свои, они — повпорю прежнее выраженіе — оспавляли поле битвы, на которомъ ядовитыя стрѣлы ихъ брани и злословія били встрѣчнаго и поперешнаго, для того только, чпюбъ дань всѣ способы моеѣ союзницѣ — самой взять меня въ плѣнъ какъ можно скорѣе.

Это опкрытие заспавило меня, въ свою очередь, опрешироваться изъ дому Клинскаго и — безъ возврата. А другое замѣчаніе, также сдѣланное мной въ послѣднее время моего съ нимъ знакомства, совершенно ушвердило во мнѣ то невыгодное мнѣніе, которое получилъ я о Елизаветѣ: мнѣ случилось раза два или три встрѣпиться въ домѣ Клинскаго нѣсколькихъ гусарскихъ офицеровъ, не задолго пришедшихъ съ полкомъ квартировать въ окружности,

и всякой разъ при такихъ встрѣчахъ я замѣчалъ, что Елизавета обходится съ ними такъ-же ласково, такъ-же доверчиво, какъ и со мной; что ея черные, пламенные глаза осипанавливаются на другихъ съ тѣмъ же привѣтомъ, съ тѣмъ же удовольствіемъ, какъ и на мнѣ; словомъ, я понималъ тогда, что въ этихъ ласковыхъ взорахъ выражается не дружба и не пріязнь, какъ казалось мнѣ прежде, но одно желаніе побѣды; что въ ея откровенности больше припворства, чѣмъ просподумія, въ сердцѣ больше кокетства, чѣмъ истинныхъ чувствъ.

Воптъ все, что зналъ и что думалъ я о Елизаветѣ; и все это сообщилъ я моему пріятелю.

ОТКРЫТАЯ ТАЙНА.

«Другъ, другъ — сказалъ онъ, выслушавъ меня съ улыбкой сожалѣнія, и покачавъ головой — еслибы ты былъ судья, какъ было бы худо твоимъ подсудимымъ!»

— Чшо же, — спросилъ я, удивленный такимъ неожиданнымъ опвѣпомъ на всѣ мои доказательства — не ужели и теперь скажешь ты, чшо я сужу несправедливо? —

«Ты дѣлаешь еще хуже: обвиняешь другихъ, когда самъ виноватъ кругомъ...»

Я молча смотрѣлъ на него.

«Для чего ты ѣздилъ къ Клинскому?»

— Я сказалъ ужь, что безъ всякой цѣли. —

«И ты жестоко обманывалъ и себя и другихъ. Посмотришь на чудаковъ изрѣдка — конечно забавно, но ты ѣздилъ часпо, почти всякой день: спало бышь тебя чтонибудь привлекало шуда, а это: чтонибудь, ужь вѣрно не спарья шешушки, на копорыхъ развѣ одинъ сапана воспришь зубы?.. Сверхъ того не сказалъ ли ты, что общеспво Елизаветны доспавляло шобѣ удовольспвие, что ты даже бралъ въ ней учаспие?.. Все это не могло опъ нее укрышья. Какая же дѣвушка въ такомъ случаѣ не подумала бы, что она шобѣ нравилья? и виновата ли она если эта мысль увлекла ее?.. Согласись шеперь — прибавилъ онъ съ чувспвомъ и взявъ меня за руку — что ты выбралъ, опъ нечего дѣлашь, заняпие самое непохвальное, поступилъ неоспорожно,

даже нехорошо. Не самъ ли ты заронилъ первую искру спраспи въ это неопытное сердце, созданное для любви, не самъ ли обольстилъ это пламенное воображеніе, показавъ ему вдали обманчивый свѣтъ счастья? И послѣ, когда бѣдная дѣвушка спремилась только къ тому, чтобы осуществишь любимыя мечты свои, внушенныя ей твоимъ же безразсудствомъ, ты съ презрѣніемъ отвергнулъ ее, и упрекаешь за то, что она упала въ бездну, которую самъ ты изрылъ подъ ея ногами!...»

Патетическій тонъ моего друга разсмѣшилъ меня, и заставилъ прервать монологъ его въ самомъ сильномъ мѣстѣ:— Прекрасно! прекрасно!— сказалъ я — ты могъ бы быть превосходнымъ адвокатомъ. Но чтобы защищать дѣло, прежде надобно хорошо въ него. Не знаю откуда взялъ ты и эту искру спраспи

и эту бездну : мнѣ кажется , Елизавета преблагополучно спойтъ на пивердой землѣ , попому что знакомство мое не сдѣлало никакого вреда ни сердцу ея , ни чеспи. —

«И ты не вѣришь , что она любитъ себя , что свое равнодушіе ея убиваетъ?.. Впрочемъ — прибавилъ онъ — мы всегда неохотно вѣримъ тому , что должно лежать у насъ на совѣсти.»

Сначала я думалъ , что пріятель шутишь со мной , но его видъ и голосъ съ каждой минутой увѣряли меня больше и больше , что онъ вовсе не расположенъ шутишь. — Чѣмъ же докажешь ты справедливостъ словъ своихъ? — спросилъ я , сильно пронувшись послѣднимъ укоромъ , и въпервоженный тѣмъ , что слышалъ.

«Ты давно не видалъ Елизавету!»

— Около года.

«Създій же къ ней; посмотри на нее, поговори съ ней: этого будешь доспапочно. Если мнѣ было не прудно замѣпишь, что происходишь въ душѣ ея, — по шебѣ и подавно.»

Такой хладнокровный, рѣшишельный опвѣпъ, и ссылка на самую виновницу нашего спора совершенно сбили меня, или лучше сказапъ убѣдили, что пріапель мой долженъ быпъ елишкомъ увѣренъ въ справедливости всего имъ сказаннаго. Я не зналъ, что говоришь; но черезъ минупу опяпъ одумался.

— Нѣпъ, не возможно! — сказапъ я. — Еслибъ Елизавета въ самомъ дѣлѣ любила меня, она не могла бы выдумывашъ ни плановъ, ни хипроспей и не спала бы вмѣспъ съ опцемъ и шепками разсыпашъ передо мной ласки,

какъ лакомый кормъ передъ пиццей , которую хопяшь поймашь въ сѣнь , и не думаешь о томъ — будетъ ли ей послѣ весело или скучно.

«Безумецъ ! — отвѣчалъ другъ , по-смотря на меня съ горькимъ укоромъ , — кто же виноватъ , что въ твоей головѣ поселились какія-то черныя мысли объ этой дѣвушкѣ?.. Виновата ли Елизавета , что ты понравился ей? виновата ли она , что ты понравился также и отцу ея? — Онъ желалъ счастья своей дочери ; она желала счастья себѣ : — гдѣ же тутъ планы и хитросплетенія ? То , въ чемъ ты видишь ихъ , было однимъ простымъ слѣдствіемъ естественныхъ чувствъ и желаній каждого , безъ всякаго заговора , безъ всякихъ сношеній между собой . — Точно такъ-же , мнѣ кажется , и кокетство ея существовало только въ одномъ своемъ воображеніи . При ея ласковомъ обращеніи съ другими ,

происходившемъ оны́ одной доброты сердца, нескваннаго свѣшскими приличіями, въ шебѣ родилась маленькая ревность, можетъ бытъ незамѣтная для шебя самаго, но всегда неизбѣжная въ такихъ случаяхъ, — и вопль новая химера соспавилась въ головѣ швоей. Я такъ думаю пошому, что шеперь по крайней мѣрѣ никто ужь не въ соспояніи занять швоего мѣста въ ея сердць, — въ эшомъ я увѣренъ, какъ въ собспвенномъ сущескнвова-ніи.»

Проспой и очень еспешспвенный выводъ моего пріяшеля изъ посшупковъ, казавшихся мнѣ подозрительными, — поразиль меня, заспавиль взглянушь совсѣмъ съ другой спороны на предметъ, который до шѣхъ поръ предспавлялся мнѣ съ одной только шочки, и въ шу минушу я гошовъ былъ думать, что можетъ бытъ въ самомъ дѣлѣ заключеніе о Елизаветѣ соспа-

вилось въ головѣ моей слишкомъ скоро и неосновательно. Но послѣднимъ словамъ я все еще не вѣрилъ, да и почно не имѣлъ желанія увѣриться въ нихъ.

— Споръ нашъ рѣшишь одно время— сказалъ я задумчиво; — можешь бышь когда нибудь явился счастливецъ, который лучше меня опровергнетъ всѣ твои доказательства. —

«Время — повпорилъ другъ, какъ-бы машинально и повидимому такъ-же увлеченный какой-шо думой — да, конечно оно рѣшишь все, и можешь бышь очень скоро... Бѣдняжка въ опчаянномъ положеніи — прибавилъ онъ взглянувъ на меня.»

— Она больна? —

Пріятель мой хорошо зналъ медицину, и въ деревнѣ шворилъ чудеса своимъ искусствомъ и своей домашней

апшекой. Не говоря ни слова онъ до-спалъ шепрадку , въ которой , какъ и всѣ докшора , вписывалъ рецепты свои , и указалъ мнѣ на одинъ подъ опмѣшкой: *Pour mademoiselle Klinisky.*

Сердце мое спѣснилось грустью при взглядѣ на эпошъ рецептовъ. — Ты даешь профану разбиралъ премудрость Соломонову — сказалъ я ; — но при всемъ шомъ , мнѣ кажешся , что ты лѣчишь ее опъ чахошки. —

«Почши такъ. Клинскій два раза присылалъ за мной и совѣшывался , не нужно ли послашь за докшоромъ ; но я скоро понялъ , что всѣ докшора въ мѣрѣ не въ соспояннѣ подашь ей никакой помощи. Одна безпреспанная шоска уничшожаешъ ея физическія силы , одинъ огонь спраспи , неукропимой и очень свойспвенной такимъ пылкимъ чувспвамъ , пожираешъ ея внушренность ; короче: пвое присуш-

спиве сдѣлало бы ей гораздо больше пользы, чѣмъ всѣ мои лѣкарства, копорыя могушь ее поддержать мѣсяць, два — не больше....»

До сихъ поръ холодныя, умсипвенныя убѣжденія моего пріятели заспавляли меня медленно, шагъ за шагомъ, и какъ бы прошивъ воли успупаешь ему; но вѣспь о болѣзни Елизаветы глубоко меня пронула. Я не могъ больше сомнѣваться въ шомъ, чпѡ слышалъ, и гоповъ былъ раскаяваться въ моей неоспорожности.

— И ты не ошибаешься, ты не обманываешь меня? — спросилъ я шакимъ голосомъ, какъ бы умолялъ о пощадѣ. Но жестпкой другъ, не зная ошпощеній, въ копорыхъ былъ я, не зная какъ мучительны для меня слова его, все глубже и глубже вонзалъ спрѣлу въ мое сердце.

«О, нѣтъ, примѣты ея болѣзни слишкомъ явны, чѣобы можно было ошибиться въ нихъ, сказала онъ. — Еслибъ ты видѣлъ ея блѣдное, изломленное лице, ея грустный, но при всемъ томъ пламенный взоръ, — ты бы понималъ какъ страдаетъ она душой и какой огонь горитъ въ ея внутренности. . . И при одномъ своемъ имени пульсъ больной начинаеть биться сильнѣе, слабый румянецъ вспыхиваетъ на блѣдныхъ щекахъ ея, слезы невольно пробиваются сквозь пламень глазъ. Если бы ты, говорю я, видѣлъ все это, ты бы согласился тогда, что одни твои необдуманые поступки довели ее до такого ошчужающаго положенія.»

— Клянусь, что я по крайней мѣрѣ никогда не желалъ этого! — сказала я содрогаясь отъ одной мысли сдѣлаться убійцей несчастной дѣвушки...

«Зло все есть зло: умышленное оно, или неумышленное. И, мнѣ кажется, ты во всякомъ случаѣ долженъ поправить его.»

— Поправишь! А какъ? —

«Женишься на Елизаветѣ.»

Я окаменѣлъ отъ этихъ словъ, а пріятель мой вспалъ и началъ прохаживаться по комнатѣ, какъ-бы желая дать мнѣ полную свободу размышлять и рѣшаться.

— Никогда! сказалъ я съ ужасомъ.

«Отъ чего же?»

— Мнѣ кажется на это есть много причинъ. Что можно взять за то, чтобы вступишь въ родство съ извѣстнымъ супягой, съ кляузникомъ, о копоромъ еще носится чортъ знаешь

какіе слухи , — и сверхъ того навязать себѣ на шею двухъ пепушекъ , конкорья за живо заспавялтъ узнать адъ , каждаго кпо къ нимъ попадешся. —

«Но развѣ ты непременно обязанъ жить съ ними? Я думаю , что при своемъ соспоянїи ты можешъ оставитъ ихъ въ совершенномъ покоѣ , даже никогда не видашься съ ними. За что же бѣдная дѣвушка должна цѣлый вѣкъ поминься за чужіе грѣхи? И не самъ ли ты говорилъ всегда , что она слишкомъ жалка въ этомъ отношенїи. А теперь когда ты могъ бы еоздать для нее новую жизнь , могъ бы извлечь ее изъ этого омуна , ты боишься обезславитъ себя дурнымъ родствомъ , боишься пропхануть руку упопающей оитъ того только , что бы не замочитъ свое плашье!.. Нѣтъ другъ , первая причина твоя никуда не годится , и ничего не доказываетъ

кромѣ горькой и ужь слишкомъ извѣстной истины : что всѣ мы, бѣдные люди , гораздо великодушнѣе на словахъ , чѣмъ на дѣлѣ ; что всѣ мы смѣемся надъ предразсудками, и между тѣмъ сами оспѣваемся рабами ихъ.»

Горькія укоризны пріятеля , и насмѣшливый поносъ , которыми говорилъ онъ со мной , сильно прогнали , и безъ того взволнованную , мою душу ; тѣмъ болѣе , что въ эту минуту мнѣ было нужно участіе , голосъ истинной дружбы , а не насмѣшки . Какое-то непреодолимое чувство подстрекало меня возвратишь себѣ насмѣющую цѣну въ глазахъ его , открывъ истинную причину , не позволяющую мнѣ думать о пошлостяхъ , которыми онъ защищалъ съ такимъ жаромъ . Словомъ : это была одна изъ тѣхъ минутъ , когда сердце желаетъ излишья въ разговорѣ откровенномъ и искреннемъ . Я медлилъ , колебался , но наконецъ пайна любви

моей , и даже шайна свиданій , сорвалася съ моего языка .

ПОДОЗРѢНІЕ.

Другъ смопрѣлъ на меня съ изумленіемъ ; и не знаю было ли по слѣдствіемъ несожданности , или другаго какого чувства , только мнѣ казалось , что моя довѣренность сильно поразила его , что онъ даже слушалъ съ какой-то зависью , когда я рассказывалъ о моей любви , о моемъ счастьѣ . Онъ видѣлъ наконецъ , что возвратиться къ Елизаветѣ было ужь не въ моей власти , видѣлъ , что при всемъ помѣ ея несчастное положеніе , такъ живо описанное имъ , жестоко перзаемъ и мучишь душу мою ; но вмѣсто того , чтобы принять во мнѣ какое нибудь участіе , какъ ожидалъ я ; вмѣсто того , чтобы заплакнуть за мою опкровенность хоть однимъ лас-

ковымъ , дружескимъ словомъ , безчувственный пріятель продолжалъ снпашъ по прежнему обвинять меня спрого и холодно :

«Ты сдѣлалъ зло бѣдной дѣвушкѣ — говорилъ онъ— и своя любовь къ другой , хотябъ эта другая была сама принцесса Кипайская , нисколько тебя не оправдываетъ. Сверхъ того ты самъ видишь , что Елена не можетъ быть твоей , по крайней мѣрѣ при перерешнихъ отношеніяхъ твоихъ къ ея семейству. И кто знаетъ , преодолѣются ли когда нибудь эти препятствія. За чѣмъ же было мѣнять вѣрное счастье на невѣрное , и можетъ быть готовить ту же участь другой , какую ужь одна испытываетъ...»

Мы долго еще толковали и спорили. Я говорилъ , что мы невластны располагать сердцемъ , и что не въ моей было волѣ полюбить ту или

другую. — Онъ смѣялся надъ такими ребяческими сужденіями, и утверждалъ, что всѣ наши склонности зависяпъ оцъ того направленія, какое мы сами захочемъ дать имъ. — Я клялся, что теперь по крайней мѣрѣ мнѣ невозможно ужъ было расшпаться съ Еленой, что даже не видапъся съ ней было свыше силъ моихъ. — Онъ опвѣчалъ, что я очень дурно дѣлаю, подвергая эими свиданіями имя ея нареканію. «И кто можетъ поручипъся, прибавилъ другъ, что это когда нибудь не опкроется? Тогда ты вѣрно ужъ въ цѣлую жизнь не увидишь больше свою красавицу.»

Такъ, словно зловѣщій воронъ предрекалъ онъ мнѣ несчастья, словно злой духъ разочаровывалъ лучшія надежды жизни моеѣ, и своими рѣчами вливалъ несшернимую шоску въ мою душу. Я не въ силахъ былъ долго слушапъ его, не въ силахъ былъ вы-

носить его присутствія , — мы разспались.

Во время разговора съ моимъ пріятелемъ , сильное волненіе чувствъ и самая быспрота эпого разговора не позволяли мнѣ обнять и взвѣсиль хорошенько того , что онъ мнѣ разсказывалъ. Но когда я оставилъ его , когда первый порывъ бури душевной зашихъ , мысль , до шѣхъ поръ не приходившая мнѣ на умъ , сверкнула въ головѣ моей : мнѣ спало казаться странно , что чего пріятель мой , смотрѣвшій всегда на всѣ бѣдспвія человѣческія равнодушно и холодно , принималъ такое живое участіе въ дѣвущкѣ , очень недавно знакомой ему , и съ такимъ жаромъ , и такъ наспойчиво хотѣлъ утвердиль права ея на мое сердце? Неужно въ самомъ дѣлѣ одно ея жалкое положеніе могло пронунъ эпого человека , которій былъ такъ нечувспвиеленъ ко всѣмъ дру-

гимъ? Но въ такомъ случаѣ для чего же онъ прямо, при самомъ началѣ нашего разговора, не сказалъ мнѣ ни слова о болѣзни Елизаветы, а хотѣлъ сперва убѣдншь меня въ ея любви одними умншвенными, математическими доказательспвами, и только въ то время рѣшился объявишь мнѣ о томъ, когда увидѣлъ, что они слабо дѣйспвуютъ; — всѣ эти несообразности поколебали вѣру мою къ его словамъ, заспавили меня опыскивать наспоющую причину его дѣйспвій, и вдругъ — мрачное, ужасное подозрѣнне запало въ мою душу.

Я вспомнилъ, что прежде самъ онъ часпо говаривалъ съ удовольспвіемъ о Еленѣ, хвалилъ ея красоту, и даже искалъ случаевъ чаще быть съ ней; но съ нѣкопрыхъ поръ онъ какъ будто перемѣнилъ о ней свое мнѣнне: находилъ ее слишкомъ гордой, называлъ обращенне ея церемоннымъ. Не легко ли

могло спастись, что хитрый другъ самъ имѣлъ на нее какіе нибудь виды, и что одна только ее холодность заставила его прекратить свои исканія? Можешь быть онъ начиналъ догадываться, что я былъ счастливѣе его, можешь быть хотѣлъ узнать какъ далеко простирается это счастье и для того только завелъ со мной такую разговоръ, для того только напалъ на меня такъ жестоко, чтобы выпытать этимъ средствомъ все, что было нужно ему. Такъ думалъ я, и чѣмъ подробнѣе соображалъ всѣ обстоятельства, чѣмъ больше рассуждалъ о томъ, тѣмъ сильнѣе укоренялась во мнѣ мысль, что другъ тайный соперникъ мой. Иначе опять чегожъ бы рассказъ о любви моей могъ возбудить въ немъ и это непріязненное чувство и эту зависимость, которыя изображались въ то время на лицѣ его? Иначе чтожъ бы за удовольствіе было ему терзать меня

своими безспрадными рѣчами до самой послѣдней минушы нашего разговора! Не ревность ли мучила его и не она ли вдыхала — и эпошь злобный, насмѣшливый пошь и эпо нечеловѣческое желаніе наслаждаться чужими спраданіями?... А, я, глупецъ, шакъ проспюдушно повѣрилъ ему, шакъ безразсудно сдѣлалъ его учасшникомъ шайны, опъ копорой зависѣло спокійспвіе цѣлой жизни моей! Чпо если онъ вздумаешъ упопребшшь во зло мою опкровенность, захочешъ разрушшшь счасшь мое для шого, чшобы на его развалинахъ создашь свое собспвенное, или по крайней мѣрѣ, чшобъ опмшшшь за себя?.. Холодъ пробѣжалъ по мнѣ при эпой мысли. Я проклиналъ неоспорожность свою и гошовъ былъ заплашшшь своей кровью за шо, чшобы шайна свиданій моихъ осталась по прежнему — шайной для цѣлаго міра.

Мучштельно бышь самому виновни-

комъ своихъ бѣдсвѣй, но сдѣлать жерпвой своего неблагоразумія шу, кошо-рая намъ дороже всего на свѣтѣ, еще больше мучишельно и невыносимо, — а я поспавиль себя шочно въ шакое положе-нѣ. Вѣроломство друга спрашило меня, какъ адъ. Я почи ужъ не сомнѣвался, что и эша любовь и эша болѣзнь, о кошорыхъ онъ мнѣ рассказывалъ, были вымышлены для шого шолько, чтобы вѣрише меня заманишь въ силки; но не зналъ еще навѣрное, какихъ слѣдсвѣй долженъ былъ ожидать я отъ моей нескромности, и цѣлый день провелъ въ несносной шоскѣ и безпокойствѣ.

Эшо-шо безпокойство безпрешанно волновало меня, понуждало скорѣй лептъшь на свиданѣ. Быспрѣй скакъ и свѣжій воздухъ доставили мнѣ какую-шо опраду. Я мечпалъ . . . но вы ужъ знаете о чемъ мечпалъ я; вы ужъ знаете, что я долженъ былъ сдержашъ коня, что мрачныя

думы начали опять поплихаться въ головѣ моей. Такъ я въѣхалъ въ кустарникъ, который спянулся на нѣсколько верспъ между крупнаго лѣса.

ВСТРѢЧА.

Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ меня, раздался звонкій смѣхъ, и еще больше звонкій голосъ; я приподнял голову; два человѣка верхами выѣхали изъ за кустовъ мнѣ на встрѣчу.

Одинъ изъ нихъ былъ спарикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, худощавый, въ кожаномъ карпузѣ, испрескавшемся и порыжѣвшемъ отъ времени, и въ выпершомъ вигоневомъ казакинѣ, полы котораго были зашпкнуты за широкій красный кушакъ. Уборъ низенькой сѣрой сего лошадки — въ проспой ямской уздѣ съ махрами и киспочками, и въ сѣдлѣ съ запрапезной подушкой — соотвѣтствоваль въ полной мѣрѣ на-

ряду всадника, ноги копорато чупь чупь недоспавали до земли, шакъ чпо казалось онъ зацѣпишся ими за первую кочку и оспанешся на ней безъ лошади.

Воспрый яспребиный носъ и маленкіе сѣрые глаза, быспрые какъ у рыса, придавали этому чудаку, не смопря на смѣшную одежду его и смѣшную посадку, какой-то злобный и хищный видъ.

Другой вершникъ, ѣхавшій въ нѣсколькихъ шагахъ позади, не имѣлъ въ себѣ ничего примѣчательнаго. Эпо былъ проспо конюхъ въ кучерской шляпѣ, въ лапшяхъ и въ сѣромъ кафпанѣ. Но онъ соспавлялъ совершенную прошивуположенспь съ первымъ: сторбленный, маленькій, онъ сидѣлъ на пощемъ, высокомъ аргамакѣ, и кое какъ цѣпляясь за его высунувшіяся ребра своими корошенькими

ножками, былъ очень похожъ на Персіянина, ѣдущаго на слонѣ, въ то время какъ спарикъ, котораго провожалъ онъ, могъ скорѣй показаться слономъ, ѣдущимъ на Персіянинѣ. Маленькій человекъ долженъ былъ высоко поднимать голову, чпобы видѣть предметы изъ за шеи своего Буцефала, которая шорчала передъ нимъ какъ аспролябія. Въ одной рукѣ онъ держалъ старое заржавленное ружье. За нимъ бѣжали при дворныя собаки различныхъ шерпей и породъ.

Каждый на моемъ мѣспѣ принялъ бы, съ перваго взгляда, спраннаго рыцаря съ его оруженосцемъ за какого нибудь прикащика, выѣхавшаго осмолпрѣть господскія дачи; но я узналъ оригинальнаго спарика еще по голоосу: это былъ опецъ Елизавешы. Мы не видались съ нимъ почти съ шѣхъ поръ, какъ я переспалъ ѣздишь къ нему, и его нечаянное появленіе пере-

до мной въ такомъ мѣспѣ , въ ипакѡй часѣ , послѣ упреннаго разговора моего съ прїателемъ , изумило меня и въспревожило.

«Ба, ба, ба! спаринный дружище!— закричалъ онъ подѣзжая ко мнѣ мѣлкой рысцѡй и награждая кляченку свою ударами арапника — какимъ въспромъ занесло тебя въ наши лѣса дремучіе?... Форпѣ вашей милоспи!— прибавиль спарикъ оспановившись передо мной и выпрямившись на сѣдлѣ съ комической важноспью — куда изволише опправляться ? »

Но я былъ шакъ смущень , шакъ распроень и нечаянной въспрѣчей съ нимъ и вопросомъ его , что не успѣлъ еще одумашься , и не зналъ что опвѣчать ему. — Клинскій захохоталъ во все горло.

«Что же шы смопришь на меня ,

какъ воробей на огородное пугало? сказалъ онъ. — Не бойся, на себя не подамъ просьбы, что поймалъ въ своемъ лѣсу на порубкѣ; ха, ха, ха! Экъ его опуманило! Ну видно, что мы давно не видались.»

— Въ самомъ дѣлѣ я никакъ не ожидалъ встрѣпипь васъ здѣсь, опвѣчалъ я спараясь скрыть свое смущеніе, и между шѣмъ желая узнать настоящую причину его выѣзда.

«Что дѣлашь, любезный, неволя велишь: все дѣлишки. Разбойники— од-
нодворцы, какъ косой косятъ лѣсъ мой: весь вырубили. Долженъ былъ самъ, на спароспи лѣпъ, ѣхашъ осмапри-
вашъ; и будь я анаема проклятъ, ежели не согну ихъ въ бараній рогъ! все взыщу до копѣчки. Ну, да чорпъ ихъ поberi! Улиша ѣдепъ, когда по-
будешъ; а шеперь спасибо и на шомъ, что искалъ ворону да напался на со-

кола. Неспыдно ли : сколько лѣшь , сколько зимъ не видались!..»

Я все еще не совсѣмъ вѣрилъ словамъ спарика , все еще подозрѣвалъ , что онъ выѣхалъ въ лѣсъ не для одноподворцевъ ; но его ласковый понь нѣсколько успокоилъ меня и заспавилъ опвѣчашъ на вѣжливоспъ вѣжливоспью. Я извинился , что спакъ давно не былъ у него , сослался , по обыкновенію , на обспояпельспва , и желая неперпѣливо знать почно-ли Елизавета была въ спаконъ опчаянномъ положеніи , какъ говорилъ мнѣ другъ , спросилъ о здоровѣ его семейспва.

« Спарухамъ что дѣлаешся , опвѣчалъ Клинскій : живушъ , да скрыпяшъ. Спарый человекъ , какъ обдержанный горшокъ , не скоро разобьешся. А Лиза моя плоха. »

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ я , по-

чпи не чувспвуя самъ какъ эпо восклицаніе у меня вырвалось.

Клинскій посмощрѣлъ на меня съ удивленіемъ и шакъ приспально, чпо его маленькіе, быспрые глаза, казалось, насильно врывались въ мою душу. «Не ужели же нарочно» сказалъ онъ какимъ-шо печальнымъ и вмѣсптъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Чѣмъ же она нездорова?

«Чорптъ развѣ поймешъ нынѣшнія ваши болѣзни, а не я грѣшнѣй! бѣдняжка похудѣла, чпо спрахъ; шо жалуешся грудью, шо какая-шо хандра найдеть на нее... Да не лзя ли завернуть на перепутье? шогда самъ все увидишь — продолжалъ спарикъ принимая опяшь шупливый понъ свой, и шакъ крѣпко сжавъ мою руку, чпо я чупъ не закричалъ. — Нашъ домъ все ближе вашихъ хоромъ. Милоспи про-

симъ взглянушь на наше житье бытъе. А вечерокъ проведемъ славно, возьми меня черпни на выжигу! Для дорогого госпя сей часъ пляску, пѣсни... авось и больную развеселимъ... Ась, шакъ чпо-ли?»

Мучительное чувство, которое испытывалъ я при первомъ извѣстїи о болѣзни Елизаветы, опять овладѣло мной, и еще съ большею силой, когда самъ отецъ ея подтвердилъ мнѣ то же. Но ѣхать къ нему я не могъ, видѣть ее былъ не въ состоянїи.

— Нѣтъ, — сказалъ я, вспревожась даже и самымъ его приглашенїемъ — мнѣ никакъ не возможно ѣхать къ вамъ; у меня есть важное дѣло.

»Гдѣ, здѣсь въ лѣсу?» спросилъ онъ засмѣявшись.

— Нѣтъ, дома, — проговорилъ я въ смущенїи.

«Ха, ха, ха, домъ на западъ, а онъ ъдепъ на воспокъ!...»

— Эпо попому, чпо докшоръ предписаль мнѣ всякой день прогулку верхомъ, и я ѣхаль безъ плана и цѣли.

«Ага!.. Да полно ужъ не въ женскомъ ли плашьѣ ходишь эпошь докшоръ?...»

Ударъ грома, разразившись надъ ближнимъ деревомъ, не шакъ бы сильно пошрясь меня, какъ эша шупка. Я гоповъ былъ рѣшипельно заключилъ, чпо пайна моя извѣспна Клинскому.

— Чпо вы хошите эпимъ сказашь?— спросилъ я шакимъ голосомъ и съ шакимъ видомъ, чпо онъ осадилъ свою лошадь на два шага назадъ и смопрѣлъ на меня во всѣ глаза. Эпо молчаніе прервалось наконецъ любимой его кляшвой:

«Возьми меня черпи на выжигу!»

вкричалъ онъ , если я думалъ тебѣ сказать обидное слово ! .. Кто васъ разберетъ , говорю я , съ нынѣшними вашими болѣзнями и лѣкарствами . По нашему : выпить вина съ солью да съ перцемъ — вошь и всѣ недуги долой . А нынче посылаютъ скакать верхомъ , куда глаза глядятъ , для здоровья ! Премудрость ! .. по неволѣ подумаешь и то и се . . . Ну полно же сердиться , прибавилъ онъ , опять приближаясь ко мнѣ , Ерофеичъ не велѣлъ горячиться . Право я пошутилъ съ побой пакъ , безъ всякаго умысла . Дай Богъ мнѣ сесперъ не выдашь , ежели я лгу .»

Кляшвы спарика , и особливо послѣдняя , не имѣли никакой цѣны въ глазахъ моихъ ; но благоразуміе , по крайней мѣрѣ , заспаляло меня показавъ , что я убѣжденъ ими . — Если ему извѣстно что нибудь , если онъ выѣхалъ съ какимъ намѣреніемъ , то это намѣреніе должно будетъ обнару-

жипсья при первомъ моемъ покушеніи оспавипсь его— подумалъ я, и рѣшилсь скорѣй кончипсь сцену, копорая спановилась для меня упомишельна и задерживала меня вовсе не кспани.

— Я не сержусь на васъ , опшвѣчалъ я сухо; а не люблю, когда не вѣряпсь словамъ моимъ. Но— примолвилъ пошомъ, посмошрѣвъ на темнѣющій лѣсъ— мнѣ пора ѣхашь. Позвольте пожелашь вамъ благополучной дороги, и въ другой разъ воспользовашься вашимъ приглашеніемъ.

«Такъ ваша милоспшь не пожалуеть къ нашему здоровью?» спросилъ спарикъ съ какимъ-шо насмѣшливымъ видомъ, и какъ бы обдумывая какое-шо предпріятіе.

Я опашь поблагодарилъ его, и хопшѣлъ ѣхашь; но Клинской заслонилъ мнѣ дорогу.

«Милоспивый государь, сказалъ онъ пономъ важнымъ и шоржеспивеннымъ, я вами обиженъ, и вы должны расплащиться со мной...»

— Ну, шеперь все ясно, подумалъ я; и въ эпой угрозы мнѣ слышался голосъ раздраженнаго опца, гошоваго вспупиться за несчастную дочь свою. Зная буйныя спраспи Клинскаго, зная даже по темнымъ слухамъ, носившимся въ окружности, что онъ былъ способенъ на все, когда подспрекала его меспъ, или выгода, я ожидалъ спрашной бури, и съ невольнымъ ужасомъ смотрѣлъ на него.

«Да, да, продолжалъ спарикъ, ты долженъ со мной расплащиться сию же минушу. Кшо неправъ съ шого шпрафъ — дѣло извъспное; безъ шого ты не съѣдешь съ моей земли. Эй, Еомка! подай-ко намъ...» Онъ не договорилъ, но щелкнулъ себя по галспуху.

Маленькой человекъ вынулъ изъ-за пазухи огромную флягу, и полкая подъ бока пощую клячу свою, заспавиль ее самымъ лѣнвымъ шагомъ подвинулся къ своему господину; между шѣмъ—я все еще въ недоумѣнн, въ спрахѣ, безмольно и неподвижно споялъ на одномъ мѣспѣ.

«Ты не хочешь заѣхашъ въ домъ ко мнѣ, сказалъ Клискій, шакъ по крайней мѣрѣ здѣсь долженъ выпить со мной пріяпельскую чару. Наливай, Оомка, подноси!... Ну же, любезный, безъ опговорокъ; мы недоимки не любимъ: вышей, и Богъ съ побой. Ха, ха, ха, а шы, я чай, думалъ, что я и чорпъ знаспѣ чего хочу опъ шебя.»

Понявъ наконецъ, что угроза Клискаго была шупочная, а препензія его соспояла шолько въ шомъ, шпобъ заспавншъ меня выпить рюмку водки, я гошовъ былъ смѣяпсъ самъ

надъ собой , и съ шѣмъ вмѣспѣ досадовалъ на себя , чпо такъ глупо обманулся . Просьбу спарика надобно было выполнишь .

«Брависсимо! закричалъ онъ . Люблю молодца за обычай . Всѣмъ пословицамъ вѣрю , кромѣ одной , будпо: пипь до дна не видапъ добра— вздоръ! Палейко и мнѣ Хорошо!— прибавилъ спарикъ выпивъ и крякнувъ — водочка спаричку молочко . Ну , шеперь еще одна просьба , дружище: если пы ѣдешь домой , шакъ проводи меня до конца лѣса ; шебѣ не будетъ и вершка крюку . А между шѣмъ Фомка споешь намъ пѣсенку .»

Эпо предложеніе очень не нравилось мнѣ , пошому чпо опнимало у меня еще полчаса времени ; но чшобы не изобличилъ себя , я долженъ былъ согласилъ на желаніе Клинскаго , — и сидя какъ на игол-

кахъ, проклиная тысячу разъ докучливаго поварища, поѣхаль вслѣдъ за нимъ.

«Не вѣшай головы, не печаль хозяина, — говорилъ онъ замѣшивъ смущеніе, которое неволью выражалось на лицѣ моемъ и опъ всѣхъ различныхъ чувствъ, испытанныхъ мною въ прошлый день, и опъ наспосяцаго непрерывнаго избавившись поскорѣй опъ несносной бесѣды. — Право мнѣ кажется, у тебя одна болѣзнь съ Лизой. Ха, ха, ха, ужь не вмѣстѣ ли вамъ полѣчнисья?.. а?.. Тшфу, къ чорпу! не улыбнешся, не вымолвишь слова, будто къ смерти приговоренъ. . . . Повесели хоть ты насъ, разбойникъ, закричалъ онъ на Оомку. Живѣе: *Вспомни, вспомни, моя любезная.* Въ старые годы эшо была любимая моя пѣсня.»

Между пѣмъ какъ Оомка, головной во всякое время дня, и даже ночи,

пѣшь и плясашь по первому слову своего господина, заплянуль удалую, и вмѣстѣ заунывную, пѣсню, словоохотный шоварищъ мой началъ душишь меня, по старой привычкѣ, длинной испоріей о какой то ꙗзбѣ. Только иногда воспоргъ къ шаланшу пѣсельника заспавляль его прерывашь рассказъ: хорошо! славно! каково колѣнце? — восклицалъ онъ, и попомъ продолжалъ оняшь ту же испорію. Но я не могъ понимашь и половины шого, чпо онъ мнѣ рассказывалъ, и спрадалъ какъ въ пышкѣ. Такъ доѣхали мы до шого мѣспа, гдѣ намъ должно было распашься.

«Эй, заѣдемъ ко мнѣ, говорилъ Клискій. Теперь ужь недалеко.»

— Невозможно — сказалъ я, съ шрудомъ скривая свое неудовольствіе.

«Хопь на минушку.»

— Цельзя.

«А Лиза будетъ рада тебѣ» примолвилъ онъ наклонясь къ моему уху.

— Я самъ очень радъ... очень вѣрю... очень благодаренъ.. — бормоталъ я смѣшавшись опъ такой неожиданной опкровенности ; — но клянусь , что не могу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ.

«Ну, по крайней мѣрѣ разспанемся же друзьями: выпьемъ еще на прощанье. Ты знаешь — обычай дорогой...»

— Нѣтъ, ради Бога, избавыте меня! сказалъ я въ опчаяніи. Но спарикъ приступалъ ко мнѣ безъ пощады: «Я до пѣхъ поръ не опспану опъ себя, и поѣду за побой до самаго дома» говорилъ онъ.

Мнѣ казалось, что онъ хочеть опу-

манишь разсудокъ мой и непременно за-
щищать къ себѣ въ госпн. Желая
посмѣяпсья надъ его замысломъ и еще
больше желая какъ нибудь отвязать-
ся , я наконецъ согласился на просьбу
его , но съ такимъ видомъ , копорый
какъ будно говорилъ: нѣтъ, любезный,
намѣреніе швое не удался ! Пошомъ
повернулъ лошадь , поклонился ему
очень бодро и — былъ шаковъ...

«Поспой! поспой!» кричалъ Клин-
скій; — я не оспанавливался. «Послу-
шай!» — Я ничего не слушалъ, и ска-
калъ опъ него, какъ опъ зараженнаго
чумой.

Доскакавъ до угла лѣса , копорый
скрылъ меня опъ взоровъ несноснаго
спарика и давалъ мнѣ наконецъ свободу
продолжать путь мой, я оспановился и
посмошрѣлъ назадъ, желая узнатьъ ку-
да онъ опправился; но каковожь было
мое удивленіе: къ нему приближался

препій всадникъ — и въ этомъ всадникѣ я узналъ моего пріяшеля!.. Откуда взялся онъ? зачѣмъ? — вопшь вопросы, копорые рѣшилъ мнѣ было довольно прудно. Любопытствво приковало меня на нѣсколько минушь къ моему мѣсту.

Скрытый въ темной опушкѣ лѣса, завѣшанный мрачной пѣтью его, я могъ очень удобно разсматривать людей, поступки копорыхъ казались мнѣ странны и непонятны. По ихъ движеніямъ можно было заключить, что они разговариваютъ съ большимъ жаромъ. Мнѣ казалось, что шарикъ о чемъ-то рассказываетъ, а пріяшель мой слушаетъ его съ любопытствомъ, съ неудовольствіемъ, и опъ времени до времени дѣлаетъ ему возраженія; казалось даже, что предметомъ ихъ разговора былъ именно я, потому что первый часю указывалъ въ ту сторону, гдѣ я съ нимъ встрѣчился, а

впороѣ въ ту , куда я скрылся. Все это породило во мнѣ нѣмнѣ новыхъ догадокъ и подозрѣній. Думая , что можешъ бышь хитрый другъ хопѣль съ какимъ нибудь намѣреніемъ помѣшашъ моему свиданію , и боясь пуще всего , чшобы онъ не наспроилъ Клинскаго опяшь догоняшь меня и зазывашъ къ себѣ , я рѣшилъ наконецъ ѣхашъ ; но они все спояли еще на томъ же мѣспѣ , и чернѣясь въ заревѣ зари , будпо нарисованные пушью на огненномъ полѣ , казались мнѣ адскими шѣнями , замышляющими погибель мою.

СЛѢДСТВІЯ ОТКРЫТОЙ ТАЙНЫ И ВСТРѢЧИ.

Преслѣдовашь меня до жилища Елены было-бы со стороны моего пріятеля , если бы онъ и почно имѣлъ прошивъ меня какіе нибудь замыслы — слыш-

комъ явно и дерзко, да и ни къ чему бы не могло послужить для него. И пакъ встрѣча съ Клинскимъ и даже это таинственное сообщеніе, котораго я былъ свидѣтелемъ, нисколько не разспроивали моего плана. Напрошивъ— и безпокойство, испытанное мной, и задержки, встрѣченныя на пути, только сильнѣе раздражали спросъ мою, только больше увеличивали мое неперпѣніе видѣть Елену. Выбравъ первую пропину, мнѣ поавшуюся, я пуспился по ней во весь духъ, желая скорѣе какъ можно укрыться отъ людей, съ которыми не хотѣлъ опять встрѣпиться, — и прямо черезъ рощу выбрался на дорогу. Удалившись отъ нихъ на такое разспояніе, что они ужь, казалось, не могли ни догнашь меня, ни преслѣдовашь, я нѣсколько успокоился, но мысли мои все еще не пришли въ порядокъ. Мнѣ опять начинало казаться, что другъ и не думалъ меня обманывашь: не самъ ли

опецъ Елизаветы подтвердилъ, что она больна, не самъ ли онъ намекнулъ о чувствахъ ея ко мнѣ? А рецептъ, которъ видѣлъ я: неужели и это была хитрость и выдумка?.. Не опъ того ли только пріятель мой выѣхалъ къ Клинскому въ лѣсъ, что не засталъ его дома? А что они разговаривали обо мнѣ, такъ это очень еспешвенно.... Но черезъ минушу я опвергалъ эту мысль и брался за новую: кто знаетъ какія сношенія были у этихъ людей? кто знаетъ какія пружины копъль употребилъ хитрый другъ, чтобы опвлечь меня опъ Елены?.. словомъ думы мои безпреспанно мѣшались въ какомъ-шо хаосѣ, изъ котораго умъ не могъ извлечь ничего яснаго, положишельнаго. То мечпалась мнѣ Елизавета — блѣдная, снѣдаемая шоской; и я даже мысленнымъ взоромъ моимъ не могъ видѣть ея безъ содроганія, безъ тяжелой муки сердца; — шо снова измѣна друга и разлука съ Еленой

спрашили меня. Я начиналъ ужь раз-
каиваться, что не заѣхалъ къ Клин-
скому : шамъ , по крайней мѣрѣ , я
увидѣлъ бы все собственными глазами,
можетъ спастись открылъ бы исти-
ну, и какъ бы горька, какъ бы ужас-
на ни была она , но все лучше мучи-
тельной неизвѣстности. . . . Наконецъ
видъ рощи , примыкающей къ пали-
садной калиткѣ сада, которая дол-
жна была раствориться передо мной,
пробудилъ меня отъ этихъ думъ.

Мракъ вечера облегалъ ужь окре-
стность. Густая тѣнь деревьевъ скры-
вала меня отъ взоровъ людей, и хотя
я, подспрекаемый безпокойствомъ и
сильнымъ волненіемъ души, все слиш-
комъ рано прѣхалъ , хотя минуша
свиданія была еще не близка, но шамъ
по крайней мѣрѣ мнѣ было оправданіе
ждать ее. И могъ ли соскучиться я
сидя подъ тѣнью привѣтнаго дерева,
подъ которымъ провелъ сколько бла-

женныхъ часовъ!.. Ужь въ деревнѣ начинало спихапъ; голоса людей слышались рѣже и рѣже. Неперпѣливо прислушиваясь къ этому поспешенно умолкающему говору, я снова проклиналъ медленное время и, переносясь къ Еленѣ въ домъ, думалъ съ какимъ неперпѣніемъ ждеишь и она пои-же минушы. При эпои мысли кровь во мнѣ начинала закипашъ, на душѣ спановилось свѣшлѣе; и шолько изрѣдка думы о моей неоспорожностпи, объ опкрышой пайнѣ свиданій, и о томъ, что рассказывалъ мнѣ пріапель, — набѣгая вдругъ, заспавляли замирапъ мое сердце, и по временамъ, опяпъ раздающіеся вдали голоса, спревожили сладоспъ моихъ мечпаній... Но вопъ въ самомъ дѣлѣ послышалось мнѣ, что кто-шо ѣдешъ по роцѣ. Обомлѣвъ, припавивъ дыханіе, я безпкойно успремилъ взоръ въ шу спорону — и не върилъ глазамъ, когда передо мной оспановился мой неизбѣжный пріапель....

Въ смущеніи , въ изумленіи , я почти не могъ говорить , и задыхающимся голосомъ спросилъ у него: зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

Пріятель улыбаясь смопрѣлъ на меня.

«Послушай, сказалъ онъ, ты самъ себѣ дѣлаешь зло , и опкрываешь цѣлому свѣту шайну свою. Какъ не заѣхалъ къ спарикку хопя на минушу. Благоразуміе прѣбовало сдѣлать эпо. Онъ никакъ не вѣришь , чпобы ты пакъ спѣшилъ домой. Слухи о любви швоей, видно, дошли до него, и онъ сказалъ на счешъ Елены нѣсколько словъ, кошорыя не могли бы тебѣ понравиться. Я клялся, божился, чпо эпо вздоръ, и въ доказательство того, чпо онъ говоритъ пустяки, въ подшверженіе кляпвъ моихъ — даль слово догнашь и привезшь шебя.»

Я слушалъ его и цѣпенѣлъ отъ ужаса. — Не думалъ ли онъ самъ преслѣдовать меня , подсматривать за мной ? — спросилъ я съ негодованіемъ.

«Можешь быть, если бы я не основилъ его моимъ обѣщаніемъ. Полно же дурачиться, прибавилъ онъ , поѣдемъ. Еще 40-ть часовъ. Тебѣ долго ждашь; въ домъ какіе-то госпи и вездѣ огни; ты успеешь возвратиться во время , а между тѣмъ опровергнешь подозрѣнія спарика. Мы проведемъ часъ или полпора вмѣстѣ , и посмѣемся надъ нимъ.»

Такъ говорилъ другъ и слова его больше и больше убѣждали меня сдѣлать то, что считалъ онъ за нужное. — Но зачѣмъ же ты обыскивалъ Клинскаго въ лѣсу, какъ попалъ туда? спросилъ я между тѣмъ.

«Просто, я ѣхалъ навѣспить боль-

ную и увидѣлъ его. Кешапи: мнѣ право хочется, чшобы ты самъ взглянулъ на нее.»

Мысль: увѣришься во всемъ собственными глазами, снова овладѣла мной; подозрѣнiе, которое подалъ я Клинскому, меня превозжило, да и самое присутствiе прешьяго челоуѣка въ святилищѣ тайныхъ свиданiй моихъ, прежде никому неизвѣсномъ, мучило душу мою: я готовъ былъ ѣхать всюду, лишь бы увлечь его за собой. Все это вмѣстѣ заснавило меня рѣшишься:

—Поѣдемъ, сказалъ я, но ради Бога, скорѣй.

«Долголи проскакаешь шестъ верстъ...

Я сѣлъ на коня, и мы въ самомъ дѣлѣ понеслись быстро, какъ вихрь. Промчались черезъ рошу, черезъ лѣсъ, проскакали по широкому полю, и передо мной открылись мѣста, преж-

де сполько знакомыл мнѣ. Сквозь сумракъ лѣшней ночи я увидѣлъ спарыя деревья, окружающія садъ и усадьбу Клинскаго, и не вдалькѣ опть дороги уединенный холмъ съ развѣсистой березой, копорая осѣняла его. Носились слухи, будпо на этомъ мѣспѣ, Клинскій, еще во время своей буйной молодости, погубилъ насильственнымъ образомъ какого-то купца. Нельзя было опскрыть преспуления, попому что никто не зналъ о помѣ; но въ послѣдствіи, когда разнеслась молва, что купецъ пропалъ безъ вѣсти, спали догадываться гдѣ и какъ погибъ онъ, спали замѣчать, что распроенныя дѣла Клинскаго съ тѣхъ поръ немного поправились; и даже иные вспоминали, что около того времени земля на уединенномъ холмѣ была какъ бы взрыта, но опять искусно закладена свѣжимъ дерномъ. Впрочемъ ясныхъ доказательствъ на все это происшествіе никто не могъ пред-

ставились; слѣдствія никакого не было, и дѣло угасло само собою.

Такъ рассказывали эту темную испорцію въ народѣ, такъ дошла она и до меня; я не совсѣмъ вѣрилъ ей, но не смогъ на то, всякой разъ когда проѣзжалъ мимо этого мѣста, невольный ужасъ находилъ на меня; и теперь я содрогнулся взглянувъ на него, и спѣшилъ обратишь взоръ на другіе предметы.

Передъ нами, вдали, чернѣлось мрачное зданіе, кубической формы, и по серединѣ его блеснули двѣ огненные почки. Обскакавъ наружную сторону сада, мы на минушу остановились передъ исчепленными, досчатыми воропами. Насъ, казалось, ужь ждали: засовъ съ громомъ упалъ на землю, рухлыя половинки воропъ широко распахнулись, и впусшивъ насъ внутрь двора, оныя зашвори-

лись за нами. Мрачное зданіе, кошорое видѣли мы издали, спояло уединенно по серединѣ двора, какъ надгробный памятникъ. Это былъ домъ Клинскаго, старинный, деревянный, почернѣвшій опъ времени. Онъ какъ будто насупившись глядѣлъ на насъ своими окнами, и множеспвомъ маленькихъ слуховыхъ окошечекъ, нанизанныхъ на высокой кровль, круглыя опверспія кошорыхъ зіяли, какъ разинутыя пасти хищныхъ звѣрей, прилепившихся на крупизнѣ и гошовыхъ опшуда сбросишься. Таково было всегда жилище Клинскаго, но никогда еще не казалось оно мнѣ пакъ угрюмо, печально и непривѣшливо. Я приближался къ нему съ какой-шо шоской, и вмѣстѣ съ шѣмъ мысль, что я скоро увижу Елизавету, заспавляла препешать мое сердце.

Старый, сѣдой слуга, съ волчьимъ лицомъ, выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу.

По узенькимъ , зыбкимъ спупенямъ крыльца мы вошли въ длинныя сѣни; Клиникій принялъ насъ съ распросперпыми объяшїями и съ спрашнымъ , громкимъ смѣхомъ.

«Милоспи просимъ , милоспи просимъ! . . говорилъ онъ. Ну пы, правду сказаль — прибавиль спарикъ обращаясь къ моему прїяшело — чпо скорѣе заспавишь его послушась.» И между пѣмъ онъ крѣпко жалъ мою руку и дружески упрекалъ меня. Желая опклонишь опъ себя всѣ подозрѣнїя, я рассыпался въ извиненїяхъ, выдумываль тысячу дѣлъ, копорыхъ у меня никогда не было, и клялся, чпо всѣ ихъ опложиль для него. Разговаривая такимъ образомъ, мы вошли въ залу, попомъ въ госпинуую, и вопъ я, наконецъ, опянь очутился въ кругу семейсшва Клинскаго.

СЕМЕЙСТВЕННАЯ КАРТИНА.

Въ этой комнатѣ обыкновенно по вечерамъ сиживали почтенныя шешушки Елизаветы, и я увидѣлъ обѣихъ спарушекъ почно на шѣхъ же мѣспахъ, почно за шѣми же заняшїями, какъ видалъ ихъ прежде, за годъ назадъ. Одна, вся въ черномъ и какомъ-шо полумонашескомъ одѣянїи, сухая, желтая, изпишая, съ маленькими впалыми глазами, съ длиннымъ обвоспрившимся носомъ — словомъ совершенное подобіе адской пшїцы, шерзающей грѣшниковъ — сидѣла сгорбившись въ большихъ кожаныхъ креслахъ и, по милосши очковъ спаринной работы, плотно сжимающихъ конецъ ея носа, гнусливымъ голосомъ чипала вслухъ какую-шо священную книгу, которая лежала передъ ней на споль. Другая, — не сполько поспная,

но напропивъ съ полнымъ, круглымъ, морщиновашымъ лицомъ, какъ у моски доброй породы, покоилась на диванъ. Свѣплые, выпученные глаза, похожія на пару оловянныхъ пуговиць, и сбившійся на спорону чепецъ — придавали ей какой-по безумный и опвращпсельный видъ. Огромная сѣрая кошка — вѣчная принадлежность — лежала у нее на колѣняхъ, и такъ-же спрашно поводила глазами, какъ ея барыня. Но я взглянулъ на спарухъ шолько мелькомъ; взоръ мой успремился въ дальній уголъ комнашы и — какъ-бы прикованный очарованіемъ, оспановился на одномъ предметѣ.

Тамъ, въ полупѣни, сидѣла дѣвушка, высокая, спройная, похожая своимъ выразишельнымъ лицомъ, своими черными, огненными глазами на Гречанку; но на эпомъ лицѣ были видны слѣды внушрренняго спраданія и болѣзни; эпомъ огненный взоръ помрачался

какой-то поской. Нарядъ дѣвушки былъ небреженъ, но милъ.

Такой почто воображалъ я Елизавету, въ шѣ минушы, когда вѣрилъ словамъ друга, и такой почто нащелъ ее. Сидя въ опшдаленіи, не занятая ничемъ, она по видимому не принимала никакого учаспія въ бесѣдѣ шепокъ своихъ. Мысли ея, казалось, были далеко ошъ всего ее окружающаго, и шолько мой нечаянный входъ засшавилъ ее всшрепенуться.

Невольное: ахъ! вырвалось изъ ушь Елизаветы при входѣ моемъ, и мнѣ казалось, что эпо: ахъ— выражало вмѣшѣ и удивленіе и радость. Взоръ ея сверкнулъ молніей, блѣдныя щеки покрылись легкимъ огнемъ, какъ снѣгъ, озаренный лучами солнца. Но эпошъ порывъ внезапно взволнованныхъ чувствъ былъ мгновенный: сдѣлавъ мнѣ едва замѣшный поклонъ, она оспалась

опяшь на своемъ мѣспѣ безмолвная, мрачная, такъ какъ прежде. Не помню, что спалось со мной въ ту мину-ту: я былъ какъ испуганный и ничего не видалъ вокругъ. Но громкія, крикливыя рѣчи шепушекъ, похожія на щебень сорокъ, вывели меня наконецъ изъ забвенія, и напомнили мнѣ, что шупъ еспъ еще люди.

Объ спарухи были удивлены прїѣздомъ моимъ, не меньше своей племянницы. Ихъ чпеніе прервалось на недо-кончанномъ словѣ; книга и кошка были забыты.

«Мать пресвятая Богородица! — вскричала спаршая сеспра Клинскаго, положивъ очки свои на книгу — не привидѣніе ли эшо!..»

— Господи! подхватила другая, выпарашивъ еще больше пустые глаза свои — вопъ ужъ подлинно нечаянный

госпъ! . . . Недаромъ я вчера погасила свѣчу , недаромъ и *васька* мой умылся; эпи примѣшы никогда меня не обманушъ...

Я ожидалъ, чпо сеспры Клинскаго вспрѣшяптъ меня упреками — шакъ и случилось: когда первое удивленіе ихъ миновалось, намеки о неблагодарности, наспавленія о томъ какъ должно уважать спаршихъ, грозно посыпались на меня. Эпо однакожь не надолго; желаніе поговорить съ человѣкомъ, кошораго онѣ шакъ давно не видали, узнашъ опъ него разныя новоспи и сообщитъ ему свои — преодолѣло все: онѣ схватили меня, овладѣли мной, и черезъ минушу градъ ихъ укоризнѣ распаялъ въ часшомъ дождѣ вопросовъ.

«Скажише намъ, скажише, говорили онѣ обѣ вдругъ, чпо вы дѣлали? гдѣ бывали? съ кѣмъ видались? Вы шакъ давно оспавили насъ, чпо съ шѣхъ

поръ , право , можно-бы съѣздитъ въ Иерусалимъ. Ну, да куда ужъ намъ такъ далеко; были ли вы по крайней мѣрѣ въ нашемъ уѣздномъ городѣ? что слышно тамъ новенькаго? что дѣлаешся у васъ въ сосѣдствѣ?»

Я всегда былъ небольшой охопникъ до новоспей, и пошому ни въ какомъ случаѣ не могъ бы удовлетворить алчному любопытству моихъ собесѣдницъ, а теперь и подавно. Мнѣ хотѣлось скорѣй подойти къ Елизаветѣ, хотѣлось разомъ прочесть на лицѣ ея все, что шайлось у нее въ сердцѣ, — но ее ужъ не было въ комнашѣ. Между шѣмъ шепушки приспунали ко мнѣ, какъ самыя опважныя гренадеры къ неприяшельскому редушу. Надобно было опвѣчать что нибудь, и я опвѣчалъ, что кромѣ себя рѣшипельно ни о комъ ничего не знаю.

«Ахъ, Боже мой! — сказала монахиня,

сидѣвшая за книгой — онъ все шочно выходець съ шого свѣта. Какъ можно жить между людьми и не знать что они дѣлають. Мы, кажется, люди спарья, сидимъ въ чепырехъ спѣнахъ, а все что нибудь да услышишь, посудишь, а иногда, проспи Господи, и осудишь....» Тупъ обѣ шепушки начали угощать меня сплешнями разнаго рода. Въ нѣсколько минутъ шма мянъ была перебрана, соння испорій пересказана, и все это шло съ шакой быспрошой, что я не могъ ни понимать ни разслушивать хорошенько. Шумный ихъ говоръ, несаяь вдругъ съ двухъ споронъ, сливался въ ухахъ моихъ, какъ двѣ бурныя рѣки въ своихъ успьяхъ.

Я сидѣлъ между ими; у меня звенѣло въ головѣ опъ эшихъ рассказовъ, но освободить меня было не кому. Елизавета не выходила, пріятель мой также куда-то исчезъ, Клиньскій

хлопопалъ о помъ, чшобы успроилъ веселую вечеринку , и полько голосъ его , раздающійся въ другихъ комнапахъ, по временамъ долепалъ до меня: «Проворнѣй собрашь пеньковую гвардію! кричалъ онъ. Пъсельниковъ , балалаишниковъ — всѣхъ сюда сію же минупу!» Бѣгопня, взадъ и впередъ, по всему дому , хлопанье дверьми и безпреспанно увеличивающійся попотъ и гулъ въ залъ, доказывали, что приказанія хозяина быспро исполнялись. Наконецъ онъ съ поржеспвующимъ лицемъ явился ко мнѣ на выручку.

«Гопово, сказалъ Клинкій; — гвардія споишь въ спрою , дожидается ; милоспи просимъ послушашь нашихъ пѣсенокъ.»

—Какъ тебѣ не спыдно, брапецъ! — закричали обѣ сесспры, почпи вцѣпившись въ меня. Дай намъ хопъ немножко поговорить съ нимъ , поразспро-

сипь его, поразказашь ему... мы и объ вась кое чшо слышали, прибавила одна... Я вздрогнулъ, но спротій взглядъ Клинскаго заставилъ ее замолчашь.

«Хорошо воронѣ каркашъ, да каково шо ее слушаашъ, перебилъ онъ. Оспавъ, брапець, эшихъ хрисповыхъ невѣспъ; ихъ не переслушаешъ до скончанія вѣка.»

Не смотря на все негодование сесперъ своихъ, ворчавшихъ въ полголоса, чшо гораздо бы лучше спарому человѣку подумашъ о душѣ, чѣмъ пѣшишъ бѣса пляской и пѣснями, Клинскій ушащилъ меня въ залу.

Толпа креспьянокъ, копорыхъ спарикъ называлъ пеньковой гвардіей, въ цвѣшныхъ кичкахъ съ спеклярусными подвѣсками, въ яркихъ красныхъ и полосашихъ нагрудникахъ, спояла

память. Несколько человекъ запѣвали и плясунуновъ, кто съ рожкомъ, кто съ балалайкой, соснавливали другую группу, хотя гораздо меньшую и не столько песнью, но зато болѣе комическую, какъ по ихъ грубой неуклюжей одеждѣ, такъ и по физиономіямъ, изъ которыхъ инныя выражали какое-то смѣшное удалство, а другія олицетворенную глупость.

«Какова гвардія! сказалъ Клинскій. Возьми меня черши на выжигу, если эполтъ хоръ споешь хуже полковыхъ пѣсельниковъ.» Онъ махнулъ рукой, крикнулъ— и громкая, плясовая пѣсня закипѣла.

Сцены вокругъ меня безпрестанно перемѣнялись; скорая пѣсня смѣнялась прощальной, прощальная опять скорой. Лихіе плясуны и деревенскія плясуньи, первые — съ своими ухарскими, живыми, и часпо очень смѣшными,

ухвапками, впорыя — неуклюжія, неповоропливыя, мелькали передо мной, какъ Кишайскія пѣни. Свиспъ, иханье, понопъ раздавались со всѣхъ споронъ, и смѣшивались съ громкими восклицаніями хозяина, копорый ободря хоръ, не забывалъ между пѣмъ обращаться къ госпямъ и подчивалъ насъ домашней наливкой. Эпо подчиванье сопровождалось, по обыкновенію, шупками и поговорками. «Просимъ обо всей» говорилъ спарикъ наливая чару. Кпо ни-будь пропягивалъ руку, но онъ съ громкимъ смѣхомъ выпивалъ чару самъ и опрокидывалъ ее на голову. «Чудо! восклицалъ онъ, его же и ангелы на небесахъ не вкушаютъ! . . . » И опяпъ хохопъ, и опяпъ пляска, и пѣсни, и свиспъ. Короче: пиръ былъ горой и гулъ его далеко разносился.

Эта живая, песпрая, шевелящаяся юлна, эпи звонкіе нашъвы родной спороны заспавили кровь мою обра-

щались быспрѣе , и мало по малу разгоняли уныніе, овладѣвшее моимъ духомъ. Я не такъ ужь боялся измѣны друга , не такъ боялся начашь разговоръ съ Елизавешой. Даже какое-шо чувсшво, въ которомъ я самъ не умѣлъ дашь себѣ порядочнаго опчета, заспаляло меня досадовашь, что она скрылась такъ скоро. Была ли она слишкомъ сильно вспревожена моимъ появленіемъ , или одно равнодушіе , одно презрѣніе заспавили ее эшо сдѣлашь? Послѣднее предположеніе было какъ будшо обидно и непріятно мнѣ. Я ходилъ по комнашѣ , смопрѣлъ во всѣ двери — напрасно : Елизавеша не показывалась.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

«Она въ саду» сказала мнѣ кшо-шо на ухо. Я обернулся — эшо былъ мой пріятель.

— Кто? спросилъ я смѣшавшись и какъ-бы спыдаясь самаго себя.

«Что за вопросъ! сказалъ онъ улыбаясь насмѣшливо. Неужели ты думаешь, я не понимаю тебя, неужели не вижу кого ищешь такъ жадно взоры твои? Она въ саду, говорю я, и можешь быть къ самой эту минуту ждать тебя на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы прежде такъ часто виделись съ ней.»

Огонь и морозъ пробѣжали по мнѣ отъ этихъ словъ. Чувства смѣшанные, противорѣчащія одно другому, кипѣли въ моей груди. Другъ замѣтилъ, что я колебался.

«Зачѣмъ же медлить? сказалъ онъ. Не для того ли ты прѣехалъ сюда, чтобы узнать ея чувства, и повѣрить слова мои. Когда же лучше можешь ты исполнить свое намѣреніе какъ

не шеперь — въ пишинѣ ночи , на свободѣ , въ уединеніи ? Сюда не придетъ она , пошому чпо ей слишкомъ пятгоспно тебя видѣшь . Да и о чемъ можеше говоришь вы здѣсь , связанные приличіемъ , скованные любопытными взорами ? При опцѣ и шепкахъ она будешъ въ маскѣ , тамъ обнаружится вся душа ея . По моему шеперь , или никогда ; впрочемъ какъ знаешъ.»

Самъ злой духъ не умѣлъ бы лучше раздуть во мнѣ пагубнаго желанія посиѣшишь въ садъ и вырвать изъ устпъ Елизаветы роковую шайну . Я хопѣлъ увѣришь себя , чпо эшо въ самомъ дѣлѣ былъ единспвенный случай видти изъ мучительной неизвѣспности , чпо одна необходимоспъ заставляла меня рѣшишь на шо . — Да , шочно , повпорилъ я , надобно кончить все однимъ разомъ , и больше не ѣздить сюда .

Я взглянулъ на Клинскаго : онъ

споялъ въ серединѣ своего хора, и, казалось, былъ погруженъ въ думу, прислушиваясь къ унылой пѣснѣ;—посмотрѣлъ въ госпинуу: пепушки, вынужденныя шумомъ прекратить чтеніе, играли въ каршы и спорили. Пріятель какъ будто опять угадалъ мои мысли: «Всѣ заняты, сказалъ онъ, никто не замѣтитъ моего опешившя.»

Прежде я имѣлъ полную свободу вездѣ и всегда видѣлъ Елизавету, говорилъ съ ней, прогуливаясь; но теперь въ самомъ дѣлѣ хопѣлось мнѣ, чпобы разговоръ нашъ оспался тайной для всѣхъ. Увѣренный наконецъ, что я незамѣтно могу ускользнуть; побуждаемый другомъ, копорый безпрестанно подспрекалъ меня не шоря времени, — шихо, съ попуцленнымъ взоромъ, и какъ будто самъ спрашась опаснаго испытанія, прокрался я между толпы; однимъ ма-

хоть прыгнулъ съ крыльца , и черезъ минуточку былъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста , гдѣ непоспнжимая для меня дѣвушка должна была, какъ Пифейская жрица , произнести роковой отвѣтъ и разрѣшитьъ все мои сомнѣнiя , или можетъ спастись , по примѣру многихъ оракуловъ , сбить и запушить меня еще больше .

Луна, какъ огромный кровавый шаръ, выкапывалась изъ за ближняго лѣса, и свѣтъ ея слабой струей прокрадывался сквозь густую тѣнь липъ, подъ которыми шелъ я. Все предметы, кругомъ меня, были озарены какимъ-то таинственнымъ полусвѣтомъ и будто въ волшебномъ фанарѣ мелькали передо мной. Будто въ волшебномъ фанарѣ видѣлось мнѣ и прошедшее. Я вспомнилъ какъ часно прежде ходилъ я по этой аллеѣ, вспомнилъ Елизавету живую, пылкую, рассказывающую, бывало, мнѣ съ такимъ просподушiемъ,

съ такою дѣпскою опкровенностью , каждую свою непріятность , каждое горе , каждую радость — и всѣ слабости ея , всѣ недоспашки , словомъ все , что я видѣлъ дурнаго въ ней , теперь исчезало , въ очарованномъ зеркалѣ воспоминанія . Я почти ужь не сомнѣвался въ томъ , что она любитъ меня , и приближаясь къ ней — почти забывалъ , что иду для одного только испытанія .

«Да еще точно ли она здѣсь? подумалъ я . Почему зналъ мой пріятель , что она непременно придетъ сюда? Не хотѣлъ ли онъ меня одурачить , или , зная хорошо сердце человеческое , въ самомъ дѣлѣ угадывалъ , что тайная надежда привлечетъ ее къ тому мѣсту , гдѣ прежде было любимое наше вдохновеніе?» Но между тѣмъ я все шелъ впередъ : на поворотѣ аллеи спояма скамья ; тамъ увидѣлъ я Елизавету , опять задумчивую , опять печальную—

и всё разсужденія мои , и кончанья и некончанья , рассыпались прахомъ .

Съ минушу я споялъ передъ ней и не начиналъ говорить , искалъ словъ — и не находилъ ихъ . Съ минушу и она безмолвно смопрѣла на меня . Мой приходъ вспревожилъ и смутилъ ее . Приподнявшись съ скамейки , она , казалось , не знала : идти ли ей , или оспаваться .

Разговоръ нашъ начался несвязными , незначащими словами , но мы какъ будто поняли другъ друга , какъ будто какое-то шайное сочувствіе соединило насъ : она оспалась на своемъ мѣстѣ ; я сѣлъ подлѣ нее .

Въ первый разъ послѣ нашей разлуки , я услышалъ голосъ Елизаветы , и эшошъ голосъ глубоко проникъ въ мою душу . Онъ былъ слабъ : каждый звукъ его выражалъ бользнь и спрада-

ніе, и не смопря на то, что она спаралась казаться спокойной, я чувствовалъ, какъ слова замирали въ груди ея опть сильнаго внупреннаго волненія.

«Присущіе мое, кажется, непріятно вамъ, сказалъ я наконецъ, спараясь возобновить разговоръ; вы опвыкли видѣть меня споварищемъ вашихъ прогулокъ.»

— Въ самомъ дѣлѣ — опвѣчала она: прежде, когда я считала васъ другомъ, когда видѣла какое участіе брали вы въ каждой бездѣлкѣ, касающейся до меня, мнѣ нисколько не казалось это спраннымъ; но теперь, когда вы сдѣлались спакъ чужды, спакъ далеки опть насъ — я дивлюсь спакой неожиданной вспрѣчь и все еще не вѣрю, что вы здѣсь... — Тонъ послѣднихъ словъ опзывался упрекомъ, но упрекомъ грустнымъ, какъ-бы невольнo вырвавшимся изъ разперзаннаго сер-

дца. Онъ больше пронулъ, чѣмъ кольнулъ меня.

«По крайней мѣрѣ одно слово о вашей болѣзни привлекло меня къ вамъ. Пусть хоть это послужитъ мнѣ оправданіемъ.»

— Оправданіемъ! но въ чемъ же вы виноваты! . . . Елизавета вздохнула. — Неужели вѣспѣ о моей болѣзни могла пронуть или огорчить васъ? — прибавила она робко.

«Можетъ быть гораздо больше, чѣмъ вы думаете.» Я говорилъ правду и не замѣчалъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ говорю нѣжностію.

Дѣвушка съ чувствомъ посмопрѣла на меня, но все еще сомнѣвалась въ словахъ моихъ. — Я знаю, что соспранданіе не чуждо вамъ ни въ какомъ

случаѣ — сказала она съ горькой улыбкой.

Топъ слишкомъ много береть на себя, кто опваживаешся бытъ равнодушнымъ испытателемъ женщины, копорая его любитъ: искры сіпрасши ея могутъ вмигъ разшипитъ всѣ холодные, ледяные расчслы ума, и зажечь фейерверкъ, если не въ сердць, шо по крайней мѣрѣ въ головѣ нашей. Я былъ шочно въ шакоемъ положеніи. Правда, что Елизавета еще ни однимъ словомъ не обнарушила насюющихъ чувствъ своихъ, но звукъ голоса, но сильный пренепъ безпреспанно измѣняли ей. Я понималъ ее, и увлекался больше и больше какимъ-шо непреодолимымъ жсланіемъ, вызвашь эши чувсшва изъ глубины ея сердца, не разсуждая, не думая о послѣдспвіяхъ; какъ будшо мнѣ было опрадно видѣшь любовь ея, было необходимо слышашъ полное признаніе... Я говорилъ, что

состраданіе слишкомъ слабое чувство въ сравненіи съ тѣмъ, которое давишь и раздираешь душу мою, что болѣзнь ея лишаетъ меня спокойствія, что я все пошъ же прежній другъ, что всѣмъ готовъ пожертвовать для ея здоровья и счастья — словомъ я говорилъ то, чего бы и не долженъ былъ говорить, — и между нами нечувствительно оживилась прежняя близость, прежняя опкровенность.

Рѣчи мои глубоко прогали Елизавету, но не пылъ справки раздули онъ въ ней, а какое-то тихое, безкорыстное чувство: казалось, что для нее доспапочно одного моего участія, что больше она ничего не желаетъ.

«Я вѣрю вамъ, сказала она, или по крайней мѣрѣ желаю вѣрить; но теперь ужъ ни что не нужно мнѣ. Ни счастье, ни здоровье для меня не воскреснуть!...»

— Что вы хошите сказать? спросилъ я ужаснувшись и какъ-бы предчувствуя къ чему клонятся эти слова.

Елизавета подала мнѣ нарцисъ, который былъ въ рукѣ у нея.

«Посмотрите на эпоишь цвѣшокъ: онъ еще живъ, но долго ли оспалось жить ему!.. И пусть шаже буря или шаже рука, которая сломали его, возвращающъ ему жизнь! Это будетъ свыше силъ ихъ... Возмите же эпоишь цвѣшокъ, прибавила она, пусть напоминающъ онъ вамъ участь мою и — последнее наше свиданіе въ здѣшнемъ мѣрѣ...»

Слезы были готовы брызнуть изъ глазъ моихъ. — Ради Бога пощади меня! къ чему эти черныя думы, эти предчувствія, которые васъ обманываютъ! —

«Не хотѣли ли вы поселить во мнѣ надежду?— отвѣчала дѣвушка, съ пвердоспѣно жерпвы обреченной на смерпъ и гошовой вепрѣшпшь ее равнодушно; — нѣпъ я давно распалась съ ней, и не хочу лсппшь себя пусспыми призраками: болѣзнь моя неизлѣчима..»

— И вы думаете, что нѣпъ никакихъ средствъ помочь вамъ? спрашивала я въ ужасной шоскѣ и почти не помня что говорю.

Она опяпъ указала на цвѣшокъ, пошомъ шпхо прибавила: «Когда сердце разперзано, тогда нѣпъ ни возмощности, ни желанія жпшь!» Я молчала. Рука Елизаветы лежала въ моей рукѣ; она чувспвовала какая спрашная дрожь пробѣгала по мнѣ, и какъ бы сжалившись надо мной, прибавила: «Впрочемъ съ нынѣшняго вечера жизнь будепъ сноспѣ для меня; учаспѣ друзей, копорые хошя и поздно, но все

начинаюшъ понимаешъ насъ , лучшее упѣщеніе и лѣкарство.»

Трудно и невозможно пересказать всего, что происходило въ душѣ моей въ эту минуту. Тайна Елизаветы была открыта мнѣ , или по крайней мѣрѣ сквозила передо мной, какъ грудь красавицы изъ подъ прозрачной дымки, и ея безнадежность , ея самоопроверженіе убивали меня. Мнѣ бы легче было слышать упреки , легче было бы видѣть пылкую, живую спросъ , а не эту грустную , спихую , неземную любовь, которая не искала взаимности, была такъ благодарна за малѣйшую ласку мою , за малѣйшее мое вниманіе.... — Елизавета, сказалъ я, сжавъ съ судорожнымъ движеніемъ ея руку , скажите : обвиняете ли вы меня въ чемъ нибудь ? —

Она значительна посмотрѣла и съ минутой колебалась отвѣчать мнѣ. «Я

сама виновата во всемъ , сказала она поупивъ взоръ. Кто слишкомъ до-вѣрчивъ, кто слишкомъ привязывается къ кому нибудь въ здѣшнемъ мѣрѣ, поэтъ всегда почти плащитъ за то поперей спокойствія , счастьемъ цѣлой жизни. Я также была слишкомъ довѣрчива , слишкомъ просподушно судила о другихъ по собственнымъ чувствамъ — и ошиблась : меня не поняли...»

— И поэтъ кто не понялъ васъ теперь передъ вами?... не правда ли?... О, вы должны обвинять , должны проклинашь его!..

«Я давно простила ему....»

— И — даже не переспали любить? спрашивалъ я едва внятнымъ голосомъ, копо рый замиралъ въ груди у меня.

«Да, прошептала она. Но пусть

эпо будешъ между нами послѣднимъ словомъ любви! Я желаю только, чтобы въ помѣ сердце, которое такъ дорого мнѣ, память объ этомъ словѣ пережила меня. Больше ничего мнѣ не надобно!...»

Слезы капились изъ глазъ Елизаветы; голова ея склонилась на грудь мою.— Нѣтъ! это не обманъ, не прищипыво, думалъ я, глядя на все съ мучительной, неизъяснимой поской. Еслибъ она хотьбѣла завлечь меня, то вѣрно не была бы такъ безкорысна, такъ снисходительна! Да и какіе виды можешъ имѣть эта несчастная дѣвушка, которая переселилась въ другой мѣръ, ввѣряющая мнѣ шайну любви своей, какъ послѣдній залогъ на вѣчную разлуку!...

ПОСЛѢДСТВІЯ ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

Я не успѣлъ еще опомниться , не успѣлъ еще сообразить хорошенько того , что сдѣлалъ и что долженъ былъ дѣлать я , какъ вдругъ громовой голосъ отца Елизаветы раздался надо мной. Дѣвушка съ ужасомъ опорвалась ошъ меня; я невольно вскочилъ съ своего мѣста.

«Злодѣй, чудовище ! загремѣлъ спарикъ, такъ-то ты плашишь за мою ласку, за мою дружбу къ тебѣ ! Для чего, какъ злой духъ, увлекаешь ты въ адъ бѣдную дочь мою ? Не ты ли своими льстивыми, обманчивыми словами , словно привороженнымъ зельемъ обворожилъ ее ? Не ты ли изсушилъ ея сердце, опнялъ у нее здоровье , довелъ ее до могилы ? . . И этого мало тебѣ, ты опять раздуваешь огонь на пожа-

рищѣ; хочешь погубишь ее до конца, хочешь опниашь у нее честь, которая одна осталась еще ей въ упѣшеніе!.. Говори, оправдывайся: для чего ты пришелъ сюда?»

Клинскій былъ разгоряченъ виномъ; онъ задыхался опъ злоспи, пѣна била съ успъ его. И что могъ я сказашь ему въ оправданіе? какъ могъ объяснишь наспоющую причину моего прихода въ садъ, передашь подробно все, что заспавило меня искашь случая говоришь съ Елизавешой? Да и повѣрилъ ли бы онъ мнѣ, да и послужило ли бы это къ моему оправданію? . . Я былъ горько оскорбленъ рѣчами его, и не зналъ что опвѣчаешь ему. Языкъ мой коснѣлъ, я въ самомъ дѣлѣ споялъ какъ преспуникъ.

«Ты молчишь, продолжалъ онъ, совѣспъ обличаешь себя, но этого мало мнѣ. Ты долженъ запланишь

кровью за бѣдную дочь мою...» Голосъ его прервался; какъ звѣрь успремился онъ на меня; но Елизавета , копорая до тѣхъ поръ была какъ полумертвая, и сидѣла закрывъ руками лице, спала между имъ и мной : — Онъ не виноватъ, не виноватъ ни въ чемъ , говорила она, дайше мнѣ сказашь слово , выслушайше меня...

«Прочь , несчастная ! закричалъ отецъ ; ты сама не знаешь , что дѣлаешь!» Въ бѣшенствѣ , грубо толкнулъ онъ ее , и она , безъ чувствъ , упала опяшь на скамью. Я хотѣлъ подашь помощь ей, но шарикъ могучей рукой схватилъ меня за грудь, и повлекъ прочь ошь нсе.

Клинскій нѣсколько разъ, въ глазахъ моихъ, стибалъ подковы, какъ чулочные спицы, и его богатырская сила дѣлала щепными всѣ мои сопротивленія.

Я даже не могъ говорить, не могъ закричать, потому что крѣпко сплснущій ворожникъ моего плашня захватилъ мнѣ духъ. Только глухо и спрашно опзывались въ ушахъ моихъ угрозы врага, только смущно чувспво- валь я, что бѣшенспво удвоиваетъ силу его, что онъ влечетъ меня какъ былинку. Наконецъ онъ далъ мнѣ вздохнуть свободнѣе: памяшь на ми- нупу возврашилась ко мнѣ, но для шого только, чтобы наполнишь сердце мое еще большимъ ужасомъ. Мы были въ какомъ-то глухомъ, уединен- номъ мѣспѣ, куда, казалось, рѣдко заходитъ нога человѣческая. Голосъ Клинскаго гремялъ надо мной.

«Кайся! говорилъ онъ съ какимъ-то судорожнымъ смѣхомъ, который спра- шно попрысаль душу мою. Я давно искалъ случая опплашишь шебѣ, и шеперь нашель его; здѣсь и воронъ не прокричитъ о швоей смерши.»

Мнѣ казалось, что передо мной спойль самъ сапана, гоповый съ адскою радоспью упишья кровью моею. И въ самомъ дѣлѣ, въ эпю минушу Клиньскій былъ похожъ на него: исполньскій роспъ, сухой, нѣсколько сгорбленньый спанъ, подымающійся на высокихъ ногахъ, смуглое, продолговапое лице съ длиннымъ, завоспрившимся носомъ, съ маленькими быспрыми глазами, выражающими хищноспъ и злобу, и наконецъ два клока волосъ, развѣвающіеся на вискахъ лысой головы его — придавали ему спрашньый видъ адскаго духа; а его черная душа, опкрывшаяся во всей нагопѣ своей, его неисповспво, происходящее опъ злобы и опьяненія, довершали эпю ужасное сходспво.— Извергъ, сказалъ я въ опчалніи, въ безсильномъ гнѣвѣ моемъ, тебѣ не въ первый разъ знакомишься съ преспупленіемъ, не въ первый разъ обагрять руки въ крови безоружнаго... Спарикъ не даль мнѣ кончишь.

• Ты лжешь! закричалъ онъ скрежеща зубами опть ярости. Ты хочешь упрекать меня сказкой, копорую выдумали мои непріятели, прибавляешь къ обидѣ, сдѣланной мнѣ, еще новую! но это будетъ послѣднее слово твое..»

Тутъ хриплый, дрожащій голосъ его прервался и лезвіе длиннаго ножа сверкнуло въ глаза мнѣ. Я хотѣлъ опянь сопротивляться, хотѣлъ бѣжать, но сильная рука врага сдвила руки мои, какъ желѣзнымъ заклепомъ. И между тѣмъ я видѣлъ какъ онъ занесъ надомной свое подлое, разбойническое оружіе. Кровь заспыла въ жилахъ моихъ: мнѣ казалось, что сердце мое превратилось въ ледъ, что холодъ опть этого льда разливаеся по всемъ членамъ моимъ. . . Нельзя равнодушно встрѣтить смерть и въ бою, и съ оружіемъ въ рукахъ, но видѣть ее гоштовую, неизбѣжную и не имѣть возможности защищаться — страшный, грозный, неизъяснимый мигъ!.. Голова

моя закружилась, мысли спутались.... Ужь мнѣ чудилось, что рука убійцы, занесенная надо мной, дрогнула, что холодное, оспрое желѣзо лепить на меня.... но воптъ какая-то поспоронная сила удержала его, чей-то сладоспный голосъ пробудилъ во мнѣ надежду и жизнь.... Я взглянулъ: Клискій освободилъ меня; Елизавета блѣдная, пренещущая держала его за руку, ужась и успалость захвапывали ей духъ. «Бапюшка, бапюшка! говорила она едва вняпнымъ голосомъ, опомнипесь, что вы дѣлаете!..»

Клинекій смотрѣлъ на нее съ злобою голоднаго звѣря, у кошораго опняли добычу. — Ты и здѣсь помѣшала мнѣ, дочь неблагодарная! сказалъ онъ. Ты сама позволяешь смѣяпсь надъ собой безнаказанно! Но развѣ забыла пш, что обида псбѣ — падаетъ и на мою сѣдую голову, что вмѣспѣ съ побой и я долженъ сдѣлапсь посмѣшищемъ

цѣлаго свѣта?.. Чорпъ же шебя возми послѣ эпого! Дѣлай чпо хочешь, будь игрушкой человѣка, копорый презираешь шебя, но не смѣй больше называшься моей дочерью. Я проклинаю шебя, предаю анаѣемъ! Пусь весь адъ обрушился надъ шобой, и пусь эша клятва опца швоего, изъ вѣка въ вѣкъ преслѣдустъ шебя и въ здѣшней жизни и въ будущей!.. Теперь кончено все: я за шебя не вступаюсь.

Ужась оцѣпенилъ Елизавету. Опцовское прокляніе, рухнувъ на нее какъ гора, подавило на мигъ всѣ ея чувства. Но когда жестокій спарикъ, кончивъ спрашную рѣчь свою, пихими шагами пошелъ прочь, не дожидаясь ничего больше, — несчастная съ воплемъ опчаянія бросилась къ ногамъ его. «Чѣмъ заслужила я гнѣвъ вашъ? сказала она, чпо шакое я сдѣлала?.. Но пусь виновата я: накажише меня, разшерзайше шѣло мое, сравнай-

те меня съ послѣдними вашими раба-
ми — я перенесу это униженіе съ
радостью, буду шerpъшь всё спрaда-
нія и лобызашь руку, копорая меня
наказывашь ; шолько, именемъ Бога!
снимите съ меня проклятіе, назовите
опяшь своей дочерью!... О, мнѣ спрaш-
но подумашь, что у меня нѣтъ опца,
что и шамъ, за гробомъ, гнѣвъ его
будешь меня преслѣдовашь, что и
шамъ не найду я спокойствія!.. Ба-
пюшка, бапюшка! ради Бога про-
спите меня!.. » Горькія рыданія пре-
рывали слова бѣдной дѣвушки. Каза-
лось, что сердце ея разрывается на
часпи, что съ каждымъ изъ этихъ
рыданій вырывается душа ея: шакъ
были они сильны и гореспны.

Клинскій смотрѣлъ на нее холоднымъ,
ледянымъ взоромъ. Въ немъ не было за-
мѣшно ни прежняго испушленія, ни
даже сильнаго гнѣва: какъ будшо всё
спраспи, до сихъ поръ кипѣвшія въ

немъ , вылились вмѣстѣ съ роковымъ проклятіемъ. Самый хмѣль, казалось, вылепѣлъ изъ головы его опъ сильнаго внупреннаго попрысенія. Но тѣмъ ужаснѣе была эпа мерпвая пишина послѣ бури , тѣмъ ужаснѣе было видѣть его каменное равнодушіе къ слезамъ, къ просьбамъ дочери. Напрасно она умоляла : опъ не хотѣлъ взять назадъ ни одного изъ словъ , произнесенныхъ имъ ; напрасно обнимала колѣна его, цѣловала ноги: опъ безжалостно оппалкивалъ ее, какъ собаку, копорая надоѣдаетъ своими ласками.

Я не могъ долѣе оспаваться безмолвнымъ свидѣтелемъ эпой раздрающей сердце сцены. Негодование , презрѣніе , жажда мести — словомъ все, что кипѣло въ душѣ моей пропивъ человека, такъ жестоко меня оскорбившаго, было забыто мной въ шу минушу; я видѣлъ только несчастную , опвергнушую дочь, копорая должна была пе-

ренесшь сполько мукъ за меня, и при-
соединилъ просьбы мои къ ея прось-
бамъ, умолялъ вмѣстѣ съ ней жесто-
каго опца о прощеніи. — Клинскій
азвипельно засмѣялся.

— «И ты просишь за нее опъ чи-
стаго сердца, сказалъ онъ: не вѣрю!
Ты, мнѣ кажется, хочешь сполько
поквишайся съ ней.»

— Безжалостный человекъ! возразилъ
я съ негодованіемъ, тебя одного не мо-
гутъ пронуть эти рыданія, опъ ко-
шорыхъ бы содрогнулось безчувствен-
ное дерево, эти слезы, копорыя ра-
спопили бы желъзо!.. И ты еще послѣ
эшого не вѣришь мнѣ, и для тебя мало
моего униженія! Требууй больше опъ
меня. Я готовъ пожертвоватъ всѣмъ
для спокойствія пвоей дочери, готовъ
даже забытъ все, что случилось меж-
ду нами, для того, чтообъ испросишь
ей прощеніе. —

Спарикъ посмошрѣлъ на меня , на Елизавету— и задумался. «Послушай, сказалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ это прощеніе зависишь ошъ тебя одного : я проклялъ дочь осмѣянную, за то, что она сама позволяла смѣяться надъ собой, и никогда не сниму этого проклятія съ дуры , которая забыла для безумной любви себя и отца. Но если слабость ея обратишся въ долгъ, если законъ и вѣнецъ прикроюшъ ея голову , тогда я буду ошашъ топовъ просишъ ее, и спану молишъ Бога , чтобы онъ оппустилъ мнѣ грѣхъ мой. Теперь понимаешь ли чего я ошъ тебя шребую?..»

Во всякое другое время , я опшвергъ бы такое шребованіе съ ужасомъ. Забышся на минушю я могъ, могъ бышъ глубоко пронущъ безкорыстной, сильной любовью Елизаветы; но опказашся ошъ Елены, распашся съ ней на цѣлую жизнь — это была жершва,

къ которой ничто въ мірѣ не могло бы меня принудить. Такъ думалъ я всегда, но въ эту минушу могъ ли я думать? Я былъ какъ безумный: сколько сильныхъ , различныхъ потрясеній, следовавшихъ такъ быспро одно за другимъ, лишили меня всякой способности мыслить, разсуждать, глядѣть въ будущее. Я помнилъ только грустный разговоръ съ Елизаветой въ саду, помнилъ, что проклятіе отца шягошѣетъ надъ ней, что она, сверхъ того, спасла меня— и роковое согласіе быль мужемъ ея, вырванное невольно минушнымъ порывомъ великодушія, жалости, благодарности, слезъмо съ языка моего.

Безмолвная , неподвижная , съ сложенными на груди руками , съ умоляющими , поднятыми вверхъ взорами , Елизавета , какъ раскаявающаяся Магдалена Рафаеля , спояла на кольнахъ передъ опцемъ своимъ. Слезы капилсь изъ глазъ ея , въперъ

развѣвалъ ея волосы. Во все время нашего разговора она не произнесла ни одного слова, и, казалось, не смѣя дышавъ, ожидала рѣшенія своей участи, какъ пресупница, копорой читаютъ приговоръ на жизнь или смерть. Я возврапилъ ей жизнь: опецъ поднялъ ее, но она всѣ еще колебалась.

«Бапюшка, сказала она робкимъ, дрожащимъ голосомъ, проспише меня безъ всякихъ условій, и не связывайте судьбу мою съ судьбой чловѣка, копорый можетъ быть заплашишь раскаянiемъ за свое великодушiе. Я не хочу этого.»

— Ты не хочешь! вскричалъ Клиникъ съ обыкновенной своей запальчивостью. Дура, безумная! чего-же хочешь ты? Кпо позволишь тебѣ изъ глупаго чванства, изъ прихоти разспроивать по, чпо шакъ счастливо

кончилось? Вздоръ! будь я анаеема вздоръ! сей часъ же повинуйся мнѣ, безъ шого, говорю опяшь, никогда мое проклятіе съ тебѣя не снимелся, никогда нога швоя не будетъ въ домъ моемъ!..

«Боже мой! чпо мнѣ дѣлашь! сказала дѣвушка гореспно. Подумалиль вы хорошенько о шомъ, на чпо рѣшаелесь? прибавила она обрапившись ко мнѣ; въ состояніи ли буделпе повпоришь слово, копорое сей-часъ у васъ вырвалось?..

— И въ доказапельство, чпо намѣреніе швое швердо, подхвашилъ Клинскій, согласишься ли шы въ нынѣшній же вечеръ обвѣнчашься съ моей дочерью?

Сначала шакая поспѣшность удивила меня, но мысль, чпо послѣ шого я не могу вспрѣпнись съ Еленой, не

буду въ силахъ вынесить ея присущія, — промелькнула въ головѣ моей: я желалъ ужь самъ скорѣй кончить все, и поспѣшь же оставишь эту сторону. «Согласенъ, сказалъ я, и даже прошу васъ о помѣ.»

Медленно, и какъ будто все еще чего-то спрашась, Елизавета подала мнѣ свою руку.

— Ну, теперь забудемъ же все, сказалъ Клинскій. Я виноватъ передъ тобой, но ты знаешь какъ дѣши дороги отцу своему! . . — Онъ обнялъ меня.

Какое-то непріятное чувство пробѣжало по мнѣ въ эту минуту: вмѣсто родственной любви, я все направилъ къ нему непріязнь — слѣдствіе неоправданной обиды, — вмѣсто уваженія, чувствовалъ одно презрѣніе. Но я спарался, я долженъ былъ задушить все,

что шайлось у меня на сердце, и шихо, рука въ руку съ Елизаветой, пошелъ за нимъ. Мы были молчаливы и грусны. Чадъ, омрачавшій меня во время сильныхъ порывовъ души, начиналъ проходить, и я самъ начиналъ ужасаться пагубнаго объѣма, даннаго мной.

ПОЗДНОЕ РАСКАЯНІЕ.

Въ домъ все осщавалось въ прежнемъ порядкѣ: хоръ пѣлъ и, повидимому, вовсе не замѣчалъ нашего опсупствія. Тешушки, оглушенныя громомъ пѣсенъ, зашворившись въ другой комнапѣ, и подавно не знали гдѣ мы и что съ нами дѣлался. Не показываясь никому, Клинскій ввелъ насъ прямо къ нимъ, съ другой стороны дома.

«Поздравьте жениха и невѣспу!» сказалъ онъ указывая на насъ.

Еслибы объ спарухи , подойдя къ зеркалу , увидѣли , что онѣ помолодѣли вдругъ шридцашью годами и съ шѣмъ вмѣспѣ сдѣлались красавицами , которыми никогда не бывали — и въ по время едва ли бы удивленіе ихъ могло сравняпсья съ шѣмъ , какимъ были онѣ поражены опѣ эпошй новоспи. Сначала онѣ думали , что брашъ ихъ шушипѣ , не хопѣли вѣришъ ему , и нѣсколько минушъ оспа-вались съ самыми спранными и смѣшными физіономіями. Но когда я подошелъ къ нимъ съ видомъ вовсе не шушливымъ и распросеннымъ , когда Елизавета приблизилась со всей скромносшью и спыдливосшью невѣспы , шушъ выпшянувшіяся лица ихъ пополниѣли опѣ удовольспвія , опкрыпые рпы сжались до улыбки , выпученные глаза засверкали радоспью — и вошъ пошли привѣпы и поздравленія , пошляя , скучныя , несносныя , особливо когда они не радуюшъ , а шерзаютъ сердце.

Я спрадалъ и спрадалъ нестерпимо. Напрасно увѣрялъ я себя, что сдѣлалъ должное, что иначе поступить было мнѣ не возможно; голосъ любви, заглушенный на минушу другими чувствами, слышался мнѣ все сильнѣе и сильнѣе. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ я ничѣмъ не былъ обязанъ Еленѣ: — пой, копорая любила меня можетъ быть еще больше другой, — пой, копорую самъ я клялся любить цѣлую жизнь, тогда какъ еще ни одно слово, ни одинъ тайный, понятный сердцу взглядъ, не связывали меня съ моей невѣстой, когда я не зналъ даже спранной, причудливой спрасти ея? — И что же я дѣлалъ? хопѣлъ возвращить спокойствіе одной и губилъ другую! былъ похожъ на человѣка, копорый шопитъ друга, для того, чпобы выплщить изъ воды упавшаго шуда незнакомца!.. Елце не образумившійся, не опомнившійся хорошенько, я однакожь понималъ, постигалъ все это,

видѣлъ какъ былъ виноватъ я передъ Еленой. . . Но я зашелъ слишкомъ далеко, и возвратиться было ужь поздно. Я чувствовалъ, что слова, даннаго мной, нельзя взять назадъ, что кромѣ того Елена во всякомъ случаѣ узнала бы о томъ, что послѣ всего случившагося со мной я ужь недоиспоеинъ ея, что она поперяна для меня невозвратно. Последняя мысль убивала всѣ способности души моей и заспавляла меня безмолвно покоренннво-вашь могучей волѣ судьбы, которая пакъ быспро и неожиданно разрушила мое счастье.

Присущствіе друга, привлеченнаго радостными восклицаніями пепушекъ, еще больше усиливало мое мученіе. Онъ привѣщспивовалъ меня съ какой-то радостью, и я какъ будто чипалъ въ насмѣшливомъ взорѣ его: пакъ вопъ какъ измѣнчива и слаба ша любовь, о которой съ такимъ

воспоргомъ разсказывалъ ты дави-
ча!...

Между шѣмъ спарушки желали не-
перпѣливо знать , какъ совершилось
такое важное семейственное событіе ;
и не смотря на все свое удовольствіе,
казалось , досадовали за то , что въ
такомъ случаѣ не попросили заранѣ
ихъ совѣта и согласія , что до сихъ
поръ онѣ ничего не знали о свашьбѣ своей
племянницы, тогда какъ всѣ и чужія
свашьбы были извѣстны имъ прежде
еще , чѣмъ кто нибудь начиналъ сва-
шашьяся .

«Какая нужда кому какъ-бы дѣло ни
сдѣлалось?— говорилъ Клинскій, переби-
вая съ неудовольствіемъ всѣ вопросы
ихъ.— Теперь некогда намъ полковашь
съ вами: сажайте жениха и невѣсту за
столъ, мы сей часъ идемъ въ церковь.»

— Какъ! что?.. закричали шепуш-

ки, снова осполбенѣвшія опть удивленія. Взоры ихъ успремились на брапа, попомъ на Елизавеспу, попомъ на меня.— Я сказаль, чпо завпра мнѣ должно необходимо ѣхапъ, на долго, можешъ быпъ навсегда...

Клинскій, казалось, полько желаль сбыпъ съ рукъ дочь свою, и не возразиль ничего. Елизавеса всюду была гопова за мною слѣдовапъ, но шепки заплакали и ужъ заранѣ прощались съ ней.

«Наплакапъся успѣете послѣ, кричалъ спарикъ; теперь давайпте проворнѣе споль; мешкапъ нечего.»

— Но, брапецъ, возразила спаршая, набожная шепушка, теперь ужъ поздно, Опецъ Ефимъ не спанешъ вѣнчапъ.

«Вздоръ! Опецъ Ефимъ сдѣлаешъ

все , что мнѣ угодно, я ужь послалъ къ нему.»

Спарухи не смѣли больше спорить. Черезъ минушу я сидѣлъ съ Елизаветой за накрытымъ столомъ , на который поставили хлѣбъ и соль. Въ залѣ раздалась унылая свадебная пѣсня.

Принужденная, насильственная твердость моя начала исчезать. Чувства гоповы были оставили меня, и смутно, какъ будто въ бреду горячки видѣлась мнѣ вся эта церемонія. Мнѣ помнилось однакожь : что люди, собравшие въ залѣ, дивились внезапной сватъбѣ ихъ барышни , и переспавая пѣть пѣсни, першепывались между собой; что пестушки опускали насъ со всѣми старинными , суевѣрными обрядами ; что на столѣ , за которымъ сидѣли мы , положили глину и уголь — оны дурныхъ наговоровъ , поставили полный стаканъ воды — что .

бы намъ жить полнымъ домомъ; что и спарухи съ своими кислыми лицами, копорья онъ каверкали спрашнымъ образомъ, выжимая насильно слезы, и Клинскій, утрюмый и молчаливый, и пріапель, вѣчно холодный какъ ледъ, — казались мнѣ какими-то неприязненными существами, собравшимися для того только, чтобы разшерзашъ мое сердце, отправивъ всю жизнь мою; помнилось, наконецъ, что слезы покашились изъ глазъ у меня, когда насъ спали благословляшъ къ вѣнцу.

Церковь была не далеко. Мы шли пышкомъ шуда. Глубокое молчаніе, какъ-бы насильно оковавшее уста всѣхъ провожавшихъ насъ; сумракъ ночи; видъ вепхой, споящей одиноко между креснами и могилами церкви, къ копорой мы приближались — все придавало этому шествію какую-то шанишвенность мрачную, печальную, при-

личную больше погребальному шествію, чѣмъ брачному торжеству. По крайней мѣрѣ я былъ похожъ на приговореннаго къ смерти, а не на счастливица, котораго ведетъ къ алтарю молодую подругу. Будущее представлялось мнѣ спрашной, безоправданной пустыней. Сердце мое замирало, пока перзала меня. Я какъ будто все еще не вѣрилъ тому, что со мной дѣлается, и между тѣмъ видѣлъ опять, что переменить моей участи не можетъ ничто, кромѣ смерти, что я все больше и больше запутываюсь въ паиньки-спивенныя сѣти, которыя разкидываетъ судьба спрашьямъ человека. — Мы вошли въ церковь. Толпа любопытныхъ собралась ужъ тамъ; священникъ вспрѣшилъ насъ съ крестомъ, и подвелъ къ налою.

Холодень, какъ мраморъ, блѣдень, какъ полошно, былъ я въ ту минушу, когда начался брачный обрядъ. Подлѣ

меня съ пошупленнымъ взоромъ , съ пылающими щеками, спояла невѣспа моя ; но я былъ далеко опть нее сердцемъ и мыслями, смопрѣлъ на нее съ мерпвымъ равнодушіемъ. За шо какая буря кипѣла внуопрь меня подь эпой ледяной, оцѣпенѣвшей наружностью!.. Мнѣ казалось, что я вижу Елену разперзанную , оставленную , обману-щую... что она проспиралетъ руки ко мнѣ, призываетъ меня, умоляетъ возвратишься къ ней , и въ слезахъ , въ опчаяніи , готовая забыть все , проситъ только о томъ , чтобы я опять любилъ ее по прежнему.... Нѣтъ! невозможно выразишь словами этихъ живыхъ, мучительныхъ чувствъ, копорыя въ шо время перзали меня! Сердце мое хотѣло выбишься изъ груди, душа рвалась къ милому призраку... И вопшь роковой вопшь священника , вопшь , копорый заспавлиалъ меня подшвердишь передь лицомъ Бога,—пагубное согласіе , данное людямъ,

вывелъ меня изъ забвенія , страшно опоздался въ ухахъ моихъ. Еще есть время , говорилъ мнѣ тайный голосъ изъ глубины души , еще есть время спасись себѣ! Я медлилъ ; колѣна мои дрожали , всѣ нервы препептали во мнѣ. . . Но невѣста , испуганная моимъ молчаніемъ , гошова была упасшь на руки шепки , которая спояла подлѣ нее; Клинскій и пріятель мой подошли ближе ко мнѣ; взоры всѣхъ усшремились на меня , шопощъ раздался по церкви: «Что съ нимъ?» спрашивали одни. «Ему дурно, говорили другіе.» Я вспыхнулъ , и съ судорожнымъ усиленіемъ произнесъ вѣчное, невозвращное : да.... Обрядъ кончился, Елена больше для меня не сущесшвовала!...

КОВАРНЫЙ ДРУГЪ.

Когда мы возвратились изъ церкви, поднялась ужасная, безполковая сумашоха. Клинскій хотѣлъ торжесшво-

вашь свахбу своей дочери , но въ общихъ попыхахъ не успѣли ничего приготовитьъ, и онъ сбиль всѣхъ съ ногъ. Оборванные мальчишки , неуклюжія дѣвки , съ распрепанными головами, больше похожія на спуты , чѣмъ на женщинъ, бѣгали взадъ и впередъ. Тетушки, наспароспи лѣпъ, ковыляли по въ кухню, по въ кладовую; самъ спарикъ хлопоталъ и суешился, и даже новобрачная, поприхопливой волѣ опца, должна была позаботипься наконецъ о своемъ нарядѣ; словомъ здѣсь дѣлалось все навыворопъ , да и не могло бытъ иначе.

Оспавленный на минупу самому себѣ, я спѣшилъ удалипься куда нибудь отъ эпого несноснаго шума, копорый казался мнѣ крикомъ вороновъ, слепающихъ на кровавый пиръ надъ моимъ прупомъ. Въ опчаяніи, въ смерпельной тоскѣ я скипался изъ комнапы въ комнапу, и забрель наконецъ въ шем-

ный, уединенный кабинетъ Клинскаго. Его мракъ привлекалъ меня: мнѣ казалось, что въ немъ я скроюсь отъ судьбы и людей, меня преслѣдующихъ. Я почти въ безпамятствѣ вошелъ туда; страшная мысль о самоубійствѣ вернулась въ голову моей.

Вдругъ шорохъ, послышавшійся въ ближней комнатѣ, за кабинетомъ, заспавилъ меня вспрепенуться. За шпонкой, непопной дверью блеснулъ огонь; кто-то началъ говорить тихимъ голосомъ — это былъ голосъ жены моей, другой голосъ такъ-же тихо отвѣчалъ ей — это былъ голосъ моего пріятеля. Какое-то странное, еще неиспытанное мной чувство спѣснило мнѣ духъ: это была не ревность любви, но страхъ, и жадное любопытство, и новая тоска. Приставъ дыханіе, неслышными шагами подошелъ я къ дверямъ и взглянулъ въ скважину. Елизавета спояла обло-

копившись объ споль. На лицъ ея не было ужъ замѣшно спраданиа , напрошивъ прежняя живость одушевляла его. Пріятель дружески держалъ ея руку. Казалось въ разговорѣ ихъ была какая-то шайна. Я приложилъ ухо и слушалъ.

«... Признаюсь , я самъ не ожидалъ такой скорой и счастливой развязки» говорилъ пріятель мой.

— Очень вамъ благодарна за многое, опвѣчала жена моя ; но за чѣмъ вы такъ сильно наспроили спарика?....

«Я далъ слово: или опдашь его вамъ, или опмсипшь за васъ.»

— Скажите лучше, чпо вы хотѣли опмсипшь за себя....

«Можешь бышь; но чпо объ эпомъ, когда все послужило къ лучшему..»

Съ первыхъ словъ этого разговора кровь закипѣла во мнѣ , бросилась въ голову; удары сердца гудѣли въ ушахъ у меня. «Елена, Елена! на какую пварь промѣнялъ я себя!» говорилъ я, и дико, помупившимся глазами , озирался кругомъ. Надо мной, на спѣнь , чпо-шо чернѣлось: я вспомнилъ, чпо шупъ обыкновенно висѣла спаринная шпага Клинскаго, копорую онъ всегда бралъ въ дорогу. Рука моя неволью схвати-лась за нее. Я пихо вынулъ клинокъ, попробовалъ : онъ былъ довольно во-сперь для того , чпобы пронзипъ грудь ненависнаго мнѣ чудовища. Злобная , звѣрская радость наполнила мое сердце , оживила все сущесиво мое. Но я опсрочивалъ желанную ми-нупу , чпобы слушать еще , чпобы визнашь всю чернопу эшихъ душъ , пакъ подло игравшихъ мной, и пошомъ окамѣнишь ихъ моимъ взоромъ , насла-дишья вполне моимъ мщеніемъ. Жена моя продолжала:

«Однакожь я невольно начинаю бояться того, что я сдѣлала, сказала она. Онъ, мнѣ кажется, больше расклевается въ поспунокъ своемъ, чѣмъ я думала.»

— О не бойшесь. Честныя правила не допускають вашего мужа сдѣлать вамъ никакой непріятности. Сверхъ того если вы будете казаться ему, такъ какъ нынче — помной, жалкой, спрадающей опъ любви къ нему, онъ распаентъ передъ вами; спанентъ употреблять всѣ средства, чтобы возвращить вамъ здоровье, которое, какъ я увѣрилъ его, самъ же онъ опнялъ. А потомъ время и вы сдѣлаенте изъ него все, что хощенте.

«Но соперница моя. . . забудетъ ли онъ ее когда нибудь?..»

— Навѣрное. . . . Вы воспоржествов-

вали надъ ней , — и я первый сообщу ей всѣмъ объ эпомъ шоржеспвѣ...

Я задрожалъ.

«Какъ?» спросила Елизавета.

— Посмотрише, сказалъ онъ вынувъ часы: золотой цифербластъ ихъ , поднесенный къ свѣчѣ, блеснулъ мнѣ прямо въ глаза. Спрѣлка показывала часъ за полночь — и эпо былъ часъ свиданія моего съ Еленой. . . у меня помутилось въ глазахъ. . . — Они разлучены, продолжалъ злодѣй указывая перстомъ на спрѣлку, съ улыбкой, копорую, казалось, онъ перенялъ у самого сапаны , — она ждетъ его; тайна ея въ рукахъ у меня, и я спѣшу явиться къ ней — вдругъ и грознымъ судьей и нѣжнымъ упѣшипелемъ ; лошадь моя гошова....

Кровь пошекла огнемъ по мнѣ ; я

не могъ больше владѣть собою , и быспро опворивъ дверь , молча , какъ шигръ на свою добычу , бросился на него . Но какое-то непоняшное счастье помогло ему : съ гибкостію змѣи уклонился онъ опъ моего удара и , прежде , чѣмъ я успѣлъ поразишь его въ другой разъ , выбѣжалъ изъ комнашы . Жена моя безмолвная , неподвижная , почти лишенная чувспвъ , оспавалась на одномъ мѣспѣ . « О , для меня все равно кшо бы первый не палъ изъ васъ ! » вскричалъ я въ бѣщенспвѣ , и подспрекаемый шемнымъ желаніемъ возврашпшь себѣ свободу , пакъ предательски опняпую у меня , въ шоже мгновение занесъ убійспвенное оружіе , успремленное пропивъ вѣроломнаго друга , на грудь ненависпной жены . Пронзенная въ сердце , она упала къ ногамъ моимъ . Только одинъ слабый шпонъ опозвался въ груди ея и зашпихъ въ клокопаніи крови , хлынувшей изъ рпа . . . Лице ея изказилось ,

смертныя судороги пробѣжали по ней. . . .

Я содрогнулся , отворопилъ лице , но адъ , копорый кипѣлъ во мнѣ , придалъ мнѣ силы изпоргнуть окровавленное желѣзо изъ прупа несчастной . Я помнилъ только , что мщенье мое совершено въ половину , что извергъ , такъ подло разрушившій мое счастье , еще живъ , невредимъ , не уничтоженъ мной — и спѣшилъ его преслѣдовать . Пробѣгая черезъ комнапы , я встрѣчалъ людей ; иные съ ужасомъ опспупали ошь меня , другихъ сбивалъ я съ ногъ , и какъ молнїя вылетѣлъ на крыльцо ; но было ужъ поздно : предапель успѣлъ сѣсть на коня . «Теперь шы крѣико привязанъ здѣсь , и вѣрно ужъ меня не догонишь!» сказалъ онъ , и спрѣлой пуспился съ двора . Его злобный смѣхъ раздиралъ мое сердце.—Лошадь! лошадь мнѣ! — кричалъ я въ испупленїи , и бѣжалъ за нимъ какъ безумный .

Я видѣлъ какъ обскакалъ онъ садъ, какъ полетѣлъ по нощи же дорогѣ, по копорой прѣхали мы, зналъ куда спѣшишь онъ, и не могъ догнать его. «Я наспигну тебя, злодѣй! наспигну!» повпорялъ я прерывающимся голосомъ, и между тѣмъ онъ съ каждой минутой спановился дальше и дальше. Духъ занимался у меня опть усталости, но я все бѣжалъ, бѣжалъ... и вопъ гулъ онъ копытъ его лошади спихъ въ опдаленіи; позади начали слышатся крики и вопъ: тамъ оплакивали убитую, искали убійцу ея. Эти крики безпреспанно спановились слышнѣе, безпреспанно приближались ко мнѣ. Спрахъ, жажда месни, мысль о сдѣланномъ пресипупленіи мучниельно сливались въ душѣ моей. Я рвался вслѣдъ за врагомъ, хотѣлъ спасаться, но меня догоняли. Убійца! убійца! раздавалось въ ушахъ моихъ. Руки мои были въ крови и напрасно я силлся сперешъ эту кровь: она липла ко

мнѣ, жгла меня, палила адскимъ огнемъ мою внутренность. . . . волосы мои спланились горой, колѣна подгибались. . . . я упалъ, и скованный ужасомъ, въ какомъ-то изнеможеніи, не могъ пронуться ни однимъ членомъ. . .

А Л Ы Н А С К А Р Ъ Н А И З Н А Н К У .

Земля вершѣлась подо мной, голова кружилась. Мнѣ казалось, что я хватаюсь за какое-то дерево, чтобы не слетѣть въ пропасть, которая разверзлась вокругъ. . . Но вопль чья-то рука прикоснулась ко мнѣ: смопрю— и душа моя начинаетъ отдышаться, память медленно возвращается. . . глубокой вздохъ облегчилъ мою грудь: я былъ на мѣстѣ свиданія, передо мной стояла — Елена. . . .

Опомнившись, я понялъ наконецъ, что и пріятель, увлекшій меня въ

домъ Клинскаго, и старыя пепушки, и Елизавета, и страшная свадьба моя — словомъ все, что памъ случилось со мной, только снилось мнѣ; что происшесивія того дня, мечпы мои и дьявольски крѣпкая наспойка, копорой такъ безопвязно подчиваль меня старикъ, при встрѣчѣ съ нимъ, навѣяли на меня эпопть ужасный сонъ. Но онъ былъ такъ живъ, оспавилъ во мнѣ такое непріятное впечатлѣніе, что я долго не могъ успокоиться, и долго еще лихорадочная дрожь пробѣгала по мнѣ.

Самое присушсвие Елены не могло совершенно разогнать тоски моеѣ. Я пропивъ воли думаль, что эпопть сонъ предвѣспникъ зла; опкрытая пайна любви меня мучила. Я рѣшился сказаць Еленѣ о моеѣ неоспорожености, и съ горькимъ раскаяніемъ, съ спѣсненнымъ сердцемъ ждалъ опвѣщаея.

Она напропивъ была веселѣе обыкновеннаго и — чего вовсе не ожидалъ я — выслушала меня безъ спрѣха и негодованія. «Что же такое, опивъчала она, если ужъ сердце мое принадлежитъ тебѣ, я не боюсь ни чьихъ нареканій: пусть любовь моя будетъ извѣстна хоть цѣлому свѣту — для меня все равно. Но скажу тебѣ вѣспѣе больше радостную: опецъ мой видишь, наконецъ, несправедливостъ поступковъ своихъ, видишь непоколебимую волю мою. Чадъ приспраспія его къ знапности начинаешь проходить; я была съ нимъ опкровенна, и мы можемъ надѣяться, что счастье не далеко опъ насъ...»

Я обомлѣлъ опъ радости, не помнилъ себя опъ восхищенія. Долго говорили мы о нашемъ будущемъ счастьѣ, долго мечпали о немъ. Удовольспвіе, полноша сердець сдѣлали насъ словоохпными и наконецъ рѣчь наша склони-

лась на предметы поспоронніе: «Вообрази, сказала, между прочимъ, Елена шушя, сего дня я получила записку опть Лизаньки Клинской — я вздрогнулъ, — бѣдняжка пишеть, чпо она проспудилась, и при помъ безъ памяпи влюблена — я вздрогнулъ еще сильнѣе — въ какого-шо молодого человѣка, котораго вчера увидѣла въ первый разъ!»

Послѣдняя гора свалилась съ меня. Эша черта обозначала вполнѣ всю прежнюю въпренность характера Елизаветы. Я понялъ, чпо хипрый другъ, не зная любви моей, вздумалъ посвапашь меня — или шушя и желая испытывашь, или можеть бышь изъ какихъ нибудь личныхъ выгодъ, въ угожденіе Клинскому. Разсудивъ здраво, я самъ видѣлъ наконецъ, чпо ни шо, ни другое не могло бы имѣшь опасныхъ послѣдствій для меня, и полько дивился шому, чпо я до сихъ поръ шакъ легкомысленно вѣрилъ человѣку,

копорога дурныя, или лучше сказать пущыя, правила давно были извѣсны мнѣ.

Оспальныя минушы свиданія пролепѣли для меня въ блаженствѣ неизъяснимомъ, не возмущенномъ ни чѣмъ; и на цѣлую жизнь оспанелся въ памяти моей вечеръ, въ которъй довелось мнѣ испытать сколько мукъ въ мечтахъ, сколько оправды въ сущевности! —

Вскорѣ послѣ того я оппраздновалъ, наяву, свадьбу мою съ Еленой.

Хорошо если-бы всегда было такъ: минушное легковѣріе, и раскаяніе въ неоспорожности породили во мнѣ тысячу мрачныхъ думъ, воображеніе мое, разспроенное горячкой любви, смопрѣло на все въ увеличительное спекло. Я заранѣе создавалъ себѣ несчастія, мечталъ о нихъ, бредилъ ими во снѣ

и — пробудился для радости, — но въ свѣпѣ больше людей, копорые видяпѣ счастье полько въ мечтахъ, больше наспоющихъ Альнаскарровъ, чѣмъ пакихъ, какъ я!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.